

СВЕТОЗАРИЯ

Глава первая. Рассветный обряд и березовая белка

Когда мне было два года, я поперхнулся березовым соком. Старейшины сказали, это дурной знак — ребенок будет неудачливым, а мама потом часто повторяла, что она очень виновата, поторопилась дать мне сок вместо грудного молока, а первый глоток сока определяет судьбу березанина. Я долго не понимал, в чем мое несчастье, пока не подрос и не услышал от папы, что не смогу сделать ничего, где нужна хотя бы капелька удачи.

— Но это нестрашно, - сказал он. - Мы с твоей мамой тоже простые люди.

Хоть удача от нас и не отворачивалась, избранными мы все равно не стали.

— Наверное, все хотят быть избранными?

— Все хотят быть любимыми. А мы тебя любим.

Я тоже их люблю. И маму с папой, и сестру, и друзей, и своего коня, и березы, которые не дают погибнуть нашему миру.

Каждую ночь мы приходим в лес, чтобы прогнать тьму, и каждую ночь я боюсь, что рассвет не наступит.

В одну из таких ночей я стоял, как обычно, обняв березу, и ждал, пока Велимудр и другие старейшины прочтут заклинание.

— Дим! Дим! - услышал я шепот сестры. - Ты забыл прислониться лбом.

Спасибо, что напомнила. Обряд простой, в нем участвуют даже дети, которым больше десяти лет, а мне уже пятнадцать и все равно умудряюсь что-нибудь перепутать.

- Не отвлекайся! - строго добавила сестра, будто из нас двоих она старшая, а не я.

На самом деле, Мила на год меня младше, но привыкла, что родители дают ей важные поручения и возлагают на нее большие надежды. Мама с гордостью отвечает соседям, которые восхищаются Милой:

- Да, она у нас умница и красавица. Повезло нам с дочкой.

Мне всегда кажется, мама хочет добавить: «А с сыном не очень», но я гоню эти мысли прочь. Сестрой я и сам горжусь, она правда красивая — одна коса чего стоит! В нашей семье у всех светлые волосы, но ни у кого они так не сияют на солнце, как у Милы. И голос у нее звонкий. Мне нравится, как она произносит: Дим, Дим... Вообще, мое имя — Вадим, но чужим это знать не нужно, поэтому все зовут меня Димом.

Велимудр воздел руки к небу, и старейшины повторили за ним:

- Внемли призывающим тебя! Пролей свет на землю-матушку!

Остальные березане по-прежнему обнимали деревья. Факелы, воткнутые в землю, освещали силуэты людей: мужчин в рубахах поверх штанов и женщин, чьи длинные рубахи были украшены березовыми листьями. На всех пояса-обереги от нечистой силы, на некоторых легкие плащи, но мало на ком — в середине лета ночи теплые.

Велимудр говорил не спеша, иногда тряс бородой, будто вытряхивал из нее запутавшиеся там слова. Раньше я боялся, что он ошибется — скажет что-нибудь не то или совсем забудет заклинание, и случится непоправимое. Но Велимудр не ошибался и никому не давал проводить обряд, лишь однажды, сильно разболевшись, он позволил сделать это другому старейшине. Старейшины равны между собой, любой имеет право быть на обряде главным, но они, не сговариваясь, признали главенство Велимудра.

Людей на обряд приходит много, они растягиваются по всему лесу, и первые не могут увидеть последних. В нашей Светозарии никто, кроме

березан, не владеет рассветной магией, именно мы должны просить солнце выйти на небо, и каждый старается не пропускать обряд, если для этого нет особых причин.

Во время обряда я всегда стою рядом с внуком Велимудра, Богданом. Многие его избегают, говорят, он грубый и заносчивый, но я знаю, что Богдан не такой, каким кажется.

- Всё! - с облегчением выдохнул Богдан и выпрямился во весь рост. - Почему наш обряд сложнее, чем у дубравцев? Я сам видел, они сидят под дубами, облокотившись на деревья. Сидят! А мы стоим тут...

Я не знал, что на это ответить. Рассветная магия и закатная — разные. Наверное, потому и обряды разные. Березане призывают новый день, а дубравцы — ночь: люди должны отдохнуть от дневных забот, а земля от людей. Если нарушится чередование дня и ночи, Светозария погибнет, и никто из живущих на этой земле не сможет спастись.

- И заклинание у дубравцев короче нашего, повезло их старейшинам, - продолжал ворчать Богдан.

А я смотрел, как медленно отползает чернота, и повсюду разливается красновато-сиреневый свет. Обряд завершен, березане могут спокойно отправляться по своим делам.

- У тополян вообще никаких обрядов нет, - наконец я нашел, что возразить Богдану.
- Не говори мне про них! Бесполезные людишки, только и могут разбрасывать повсюду тополиный пух. А ты с ними водишься.
- Они веселые. И рассказывают много интересного.
- Ну нет, дубравцев я и то уважаю больше, хотя не люблю. А тополяне твои дураляне. Как они там вечно говорят? Легкости вам! Легких мыслей! Ага, в пустых головах все мысли легкие.

- Зато у тебя голова тяжелей, чем топор Перуна. Смотри, чтоб не отвалилась.

Если бы мы продолжили спорить, наверняка разругались бы, а то и подрались, как было уже не раз. Я не хотел с ним драться: все равно быстро уложу его на лопатки, я гораздо крупней Богдана, будет потом обижаться. К счастью, Богдан и сам перестал говорить гадости о тополянах, и я заметил, что он пристально смотрит в одну точку.

- А это кто? - удивленно спросил он.
- Где?
- Да вон, повернись. Странная тетка. Кажется, не из наших...

Я обернулся: женщин в лесу было много, как и мужчин. Между деревьями мелькали спины и затылки — березане, довольные исходом обряда, спешили уйти из леса, чтобы покормить детей, да и самим поесть перед работой в поле. Я не увидел никого, кто выделялся бы из толпы.

- Какая тетка?
- Исчезла... - Богдан растерянно оглядывался. - Но была! Точно была! Плащ на ней необычный, с вышитой ящерицей. Она пялилась на меня.
- Ящерица?
- Тетка. Взгляд был такой, будто ей что-то нужно.
- Она и правда не из наших, если решила у тебя что-нибудь попросить, - пошутил я.

Богдан пропустил мои слова мимо ушей, он все еще пытался отыскать незнакомку, но так и не отыскал.

- А сестра твоя куда помчалась? - от взгляда Богдана не укрылось, что Мила, вместо того, чтобы пойти со всеми, бежит в противоположную сторону, вглубь леса. - Небось опять будет бродить среди берез в одиночестве. Чудачка! И не дружит ни с кем.
- Не твое дело, - отрезал я.

Разговоры с Богданом о сестре я не люблю, они всегда сводятся к тому, что Мила не такая, как все. Нелюдимая.

- Чудачка, - повторил Богдан. Будто специально меня дразнил, и я в долгу не остался.
- Злишься, что твое имя для нее пустой звук?
- Нужна она мне! - тут же взвился Богдан. - Вот докажу, что я — сын одного из богов, локти себе кусать будет.
- Сперва докажи.

Слова вырвались, я не успел их удержать, а Богдан разошелся:

- И докажу! Я не трепло! А если ты думаешь, что трепло, не подходи ко мне больше. Понял?
- Да знаю, что не трепло, - сказал я примирительно. - Я тебе верю.

Мать Богдана умерла, когда ему исполнился год, а отца никто не видел. Велимудру, скорей всего, известна тайна рождения внука, но он хранит ее от всех, и Богдан ничего не может у него выпытать, но сам уверен, что он сын бога, только какого?.. Богдан невысокий, худощавый, волосы у него темные, глаза тоже, нос длинный, губы — тонкая нить. А сыновья богов все до единого златокудрые, круглолицые, широкоплечие, их зовут светозарами. В честь своих сыновей боги и назвали наш мир. Светозары рождаются у берегинь, а если мать — простая женщина, но отец — бог, могут быть и такими, как Богдан. Наверное...

- Пошли, - буркнул Богдан.

Разговаривать ему больше не хотелось. Мне тоже. Я думал о Миле: слишком часто она стала уединяться и грустить, а что с ней творится, непонятно.

- Березонька, миленькая моя! Красавица стройная, белоствольная! Помоги мне, родимая! Забери мою хворь душевную, исцели мое сердце раненое. Чтобы я была весела и беззаботна, и чтоб радовал меня каждый новый день!

Мила произнесла заклинание три раза и привязала к березовой ветке ленту. Хоть бы береза ее услышала! Хоть бы вернула ей радость и покой! Ствол у березы ровный, и дышит она ровно через свои темные черточки, а если дотронуться до ствола рукой и постоять подольше, можно почувствовать, как бьется ее сердце. Значит, береза тебе открылась, значит, согласна с тобой говорить.

- Плохо мне, березонька, тоскливо. С того самого дня места себе не нахожу.

Тот самый день часто вспоминался Миле. Не зря она не хотела ехать к дубравцам, но отказаться было нельзя — все юноши и девушки поехали, так у них принято: березанская молодежь приезжает на праздник дубовых веток, а дубравская — на праздник березовой коры. Она надела любимую рубаху, узоры на которой вышиты красными нитками, и кожаные башмаки. Мама дала ей ожерелье, а обруч на запястье Мила оставила свой, из красной шерсти. Распустила волосы, нарумянила щеки, думала еще брови начернить, но не стала — пусть будут, какие есть.

На празднике все веселились, ели хлеб из желудевой муки, бегали друг за другом с дубовыми ветками — кто первый дотронулся веткой, тот и победил, водили хороводы. Мила заметила, что на нее все время смотрит один парень. Красивый. Кожа смуглая, волосы черные, а глаза светло-зеленые, так и притягивают взгляд к себе. Кто-то сказал, его зовут Ярославом. После хоровода он подошел к ней, и в руках у него был гребень, выпиленный из дуба. Мила вздрогнула: неужели для нее? У дубравцев такой обычай — дарить понравившейся девушке гребень, и чтоб обязательно было семь зубцов от

сглаза. Хороший обычай, но они с Ярославом едва знакомы, даже двух слов друг другу не сказали, а ведь если девушка берет гребень, этим она показывает, что и ей парень нравится. Мила растерялась. Ярослав ей, конечно, приглянулся. Очень. Наверное, многие девушки по нему сохнут, только она его совсем не знает, он чужой.

– Возьми, это тебе.

Протянул ей гребень, посмотрел пристально, а в глазах у него не было даже тени сомнения, что она примет подарок. Это и вызвало в душе Милы протест.

– Оставь себе, - холодно сказала она.

И сама удивилась, как грубо вышло.

Губы Ярослава задрожали от обиды, особенно нижняя, чуть выступающая вперед.

– Ну и не надо! - выкрикнул он. - Найду, кому подарить.

И, резко развернувшись, зашагал прочь. Все, чего она хотела потом, - поскорей уехать домой. К счастью, это произошло в конце праздника, и ее мучения были недолгими, вскоре березане распрощались с дубравцами, сели на коней и поехали в свои земли. Но рано она радовалась — в ту ночь ей не удалось уснуть, лицо Ярослава все время стояло перед глазами. Губы его дрожащие... Чем дальше, тем больше Мила жалела о том, что так резко ответила ему. Самые разные мысли роились в ее голове: поехать утром к дубравцам и разыскать Ярослава или попросить Дима, чтобы он с ним поговорил.

А Дим сказал:

– И хорошо, что ты гребень не взяла. Зачем тебе дубравец, березан что ли мало. Березовая ветка на дубе не вырастет.

Милу это не успокоило. Полдня она думала о Ярославе, а после обеда пошла к реке Сварожке, что течет между березанскими и дубравскими

землями. Нарвала цветов, села на берегу, стала плести венок и увидела, что через реку скачут всадники: Ярослав с тремя друзьями. Сердце заколотилось и от страха, и от радости. Вот и хорошо, теперь они с Ярославом объяснятся и забудут досадный случай на празднике. Но прежде чем она успела открыть рот, Ярослав спрыгнул с коня и крикнул друзьям:

- Смотрите, кто здесь! Березанская дурочка! Она поверила, будто я всерьез решил подарить ей гребень.

Парни загоготали, а Мила вскочила, уронив цветы.

- Но гребень не взяла, гордая. А давайте ее проучим, будет знать, как себя с дубравцами вести надо.

«Бежать! - застучало у Милы в висках. - Бежать и звать на помощь!»

В мыслях она была уже далеко отсюда: там, где начинаются избы березан и где ее не дадут в обиду. Но в реальности она словно окаменела, страх захватил полностью, не давая сдвинуться с места.

- А что мы с ней сделаем? - спросил один из парней, с любопытством разглядывая ее.
- Загоним в воду! - со злорадной ухмылкой ответил Ярослав. - Пусть поплавает. И не выпустим на берег, пока не вымолит у меня прощение.

Так вот что он задумал! Плохо же он ее знает. Она сама ни за что не выйдет при них из воды в мокрой рубахе — это все равно, что раздетой выйти. Нет уж, она не позволит им смеяться над собой. Нырнет поглубже и уплывет. А если они не дадут уплыть? Если вытащат силой? Надо нырнуть так глубоко, чтобы не достали. Чтобы и опомниться не успели. Но как долго она сможет дышать под водой? Мила сцепила зубы, чтобы подкатившие к горлу слезы не вырвались наружу, и шагнула к воде.

- Ишь ты, послушная, - хохотнул друг Ярослава. - Сама пошла.

К ногам словно по мешку соли привязали, никогда еще шаги не давались ей настолько тяжело. Осталось совсем чуть-чуть, и ноги коснутся воды, а потом...

— Стой! - Ярослав схватил ее за руку. - Не надо, я пошутил.

Странно прозвучало его «не надо», совсем иначе, чем то, которое он бросил ей в лицо на празднике. В голосе Ярослава Миле почудилась печаль.

— Поехали отсюда! - крикнул Ярослав парням, и, не глядя на Милу, направился к своему коню.

Недовольные возгласы парней, лишенных забавного зрелища, ржание лошадей и далекий лай собак — все слилось для Милы в невыносимый шум. И среди это шума она продолжала слышать лишь одно: «не надо, я пошутил».

Всю неделю Мила приходила к реке, втайне надеясь встретить Ярослава, но он больше не появлялся. Она ругала себя за желание увидеться с парнем, который хотел посмеяться над ней, но тут же находила этому оправдание: он не сделал ей ничего плохого, он ее пожалел, а сперва в нем говорило задетое самолюбие. Если бы он мог услышать, что она думает! Но пока ее слышит только береза.

— Как мне быть, березонька? - Мила провела рукой по стволу и, коснувшись чего-то мягкого, в испуге отдернула руку.

А присмотревшись, улыбнулась. Это же березовая белка спустилась к ней! Такую белку не сразу заметишь: она меньше обычной, а шерсть у нее одного цвета с березой — белая с темными черточками.

Белка доверчиво разрешила себя погладить, а Мила захотела посадить ее к себе на ладонь, но зверек испугался, побежал наверх, и тут Мила увидела, как в хвост белки вонзается стрела. Белка заметалась, пытаясь вырваться, но стрела пригвоздила ее к дереву.

Обернувшись, Мила встретила холодный взгляд Ярослава.

— Совсем ополоумел? - закричала она.

А он снова прицелился. Белка вгрызлась зубами в стрелу, и первым порывом Милы было немедленно залезть на дерево и освободить белку, но Ярослав не шутил, а вторая стрела могла стать для белки смертельной.

- Убери лук! - твердо сказала Мила, глядя Ярославу в глаза. - Убери, а то хуже будет.
- Правда? А что ты мне сделаешь? Лучше отойди от дерева. Все равно не успеешь ей помочь, я хорошо стреляю. Вон как точно в позвонок попал! - он самодовольно усмехнулся, глядя на белку. - Все мечется, паршивка! Зря старается, не сбежит. А по движущей мишени стрелять еще интересней.
- Это не мишень, это белка! Живая! - голос у Милы сорвался.
- Сейчас станет мертвой. Ты сама во всем виновата, - лицо Ярослава перекопилось от злобы. - Они смеялись надо мной, когда ты не взяла мой гребень. И когда я отпустил тебя у реки, смеялись. Сказали, чтобы я принес им чучело березовой белки. А если не принесу, так и останусь посмешищем для всех.

Он выстрелит, больше у Милы не было сомнений. И нет таких слов, чтобы остановить его, но есть кое-что другое... Рука Ярослава натягивала тетиву, а Милина рука потянулась к поясному кошельку. Там березовые сережки. Заговоренные. Нужно взять три штуки и бросить ему под ноги. Всего три штуки, и белка будет жить. Раздумывать некогда. Одно резкое движение и... у Милы перехватило дыхание. Прогремел гром, красные всполохи озарили небо, а Ярослав взвыл от боли, упал на траву и замер.

Глава вторая. Сварожья каша и хвост ящерицы

Мама отчитывала Милу, а та молчала. Она всегда молчит, не пытается оправдываться, в отличие от меня. Сидит тихо на скамье, смотрит в пол, и не

поймешь, то ли она со всем согласна, то ли вообще далеко отсюда и ничего не слышит.

- Ты соображаешь, что натворила? - кричала мама, размахивая ложкой, которой она только что накладывала в тарелки кашу. - Твое счастье, что Велимудр сумел тебя отстоять. А потребовали бы дубравцы наказания, тогда что?
- Ярослав сам виноват, - не выдержал я. - Он приперся в наш лес и хотел подстрелить березовую белку. И хвост ей повредил. Ее теперь травники выхаживают, а ему хоть бы хны.
- Никому! Никому, ясно вам, не дозволено применять сережки против людей!

Не люблю, когда мама такая. Лицо у нее становится красным от крика, а борозда между бровями глубокой, но самое ужасное — это руки, они так быстро двигаются, что у меня к горлу подкатывает тошнота, и я хочу закрыть глаза, но знаю, что мама разозлится еще больше.

- Нам для чего их боги дают? Чтобы могли защититься, если зверь в лесу нападет. Зверь! А человека они и убить могут. Представь, если бы Ярослав бросил в Милу желуди, тогда что?
- Этого только не хватало!
- Конечно! А ей кидаться в него сережками можно?
- Но ничего же страшного с этим дураком не случилось. Полежал немного, не дыша, потом очнулся. Жаль, меня там не было. Наподдал бы ему еще.
- Вадим!

Назвала полным именем, рассердилась.

В дверях появился отец, тоже сердитый. Исподлобья взглянул на Милу, но ничего не сказал.

- Садись ужинать, Мирон, у нас был тяжелый день. А говорить с нашими детьми — все равно что воду решетом носить. Одна делает вид, что не слышит, второй — заступничек — не желает понять, насколько это серьезно.

- Я все слышала, - отрешенно сказала Мила.

Отец кашлянул в бороду, сел за стол и придвинул к себе тарелку.

- Остальные почему не едят? - угрюмо спросил он, заметив, что я и Мила к еде не притронулись, а мама даже не садилась. - Ешьте, чего уж теперь...

Мама тяжело опустилась на скамью.

- Так и будем всю жизнь простую кашу есть. Была надежда, что хоть Мила станет избранной, но после такой выходки старейшины могут занести ее в черный список и тогда все.
- Не нагнетай, Белава, я говорил сейчас с Велимудром. На первый раз Милу простят.

Вот как. Для мамы важнее всего, чтобы в их семье появился избранный. Тогда два раза в год, зимой и летом, они будут ездить во дворец Сварога на пир и есть кашу, приготовленную самим богом. Говорят, у нее особенный, ни с чем не сравнимый вкус. Но мне все равно, я уже ненавижу эту кашу, потому что родители на ней помешались.

- Дар травницы у Милы точно есть, - продолжил отец. - Этого достаточно для избранности.
- Еще год ждать, пока узнаем наверняка, - возразила мама.

Есть ли у березанина хотя бы один из трех даров, старейшины проверяют два раза: первый — когда ребенку исполняется девять лет, а второй — после пятнадцатилетия.

- А мне скоро к старейшинам идти, - напомнил я. - Может, у меня дар стихоплета. Я могу сочинять, я пробовал. Слушайте:

Наш Сварог
Испек пирог,
Положил его в сапог
И поставил на порог.
Ну как?

- Так себе, - честно сказал отец. - И просто сочинить мало. Для заклинания нужно сплести из соломы подходящую фигурку, только самые удачливые понимают, какую именно. У тебя удачи нет.
- Но попытаться я могу. А вдруг?

В девять лет я уже сочинял заклинание для жеребенка. Стих придумал, а фигурку сплел не ту, и жеребенок ее не съел, а это значит, ничего не получилось. Для каждой лошади стихоплеты пишут свое заклинание, тогда лошадь не будет болеть и станет человеку верным другом. Заклинания есть и для коров, и для коз. Богдан как-то писал для козы, у него дар стихоплета обнаружился сразу, ему повторно пытаться счастья незачем. Богдан вообще невероятно одаренный, он единственный среди березан, кто может быть и стихоплетом, и травником, и опоясником. А мне все дары не нужны, и хоть я заговорил про дар стихоплета, на самом деле хочу стать опоясником.

- Опоясник из тебя тоже не выйдет, - отец словно прочел мои мысли. - Узор для пояса, как и плетеную фигурку, просто так не угадаешь.
- Но я хорошо рисую узоры. И выучил все знаки.

Отец не ответил. Он уверен, что мне это не поможет. Наверное, так и есть, я даже для себя не смог нарисовать обереговый узор, хотя очень старался. С детства много рисую и придумал, как подобрать узор для конкретного человека. Сперва я вывожу на бересте его лицо, а потом смотрю, какие узоры сочетаются с глазами, носом, ртом...

Свое лицо я тоже нарисовал. У меня на подбородке есть ямка, которую я ненавижу, потому что вечно все умиляются: ах, какая очаровательная

ямочка. И я сразу не знаю, куда себя деть. Эту ямку я закрыл первым делом, разместив на ней знак солнца. На глазах изобразил спирали — знаки мудрости, и сделал их голубыми, под цвет глаз. Рот отлично совпал с ромбом — земным знаком: земля нас кормит, это самое подходящее для ее знака место. Для носа и бровей ничего не нашел, но это и не обязательно. Пытался нарисовать что-нибудь на ушах, они меня бесят не меньше ямки на подбородке. Правое ухо нормальное, а левое чуть оттопырено, и всегда найдутся любопытные, спросят, кто меня за него таскал. А я таким родился. В последнее время я стал закрывать уши волосами, немного не достающими до плеч, но все равно хочется приклеить левое ухо смолой или правое оттопырить. Знаков для ушей тоже не нашлось, и ладно.

Все-таки здорово, что тополяне изобрели рисовальные палочки, ими можно легко нанести любой узор на бересту. И цвет поменять, и стереть лишнее, иначе я бы долго мучился. А тут: раз-два и готово. Потом подумал, как разместить узоры на поясе, нарисовал уже без лица и отдал рисунок маме, чтобы она его вышила. Сами опоясники редко вышивают, для них главное — создать узор. Мама сделала все по моему рисунку, но в первый же день я зацепился поясом за ветку и порвал его. Выходит, ошибся. Если бы узор мне подходил, пояс не порвался бы. Или у меня действительно нет дара опоясника... Остаются еще травники, но быть травником я и сам не хочу, плохо понимаю в травах, чтобы делать из них лечебные настойки. Вот Мила понимает, и родители правы — благодаря ей наша семья сможет попасть на пир к Сварогу.

- А во дворце красиво, мне рассказывали, - мечтательно произнесла мама.
- Какой же Сварог молодец! Единственный из богов, кто приглашает людей к себе. От остальных не дождешься. Перун скорей пустит стрелу кому-нибудь в ляжку, а Макошь перережет нить судьбы раньше срока...
- А ты хочешь, чтоб она связала для тебя платок на зиму? - усмехнулся я.

- Я сварожьей каши хочу.

Далась ей эта каша... Разве нам без нее плохо живется? Хорошо, что я у родителей не один, и Мила не такая бездарная и неудачливая, как я. Но легче от этих мыслей не стало и есть совсем расхотелось.

- К Богдану пойду, - сказал я и, чтобы никто не успел меня остановить, побыстрее выбежал на улицу.

С Богданом столкнулся у ворот его дома.

- А я к тебе, - обрадовался Богдан. - Что там у вас?
- Да нормально все, родители уже успокоились. Но я с этим уродом поговорить хочу по-мужски, чтоб не лез больше к Миле. Поедешь со мной к дубравцам?
- Спрашиваешь! Сейчас приведу лошадей.

Мы поехали мимо похожих друг на друга деревянных домов с резными окнами, послушали песню старого баюна, сидящего на крыльце крайнего дома, и ускорились — дальше к реке вели две дороги: короткая через лес и длинная через поля. Я выбрал длинную:

- По короткой приедем слишком рано и попадем на закатный обряд. Давай пока просто покатаемся.
- Да темнеет уже, - Богдан показал на сереющее небо. - Провели они свой обряд. Но через поля, так через поля. Зря мы факелы не взяли, возвращаться будем ночью.
- У дубравцев возьмем.

Я колебался, спросить или не спросить, но недавний разговор с родителями не давал покоя.

- А эту сварожью кашу... ее никак нельзя вынести из дворца? Мне много не надо.
- Я давно принес бы, не разрешают. Там можно есть, сколько угодно, а выносить нельзя. До чего же я не люблю эти пиры!

- Из-за тополя?
- А то! От нас и от дубравцев во дворец приезжают стихоплеты, опоясники, травники. А от них всякий сброд: поэты, художники, изобретатели, музыканты и даже философы. И я вынужден терпеть их присутствие.

Хорошо, что в темноте Богдан не мог заметить мою улыбку.

Приблизившись к ржаному полю, я поехал совсем медленно.

- Злату высматриваешь? - усмехнулся Богдан. - Не бойся, мимо не проскочим, ее со сковородкой издалека видно.

Со Златой мы в поле и познакомились. Точно так же ехали с Богданом и увидели, как она танцует, только это было днем. В руках она держала сковородку, но я не сразу заметил: Злата так шустро перебирала ногами и таким стремительным был ее танец, что казалось, будто она летает над полем. Развевающийся подол юбки и копна золотых волос, - это все, что я разглядел сначала. А когда она остановилась, меня заворожили ее глаза, они все время меняли цвет, и за несколько мгновений успели побывать зелеными, серыми, голубыми и карими. «Она — берегиня поля, - догадался я. - Дух жаркого полудня — полудница». Злата была веселой и разговорчивой, и мы быстро подружились. Жаль, ее не всегда застанешь в поле, а мне все больше хочется смотреть на танец со сковородкой.

- Нет твоей Златы.
- Чего это она моя?
- Ну не моя же.

Богдан любит подкалывать меня насчет нее.

- А ты слышал, что полудницы оборачиваются старухами? - спросил он. - Ходит она сейчас где-нибудь, костями хрустит и гнилыми зубами людей пугает. А кто не пугается, того она сковородкой по башке — бац!
- Ей сковородка не для этого нужна, а чтоб колосья от солнца закрывать.

- Ну да, само собой, а у некоторых наоборот — солнечный удар после встречи с ней. И сковородка не спасает.
- Повторяешь глупости, что рассказывают старые баюны. У нас удар не случился. Разве ты не видишь, какая она?
- Какая? Я ее вообще сейчас не вижу, - рассмеялся Богдан. - Да ладно, не дуйся. Я просто тебя дразню.
- Угу. Я тебе это припомню.

Внезапно улыбка исчезла с лица Богдана, и он приложил палец к губам.

- Тихо! Мне кажется, тут кто-то есть.
- Злата?
- Не знаю.

Богдан осторожно слез с лошади, я тоже спрыгнул на землю.

- Да тихо ты!

Подул ветер, принося с собой запах мяты. На небе уже появились первые звезды, словно несколько серебряных мазков на черном полотне, но их света было недостаточно. Свет возник вместе с женщиной, неожиданно представшей перед нами. У нее был такой взгляд, что захотелось сразу броситься наутек или стать колоском, самым маленьким и незаметным, чтобы затеряться в огромном поле.

- Это она, тетка... - растерянно шепнул Богдан. - Но одета иначе.

Та, которую он видел после обряда? Если бы на ней и тогда было зеленое платье, расшитое золотом, ее бы точно заметили. Но больше всего в глаза бросилось не платье. И не полупрозрачный платок, прикрывающий седые пряди волос. На плече у женщины сидела ящерица, от хвоста которой исходил яркий свет, а изо рта ящерицы торчали перепутанные нити разных цветов.

- Надеюсь, вы уже поняли, кто я? - едва заметно улыбнувшись, спросила она.
- Богиня Макошь, - выпалил Богдан. - И если вы здесь, то...

- Не спеши. Ты не угадаешь, зачем я пришла. Как не догадывался, что я давно наблюдаю за тобой. Мне известны все твои тайны, мысли, желания. Знаю, что тревожит твою душу больше всего — ты хочешь найти отца.

Богдан побледнел, а я испугался того, что она скажет дальше. Не знаю почему, но мне почудилось, будто слова Макоши расстроят Богдана.

- Я скажу тебе, кто твой отец. Приходи сюда завтра в это же время.
- Почему не сейчас? - вырвалось у Богдана.
- Потому что я так хочу. Скоро все изменится, и мне нужна будет твоя помощь. Но об этом мы тоже поговорим завтра.

Зачем она тогда появлялась сегодня? Разве не понимает, что Богдан всю ночь и весь день будет сходить с ума, думая, имя какого бога он услышит следующим вечером? Он говорил, ему нравится Дажьбог, один из самых молодых богов. И хотел, чтобы мы все вместе катались в колеснице Дажьбога. Я не против, лишь бы вышло, как он думает.

Мой взгляд снова был прикован к хвосту ящерицы. Нарисовать бы его отдельно от туловища! Мне кажется, получится интересный узор с хвостом на переднем плане. А если много разных хвостов...

- И друга своего приводит.

Я вздрогнул. Оказывается, и мною Макошь заинтересовалась. Или она сказала меня привести, чтобы Богдан чувствовал себя уверенней, когда снова поедет к ней?

- А теперь езжайте, куда ехали.

Хвост ящерицы перестал светиться, и нас окутала темнота. Богиня исчезла.

- Река уже близко, - сказал я. - А там переедем по мосту, будет светлей. Начнутся дома дубравцев.

Богдан меня не слушал. Всю дорогу он радостно повторял:

- Теперь никто не будет сомневаться, что я сын бога. Сама Макошь пришла сообщить мне об этом! Я — сын бога! - Богдан то и дело переходил на крик. - Люди, птицы, деревья! Знайте все! Я — сын бога!

Он был так счастлив, что я ему чуточку позавидовал, хотя чему тут завидовать, я люблю своих родителей и других не хочу.

- Как думаешь, бог заберет меня во дворец?
- Погостить? - не понял я сперва.
- Нет, насовсем.
- Если до сих пор не забрал, вряд ли. И потом... разве сыновья богов не отдельно живут? В теремах. Там, где берегини.

Богдан отмахнулся, а я понял, что мешаю ему мечтать, пусть даже о несбыточном, на то они и мечты.

В землях дубравцев было подозрительно тихо. Когда мы приблизились к одному из домов, во дворе залаяла собака, но из дома никто не вышел. Постучались во второй дом, третий, четвертый — ни одна дверь не открылась.

- Неужели все спят? - удивился я. - Так ведь не бывает, чтобы все до единого спали.
- Утомились, пока возле дубов сидели, - съязвил Богдан.
- А как мы найдем дом Ярослава? И спросить не у кого.

Наконец, хлопнула дверь, и мы увидели бегущую к нам женщину с младенцем на руках. Младенец плакал, сложно было разобрать, что кричит женщина. Добежав до нас, она затараторила:

- Где? Где они? Что с ними? Скажите мне, что? Они живы?
- Простите, мы не понимаем, - вежливо перебил я ее. - Кто — они?
- Ушли на обряд и до сих пор не вернулись, - взгляд женщины метался туда-сюда, от меня к Богдану и обратно.

Малыш заплакал так громко, что женщина не смогла больше ничего сказать.

- Похоже, дубравцы еще в лесу, - сказал вместо нее Богдан. - Здесь только те, кто не ходил. Маленькие дети, старики, больные...
- Да-да-да, они в лесу, - подтвердила женщина, качая малыша. - Потерпи, маленький, не плачь... Я ждала, ждала, хотела уже к ним бежать, но у меня полный дом детей, старшая ребятня разболелась, за младшими примотреть некому. И помощи просить не у кого. Там дальше старик неходячий лежит...
- Мы сейчас мигом в лес съездим, - пообещал я. - Вы не волнуйтесь, идите в дом. А, это... факел нам можете дать?
- Правда съездите? Ой, спасибо! Вы поторопите их. Пора же возвращаться, чего они... Факел? Да, сейчас принесу. Сейчас...

Получив факел, мы с Богданом прищипорили лошадей.

- Не нравится мне все это, - крикнул на скаку Богдан.

Будто мне нравится. И слова Макоши некстати всплыли в памяти. О том, что скоро все изменится. В дубовый лес мы не въехали, а ворвались, надеясь поскорей узнать, почему дубравцы еще там. Мне казалось, объяснение будет таким простым и естественным, что станет смешно, как мы сразу до этого не додумались. Но открывшаяся нам картина была совсем не смешной. Под дубами, возле горящих факелов, лежали мужчины, женщины и дети: некоторые на спине, некоторые на животе, но никто из них не шевелился.

- Они все умерли, - прошептал я едва слышно.

И мои пальцы сделались ледяными.

Я ждал ответа от Богдана. Хоть какого-нибудь. Но Богдан не мог выдавить из себя ни слова. Внезапно один из дубравцев дернулся, и мы, спрыгнув с лошадей, кинулись к нему. Это был мальчик лет десяти.

- Он спит, - Богдан попробовал растормошить мальчика. - Но почему-то не просыпается. Как можно так крепко спать?
- Значит, и остальные спят, - выдохнул я.

Мы бегали от одного дубравца к другому, убеждаясь в том, что они живы, но разбудить их невозможно. К нескольким березам были привязаны лошади дубравцев — тех, кому не захотелось идти в лес пешком. Вид у животных тоже был сонный.

- Надо ехать за нашими, - рассудил Богдан. - Вдвоем мы не справимся.
- Пока доедем, они пойдут на рассветный обряд, - не согласился я. - А на дубравцев в это время могут напасть волки. Спящие люди — легкая добыча.

И мы снова начали их тормозить, но они не просыпались. Я понимал, что уснули дубравцы не просто так: их усыпили, поэтому все наши попытки тщетны, но не хотел сдаваться. К тому же, не знал, что еще можно сделать.

- Давай разделимся, - предложил Богдан. - Я поеду за помощью, а ты оставайся с ними.

Я не возражал, но разделиться мы не успели — услышали несвязные бормотания взрослого дубравца:

- Конь... красный, небесный... скачет и скачет... а копыта золотые... конь...

Мужчина попробовал встать на ноги, но его качало из стороны в сторону. Он удивленно уставился на нас:

- А вы... А что здесь было?
- Мы не знаем, мы только приехали, - ответил я. - Думали, вы расскажете.
- Не помню ничего! - он схватился руками за голову. - Болит-то как, зараза.

Следом за ним начали просыпаться и другие, и все жаловались на провал в памяти и жуткую головную боль. Люди переговаривались, пытались восстановить недавние события, но цепочка не восстанавливалась. Какая-то женщина обратила внимание, что в дубовый лес заехали чужие и показала на меня и Богдана пальцем.

- А эти двое откуда? Березане или тополяне? Может, они нас усыпили?

Все повернулись к нам, а Богдан шепнул:

- Надо убираться отсюда, а то еще виноватыми будем.

И мы незаметно попятились к нашим лошадям.

- Это же брат той девицы, что Ярослава чуть не убила, - слышался голос из толпы.
- Точно он! - поддержал его другой голос. - Добить решил, вот и приперся сюда.

А третий заорал:

- Хватайте их! Чего вы ждете?!

Мы вскочили на лошадей и помчались к мосту, слыша, как вдогонку летят бранные слова. К счастью, дубравцы еле держались на ногах, чтобы броситься за нами. Хотя я успел заметить, что один здоровяк попытался взгромоздиться на лошадь, но вскоре выкрикивал ругательства, оказавшись под ее брюхом.

- В любом случае, мы бы им все объяснили, - сказал я Богдану, когда мы были на своей стороне и поехали шагом. - Позвали бы женщину с малышом.
- Но сперва нас поколотили бы. Ты видел этих ненормальных? А мы еще волновались, чтоб их волки не сожрали. Надо было сразу уходить.
- Что все-таки произошло в лесу?
- Мне теперь все равно, пусть сами разбираются, в жизни больше не полезу им помогать. Меня волнует, успеем ли мы на рассветный обряд. Всю ночь провели, думая, как помочь этим неблагодарным... Наши небось уже на месте.
- Если не успеем, не страшно, - успокоил я Богдана. - И без нас обряд проведут.
- Лучше бы с нами.

Мы снова перешли на галоп, чтобы не пропустить начало обряда, а подъехав к березовому лесу, увидели то же, что и в дубовом, — лежащих на земле людей. Я понимал, что они просто уснули, как дубравцы, но сердце все равно бухнулось в желудок. Мама, папа, Мила... Я и представлять не хотел, что они могут не проснуться. Только что я наблюдал подобную картину, и это стало моим спасением, иначе, наверное, сошел бы с ума, пока искал родителей и Милу. Они спали, как и все остальные. А дальше история повторилась: мы с Богданом пытались кого-нибудь разбудить, но все было бесполезно.

- Пора проводить обряд, - заволновался Богдан. - А они не встают.
- Значит мы проведем его вдвоем, - решил я. - Я помню слова, которые говорит Велимудр.
- Я тоже, но если нас будет всего двое, этого мало.
- А если ждать, мы упустим время рассвета, и тьма завладеет миром навсегда.

Я хотел уже читать заклинание, но взглянул на небо и замер.

Ночной покров трещал по швам, не выдержав уколов солнечных лучей, по небу стелились красные и фиолетовые ленты, осторожно касаясь макушек берез. Происходило нечто невероятное — рассвет наступал без нашего участия.

Глава третья. Сын бога и подарок для героя

Сварог сидел на высокой подушке и растирал стопы. Застали бы его за этим занятием люди, точно не поверили бы, что бог, всегда предстающий перед ними в образе крепкого старца с огненно-рыжей шевелюрой и такой же бородой, много столетий страдает от боли в ногах. Людям нужен сильный бог: с посохом или молотом, которым он высекает искры; несущийся по небу верхом на рыжем коне или в колеснице; способный одним махом решить

чужие проблемы и не имеющий собственных. Сварог не обманывал ожидания людей, и когда жаждущие попробовать его кашу собирались во дворце, он восседал на троне, статный и мощный, в золотом плаще и красных сапогах. Сейчас трон Сварога была подушка, одеждой — простые штаны и рубаха, и сердце у него болело сильнее, чем ноги. Причиной этому был юноша, нервно шагающий по залу — младший и любимый сын.

Сварог смотрел на сына, в очередной раз поражаясь его внешности. Все светозары красивы, потому что они дети богов и берегинь. А этому повезло меньше, чем другим: он косоглаз, хотя его недостаток не сильно заметен, волосы у него почти не вьются, и весь он какой-то нескладный, чересчур худой и высокий, с длинными руками. Но это не беда. Бедой могут обернуться необдуманные поступки, которые он совершает.

- Папа, я этого не делал! Поверь мне, пожалуйста!
- Сядь, Ян, не бегай туда-сюда, как загнанный заяц. На подушку сядь.

Подушек во дворце несчетное количество, они разбросаны на полу в каждом зале, чтобы любой мог присесть, где ему захочется.

Ян сел и начал грызть ногти.

- Ян! Ты — светозар, в конце-то концов! Умей держать лицо в любой ситуации.
- Я не могу быть спокойным, когда ты меня обвиняешь!
- Не обвиняю, а пытаюсь разобраться, это не одно и то же. Я хорошо помню наш разговор две недели назад. Что ты мне тогда сказал? Если боги не верят в людей, зачем они вообще создавали этот мир.
- Да, я и сейчас так считаю. Но это не значит, что...
- Угомонись. Я помню, что ты предлагал открыть людям правду.
- Но ведь нечестно заставлять их думать, будто день и ночь приходят благодаря их обрядам.

- Ты знаешь, почему мы внушали им это столько времени. Люди не умеют жить мирно, а Чернобог только и ждет, чтобы началась война между березанами и дубравцами. Пока они думали, что друг без друга им не обойтись, и мир погибнет, если березане или дубравцы не совершат обряд, это их сдерживало.
- Мне кажется, люди не так глупы, чтобы променять мирную жизнь на войну.
- Ты идеалист, Ян. И даже не представляешь, насколько легко рассорить людей. Чернобог найдет способ, не сомневайся: ему нужна война, чтобы разрушить наш мир, и ты, сам того не желая, оказал ему огромную услугу.
- Это был не я! Ну, папа! Я сто раз уже повторил! Да, я хотел рассказать им, но спросил совета у тебя, и ты запретил мне говорить с людьми.
- Любой запрет можно обойти. Рассказывать не обязательно, достаточно сделать так, чтобы они сами обо всем догадались, - Сварог вглядывался в лицо сына, пытаясь понять, утаил что-нибудь Ян или нет. - Их усыпили сонным порошком, сброшенным с неба. Богам этот порошок ни к чему, им пользуются берегини, когда не могут уснуть после ночных танцев. Но берегини не ездят по небу, в отличие от светозаров, которым ничего не стоит раздобыть немного порошка. Скажем, взять у своей мамы.
- Я его не брал! - перебил отца Ян, но тот сделал предупреждающий жест и продолжил.
- Конечно, светозарам известно, что на людей он действует совсем не так, как на берегинь. Им достаточно всего лишь подышать воздухом, где есть хотя бы частичка порошка, и все они уснут, а, проснувшись, некоторое время не будут помнить, что произошло. Потом вспомнят. И

они уже вспомнили всадника на красном коне, пролетавшего над ними.
Заметь, на красном!

- Не у меня одного такой конь. У всех светозаров! А Чернобог не мог раздобыть себе красного коня?
- В том-то и дело, что нет. Красный конь сбросит любого всадника, даже бога. На нем могут скакать только светозары.
- Но это был не я, - Ян уже устал доказывать отцу, что не усыплял людей, и, похоже, потерял надежду оправдаться.

Сварог растирал стопы и тяжело вздыхал. Понятно, что Ян совершил ошибку раньше: он высказывал свое мнение на совете богов и светозаров, и, судя по всему, кто-то воспользовался этим, сделал так, чтобы все думали на Яна. Ян хотел открыть людям правду. Вот, пожалуйста... И как теперь быть? Боги потребуют наказания, будут настаивать, чтобы Яна выслали из Светозарии. Но Ян невиновен...

- Ты должен найти того, кто за этим стоит. Я не знаю как. Никто из богов не может видеть светозаров насквозь и сказать, который из вас чист, а кому есть, что скрывать. Поэтому искать будешь сам, а не найдешь, мне придется тебя наказать.
- Ясно. Божий суд всегда справедлив, - усмехнулся Ян. - Спасибо, папа, я тоже тебя люблю.
- Это не все. У меня есть для тебя еще одно задание, но о нем я хотел поговорить, когда придет Макошь. А она, по обыкновению, опаздывает.
- Богам спешить некуда, - послышался голос Макоши.

Сварог увидел, как она, полная величия, входит в зал, поприветствовал ее и предложил сесть.

- Обожаю твои подушки, - Макошь взяла себе сразу несколько и расположилась на них.

- Смотрю, ты не сильно расстроена из-за того, что наш мир может погибнуть?
- Да ладно тебе, сварганишь новый, - улыбнулась богиня и тут же добавила. - Не злись, я пошутила. Но расстраиваться в самом деле рано — я говорила, что нашла героя?

Сварог кивнул.

- Я давно его присмотрела. Ты же знаешь: если в нашем мире должно произойти важное событие, я это вижу заранее. Вчерашняя история с усыплением людей не стала для меня неожиданностью. Жаль, я не могу увидеть, кто в этом виноват, но что делать дальше, и мне, и тебе известно.
- Кто он? Наш герой...
- Березанин. Обладает всеми нужными чертами. Пожалуй, он лучший среди лучших: у него целых три дара, а это большая редкость.
- Насколько я понял, он ровесник Яна? Ему всего пятнадцать...
- Это отличный возраст для принятия решений.
- Надеюсь, ты не ошибаешься, Макошь. А я уже выбрал героя помощника. Ян, ты нас слушаешь?
- А куда мне еще деваться.
- Это и есть твое второе задание. Будь рядом с героем, но чтобы он этого не знал. И если возникнет угроза для его жизни, а она возникнет, действуй — ты получишь сигнал в случае чего. Не допусти, чтобы герой погиб раньше времени.
- Как его хоть зовут? - лениво спросил Ян.
- Скоро я назову вам имя, - улыбнулась Макошь. - Сперва хочу кое-что проверить. Для меня важно посмотреть, как он воспримет одну новость.
- Выходит, ты еще не определилась? - удивился Сварог.
- Сегодня вечером все решится, ждать осталось недолго.

Сварог в очередной раз вздохнул: придется довериться Макоши, она никогда его не подводила. Пусть сама разберется с героем, а ему предстоит долгий разговор с богами. Перун и Хорс наверняка потребуют немедленно наказать виновного светозара, но теперь Сварогу есть, что им сказать: Ян — помощник героя, а значит, никто не может его тронуть. Боги смирятся с этим. А люди привыкнут к мысли, что рассветной и закатной магии не существует. Жизнь в Светозарии станет другой, но пройдет время, и все будут считать, что так и должно быть. Лишь бы никто не открыл людям вторую, главную тайну.

- И кто придумал эти лепешки? Как их печь, они же сгорают сразу! - бормотала Злата. - Или не пропекаются.

Она носилась со сковородкой по терему, ища подходящее место, но лепешки то сгорали, то получались совсем бледными. Сковородка печет сама, вместо огня ей нужны солнечные лучи, и тут важно угадать, сколько именно.

- Так, - вслух рассуждала Злата. - Через это окно на сковородку падают два луча, совсем мало. А через окно на втором этаже сразу шесть лучей. Много! Где взять нормальное окно?!

Ее слова услышала вошедшая в терем мама.

- Окна тут ни при чем. Только от умений полудницы зависит, что творится у нее на сковородке.
- У меня творится кошмар! - Злата со злостью бросила сковородку на пол, глядя, как обугливается очередная лепешка. - Почему все полудницы должны печь ржалёнки? Я не хочу! Мне это неинтересно.
- Подними сковородку, она не виновата, что ты такая лентяйка.

- И вовсе не лентяйка, просто я это не люблю, - надулась Злата. - Сварогу нравится варить для всех кашу, пусть варит. А мне это скучно.
- Неинтересно, скучно, не хочу, не люблю, - мама села на скамью и демонстративно загибала пальцы. - А пятое что? Давай уж что-нибудь и для пятого пальца.
- Было еще слово «кошмар», - напомнила Злата и села рядом с мамой. - Мам, покажи мне новый танец. Ну их, эти ржалёнки.

Обычно маму легко уговорить, Злата надеялась, что получится и сейчас. Они вдвоем побегут на луг, где берегини соревнуются, кто кого перепляшет. Полудницы в танцах сильнее других берегинь, а Злата и ее мама Бажена — лучшие среди полудниц. Когда люди видят их вместе, принимают за сестер, хотя все знают, что внешность берегинь, как и светозаров, меняется лишь до двадцати пяти лет, а потом они не стареют. Но Бажена кажется совсем юной, вот и думают, что у нее не может быть пятнадцатилетней дочери.

- Злата, нет. Мы не будем пренебрегать традициями. Все полудницы пекут ржалёнки, чтобы угощать ими людей на праздниках. А скоро праздник березовой коры, ты же сама хотела туда пойти.
- Мне там и без ржалёнок будут рады.
- Ты про этого мальчика, Дима? Я тебе уже говорила, общайся с ним поменьше. Тебя выбрал светозар, сын Сварога, вряд ли ему понравятся твои встречи с Димом.
- А я не хочу, чтобы меня выбирали, я хочу сама выбирать.
- Опять «хочу-не хочу». Мы полудницы. Это значит, мы обласканы солнцем и притягиваем богов и их сыновей даже против своей воли. Скоро тебя назовут невестой светозара, а если на его пути встанет простой смертный, это плохо кончится. Для смертного.

- Я не давала согласия Яну! - вскочила с места Злата. - И замуж за него не пойду. Пусть только попробует тронуть Дима, будет иметь дело со мной!
 - И чем тебе Ян плох?
 - А чем хорош? Вечно куда-то несется, сломя голову, позавчера чуть не сбил меня с ног. А во время небесных скачек он управлял конем хуже всех и пришел последним. Шутки у него тоже странные: по-моему, он один их понимает. Ян состоит из сплошных недостатков, а достоинств я не заметила.
 - А ты согласишься стать его невестой, заметишь, - не отступала Бажена. - Светозары не торопятся, они всегда дают берегиням достаточно времени на раздумья. Года два или три, а бывает и больше. Хватит тебе, чтобы разглядеть его по-настоящему?
 - Ой, нет, за это время он точно успеет мне надоест. Но я придумаю, как избавиться от него пораньше.
- Злата вскинула руки и начала медленно танцевать.
- Мам, говори, я тебя слушаю, - предупредила она. - Просто очень хочется повторить одно движение.
 - Ты, конечно, вправе отказать Яну, особенно, если тебе понравится другой светозар. Но только не человек! Союз берегини с человеком невозможен. Мало кто из людей доживает до ста лет, а мы живем не меньше трех столетий. Вот тебе первая причина.
 - Сто лет счастья — тоже неплохо.
 - Не сто, а шестьдесят-семьдесят чаще всего. И не забывай, что он будет стареть, а ты нет.
 - Ну хорошо, а почему тогда боги заводят детей от берегинь? - спросила Злата, кружась. - Боги бессмертны, а берегини нет. К тому же, многие из богов похожи на стариков, хоть и вечных.

– Не сравнивай. Боги остаются богами в любом обличье. Но раз тебе мало первой причины, скажу вторую. Мы любим свободу, которой нет у людей. Здесь, в Светозарии, наша жизнь похожа на человеческую, мы ночуем в теремах, едим кашу и лепешки, иногда ходим к людям в гости, но у нас есть и другая жизнь: та, где мы — просто духи, - Бажена грациозно поднялась со скамьи и закружилась рядом с дочерью. - Ни одна полудница не способна измениться, и даже если ты станешь женой человека, тебя всегда будут манить другие земли, ты будешь покидать дом, чтобы увидеть их. Да, любовь позовет тебя назад, к мужу и детям, ты вернешься и снова исчезнешь, и так до бесконечности, потому что это сильнее тебя. Такова твоя сущность, ты свободна, - Бажена остановилась. - Человек этого не выдержит. Жить с берегиней способен только светозар, потому что светозары такие же, как и мы. Наконец, третья причина. Тебе придется всю жизнь хранить тайну, людям не положено знать того, что знаем мы. А это нелегко — скрывать правду от любимого.

– А если открою ему правду?

– Злата! - Бажена повысила голос. - У тебя и в мыслях не должно быть такого! Надеюсь, ты все поняла: забудь про Дима и присмотрись к Яну. Ну или к другому светозару. А сейчас вернемся к нашим ржалёнкам. Дай сюда сковородку!

Тяжело вздохнув, Злата подала сковородку матери. Бажена посмотрела на плоды трудов Златы с явным неудовольствием.

– Ты нигде не ошиблась? Правильно смешала ржаную муку с льняной?

– Все, как ты говорила. И гречневую крупу добавила. И яйца, и соль.

– Придется замесить новое тесто. Покажешь мне, как ты это делаешь.

Злата вздохнула еще тяжелей и поплелась за мукой.

Весь день березане бурно обсуждали последние события. И сами, и с дубравцами, и с богами — старейшины сразу же отправились к ним, чтобы задать главный вопрос: если боги знали, что рассвет и закат наступают без участия людей, почему молчали об этом? Сварог ответил, так было нужно, боги скрывали правду ради всей Светозарии. Позже обещал объяснить подробнее.

- Богам видней, - согласился Богдан, когда я заговорил с ним об этом.
- Может, и так, - я теребил свое оттопыренное ухо. - Но меня это настораживает. Старейшины с малых лет обучали нас разным наукам, а про солнце никогда не рассказывали.
- Потому что сами не знали.
- Да. У них нет других знаний, кроме тех, которыми поделились с ними боги, я понимаю. Но вдруг боги еще что-нибудь скрывают?
- Например?
- Вот смотри, - я сел на корточки, взял палку и стал рисовать на земле. - Мы живем здесь. А чуть дальше от нас тополяне.
- Были бы еще дальше, я б не расстроился.
- Потом идут дворцы светлых богов — если через лес поскакать. Немного в стороне Птичьи сады. Это все слева. А справа от нас, через речку, живут дубравцы.
- А за землями дубравцев владения Чернобога: там разные болота, Кикиморские дебри и горы. Ну, я в курсе. Зачем ты мне это показываешь?

Я начертил большой круг — так, чтобы все перечисленные земли оказались внутри него, и начал ставить точки на круге.

- А вокруг этого всего, среди деревьев, стоят терема светозаров и берегинь, - сказал я.

- Светозары — стражи нашего мира, где им еще жить. Они не пускают к нам зло.
- И не выпускают нас.
- Да ты, Дим, на солнце перегрелся. Или это Злата тебя сковородкой огрела? Забыл, что за пределами Светозарии нет никого, кроме свирепых одноглазых великанов?
- Которые схватят любого, кто к ним сунется, и разорвут на части... Да помню...

Я нарисовал еще несколько точек-теремов. Рисовать карту Светозарии — особенное удовольствие для меня, но каждый раз, когда я это делаю, мне хочется продолжить рисунок, представив, какие земли находятся там, за теремами.

- Чего ты хочешь? - Богдан нахмурился. - Если бы не светозары, эти твари давно ворвались бы сюда. А что нас не выпускают, правильно делают: нормальным людям и не придет в голову туда пойти, а с таких, как ты, станется. Это все влияние тополян, говорил тебе, не водись с ними.
- Оставь тополян в покое! - взвился я.
- Я их и не трогаю, но мысли у тебя странные. Мы не должны обсуждать действия богов, и тем более сомневаться в их словах.

Я не особо и сомневался, просто думал, вдруг в неведомых землях живут не только великаны. И вообще, интересно было бы взглянуть, что там. Сами боги туда выходят, и светозары с берегинями тоже, иногда они приносят в Светозарию младенцев — бывает, что у великанов рождаются обычные дети, ничем не отличающиеся от людей. Великанам такие сыновья и дочери не нужны, они их убивают, поэтому боги стараются отобрать детей и отдать в семью березан, дубравцев или тополян. Там дети растут вместе со всеми и никто не попрекает их чужеземным происхождением. Велимудр однажды

пояснил, что Светозарии требуется новая кровь, поэтому всем хорошо от того, что великанские дети попадают к нам: боги спасают их жизни и заботятся о своих землях.

Богдан продолжал доказывать, что боги всегда правы, хотя я и не спорил. Он волновался перед встречей с Макошью — мы уже часа три ждали ее в поле, а волнение всегда делает его несносным. Я надеялся, после слов Макоши он успокоится, а еще я мечтал увидеть Злату. Хотя она говорила, что редко бывает в поле по вечерам, не зря же она полудница, ее время — полдень, а вечером здесь танцуют берегини-вечорки. Их танец мне понравился меньше: двигались они лениво, будто спали на ходу, и ни у одной из них не было таких огоньков в глазах, как у Златы.

— Ну где же Макошь? - потерял терпение Богдан.

Я чуть было не сказал, что, наверное, она обманула и не придет, но не успел — увидел свет, исходящий от хвоста ящерицы. Платье на богине было другое, не такое нарядное, как в прошлый раз, но тоже зеленое.

— Ты готов услышать правду? - спросила она у Богдана без лишних предисловий.

— Я давно этого жду, - честно ответил он.

— А если правда тебе не понравится?

Опять непонятные намеки, любят боги туману напускать. Что должно не понравиться Богдану? Сыном темного бога он не может быть, у темных от людей рождаются только дочери, которых они забирают в свои владения. А светлые боги все хороши, быть сыном любого из них Богдан не откажется.

— А сам как думаешь? - прищурилась Макошь. - Кто твой отец? Бог грома и молнии Перун? Или бог ветра Стрибог? Или красавец Лель, разбивающий сердца и простым девушкам, и берегиням?

— Думаю, это Дажьбог. Но если не он, обрадуюсь и другому отцу.

– Ну что ж, теперь не отступайся от своих слов, - рассмеялась Макошь, и у меня от ее смеха побежали по коже мурашки.

– Твой отец — вовсе не бог, - она с любопытством смотрела на изменившегося в лице Богдана. - И даже не человек.

Макошь выждала еще немного и произнесла:

– Твой отец — банник.

В этот миг замерло все. Ящерица перестала распутывать нитки, вечорки остановились, закончив танец, филин, пролетающий над нашими головами, ухнул и умолк, а ветру надоело щекотать ржаные колосья, и он затих.

– Банник? - переспросил Богдан, и я почувствовал, как сильно ему хочется услышать в ответ, что он неправильно расслышал.

– Такое случается, - невозмутимо ответила Макошь. - Мелкие духи, вроде банников, частенько заглядываются на женщин, когда те приходят в баню. Твоей матери он тоже приглянулся. Ох, сколько они вдвоем веников связали! Отменные веники, кстати.

– Веники... - попятился Богдан. - Нет, это неправда! Вы шутите, да? Скажите, что это шутка!

– Тебе что-то не нравится? - Макошь удивленно приподняла брови.

– Я вам не верю! Вы просто решили посмеяться надо мной. Но я не позволю! Хоть вы и богиня. Мое имя говорит само за себя, я сын бога, ясно вам?

– Мне насчет тебя давно все ясно. Правду не всегда легко принять, но ты же хотел правды. Имя, говоришь... Тебя Богданом специально назвали, чтобы скрыть твое происхождение. У деда спроси, он все знает.

– Пошли отсюда! - бросил мне Богдан и ринулся к лошади.

– Постой, у меня для тебя есть подарок, - остановила его Макошь.

– Обойдусь без ваших подарков!

- Это важно. Я говорила о переменах, которые скоро произойдут. Пусть ты не сын бога, но ты избран богами.
- Мне все равно. Отстаньте от меня!
- Богдан, речь не только о твоей судьбе, - Макошь вытянула перед собой руку, и я увидел, что на ее ладони лежит небольшой кусок березовой коры. Продолговатый, с неровными краями. - Это не обычная кора, это берескор. Возьми его, и носи при себе, как самую большую драгоценность, скоро он тебе понадобится.
- Я же сказал, мне не нужны ваши подарки! - в запале прокричал Богдан. - Отдайте кому-нибудь другому.
- Ты сейчас не в себе, но это пройдет. Я оставлю берескор здесь, среди колосьев, - она аккуратно положила кору на землю. - Но если ты уйдешь, не забрав его, поставишь под угрозу жизни многих людей. Хорошо подумай, прежде чем принять решение.

Ящерица выронила одну нить, Макошь подняла ее и вернула ящерице, пожурив свою помощницу. Я перевел взгляд на Богдана, а когда снова посмотрел туда, где стояла Макошь, там уже никого не было.

- Богдан! - окликнул я друга. - Может, возьмешь этот... как его... берескор?
- Нет! - отрезал он, садясь на коня. - Мне плевать на ее бредни! Я поехал, догоняй.

Если Богдан так решил, его не переубедить, но потом он наверняка пожалеет, что не послушался богиню. Я смотрел то на его гордо выпрямленную спину, то на кусочек коры, который в любой момент могло унести ветром, и в моей голове созревало решение: возьму берескор, а когда Богдан перестанет злиться на весь мир, отдам ему. На ощупь подарок Макоши был с одной стороны гладкий, а с другой шершавый, я покрутил его в руках, обычная кора, даже понюхал — люблю запах бересты — и посчитал, сколько

всего черточек, их оказалось девять. Уже собирался убрать его в кошель, но услышал насмешливый голос богини:

- Ну вот у нас есть герой. Не тот, кого я выбирала, но хоть какой-то.
- Нет, вы меня не так поняли, - поспешил я объяснить, чтобы она не подумала, будто хочу присвоить берескор себе. - Я его Богдану отдам.
- Не отдашь, - Макошь покачала головой. - Ты его взял и теперь он твой. А я вижу все, о чем ты хочешь спросить: что тебе с ним делать, почему я назвала тебя героем и почему говорила о жизнях других людей... Не жди, ответы получишь позже.
- Но... если берескор был для Богдана, может, я не должен...
- Это уже не важно. Все лучше, чем если бы берескор остался лежать на земле. Конечно, я бы за ним вернулась, искала бы другого героя, не такого самовлюбленного, как твой друг, но ты нашелся сам. Избранным стать легко, гораздо сложнее самому выбрать свой путь.

Во мне боролись противоречивые чувства. Отныне я избранный? Ну и ну! Я, которому с детства твердили, что удача никогда не повернется ко мне лицом и даже мечтать об этом не стоит! И вдруг именно мне достался подарок богини... Мне?! Значит, я смогу стать опоясником и буду рисовать узоры, и Сварог пригласит нашу семью во дворец, а мама скажет: «Спасибо, сын, накормил сварожьей кашей». Но Макошь не собиралась выбирать меня. Ей нужен был герой, как Богдан: удачливый и способный. Она хотела дать ему важное задание и не сомневалась, что Богдан справится. А я? Справлюсь ли я? Я решился задать Макоши этот вопрос, а она загадочно улыбнулась и сказала:

- Сохрани мир в своем сердце, и ты справишься с чем угодно.

Я долго стоял посреди поля с берескором в руках. Макошь исчезла, Богдан меня не дождался, ускакал, а догонять его было поздно, да и незачем — ему сейчас лучше побыть одному. Ночь спускалась все ниже и ниже, я

вдыхал сырой воздух, слушал фыркание лошади и не мог даже отдаленно представить, к чему приведет мое решение взять берескор.

Глава четвертая. Дубовое слово и шальная стрела

Нет такого березанина, который не любил бы праздник березовой коры. Он приходится на девятнадцатое июля, но мы готовимся к нему заранее, чтобы подарить друг другу всякую всячину из бересты: игрушки, украшения, посуду и многое другое. Я давно припрятал под кроватью берестяные шкатулки для мамы и Милы, и кружку для папы, а утром всем вручил, получив взамен лапти и два короба для хранения рисовальных палочек — подарки не хуже, чем на день рождения. Однажды мама сказала, что я родился раньше срока, она думала, ребенок будет июльским и появится на свет как раз девятнадцатого числа. Я и появился девятнадцатого, только не июля, а мая. Надо было не спешить: были бы у меня самые веселые дни рождения.

К нам на праздник приезжают дубравцы и тополяне, мы устраиваем состязания, поем, танцуем, слушаем наших баюнов. Богдан каждый раз говорит, что без тополян было бы лучше и старается подколоть кого-нибудь из них, но в этот раз приезд почитателей тополиного пуха его не волновал. После того, как он узнал правду о своем отце, вообще никуда не хотел идти.

- Скажу деду, что я заболел, - заявил он, когда я пришел к нему утром.
- А он травников созовет, они сразу поймут, что ты притворяешься.
- Ну и пусть, - Богдан сел на бревно около дома и подпер голову руками. А я топтался рядом.
- Знаешь, мне все равно, банник твой отец или бог. Я с тобой дружу, а не с ним.

- Знаю, но никак не могу понять. Моя мама и какой-то там банник! Ты банников видел? Маленькие, тощие, с нечесаными волосами. А ведут они себя как... Меня один банник чуть не обжег кипятком, а другой хотел выгнать на мороз. Сперва все в стену стучал, думал, я испугаюсь, потом одежду мою спрятал и кричит: «Выметайся отсюда, а то хуже будет!» А как-то мы с дедом ночевали у его друзей. Я пошел в ближайшую баню, проклял все на свете. Там банник был злющий-презлющий, он кидался камнями и требовал, чтоб я принес ему черную курицу и хлеба. Нормально попросить не мог?

- Может, твой отец совсем не такой, бывают же нормальные банники.

Богдан поморщился и сказал, чтоб я больше ему таких глупостей не говорил, не верит он в нормальных банников. Потом добавил:

- А на праздник я пойду. Назло всяким мелким духам.

Мы договорились встретиться на поляне, где начнется праздник. Я побежал домой надеть праздничную рубаху. Пошел бы и в обычной, но мама всегда следит, чтобы все были нарядными.

- И штаны переодень, - велела она, придирчиво оглядев меня с ног до головы. - Эти протерлись, еще чуть-чуть, припозоришься. А кошель на поясе тебе зачем? Сними. Будешь бегать, прыгать, он только помешает.

Руки машинально потянулись к поясу, но я вспомнил, что кошель мне нужен — в нем лежит берескор. Хорошо, что маме стало не до меня, она наливала в кувшин березовый сок, чтобы взять с собой. У нас так принято: каждая семья приносит один или два кувшина с соком и угощает гостей.

- А второй кувшин куда делся? - мама переставляла на полках посуду, пытаюсь обнаружить пропажу. - Мила, поищи, не стой истуканом. Дим, это и тебя касается.

Мы оба бросились искать, смотрели по всем углам, пока не вмешался папа:

- Хватит и этого. Дубравца сколько березовым соком не пои, все равно на дубы смотрит.

Он повторяет это каждый раз, когда мама суетится, проявляя гостеприимство.

- Еще тополяне приедут, - вклинился я.
- А-а-а-а, тополяне, - махнул он рукой, и на его лице появилась такая же ухмылка, как бывает у Богдана, когда мы говорим о тополянах. - Они утолят жажду болтовней и смехом.

Людей на праздник пришло много: повсюду мелькали кувшины и кружки, звенели от радости голоса. Хотя радость была не такой, как обычно. Вроде все и старались делать вид, что ничего особенного не произошло, живем, как жили, но мысли у всех были одинаковые, и стоило кому-либо открыть рот, эти мысли рвались наружу.

- Думали, будто от нас что-то зависит, а выяснилось, мы — жалкие букашки в этом мире, - говорила молодая женщина. - До сих пор поверить не могу.
- Все это игры богов, - отвечал мужчина. - Скучно им там, во дворцах.

Продолжение разговора я не слышал.

- Дим, легкого дня тебе! - крикнули мне.

Мои друзья-тополяне пробирались сквозь толпу, и я поспешил им навстречу. Первой ко мне прорвалась Рада, за ней ее брат, Ждан. Они родились в один день, и вроде их лепили из одной глины, но сходства между ними мало. Почти вся глина ушла на мальчишку, потому он и получился круглым, как колобок, а девчонка вышла худенькой, при ее невысоком росте практически незаметной на фоне брата. Кажется, будто она младше его года на два, хотя им обоим по тринадцать лет. Чем они похожи, так это смеющимися глазами и каштановыми волосами: Ждану тоже можно косу заплетать, хоть и не такую длинную, как у Рады. Я обнял их обоих, а Рада

снова пожелала мне легкости, подбросив перед собой горстку тополиного пуха. Одна пушинка прилипла к длинным ресницам Рады, но девчонку это не смущало.

- У вас тут все говорят о рассветном и закатном обрядах. Удивляются, что теперь обряды не нужны.
- А тополяне не удивились?
- Конечно, нет. Мы и раньше знали, что ваши обряды ничем не отличаются от нашего разбрасывания пуха. Люди часто считают свои занятия важными, а на самом деле они просто разбрасывают пух.

Рада всегда выдает что-нибудь в этом роде, а Ждан разговаривать не любит, он уверен, что молчанием можно сказать больше, чем словами. Однажды он пояснил:

- Никто никого не слышат, кроме себя. Прислушиваться к собеседнику мы начинаем лишь тогда, когда тот умолкает.

Вот Ждан и молчит, сложив руки на толстом животе.

Я заметил в толпе Богдана и окликнул его. Он устремился ко мне, но, обнаружив меня в компании тополян, свернул в сторону.

- Куда же ты? Легкого дня тебе! - попыталась привлечь его внимание Рада.

Богдан ее проигнорировал.

- У него что-то случилось? - ее глаза перестали смеяться. - Не подошел, не наговорил гадостей... Что с ним?
- Прости, Рада, это не мой секрет. Но у Богдана правда проблемы.

Она понимающе кивнула и подбросила очередную горсть пуха со словами: «Все пройдет, как пух опадёт».

А на горизонте появился Ярослав, и у меня сжались кулаки. Кто его просил сюда приезжать? Идет вальяжной походкой в окружении дружков, на березан смотрит с презрением, от сока отказывается, от других угощений

тоже. И нарочито зевает — скучно ему. Сидел бы дома, насильно его что ли на праздник притащили? А может, и насильно. Родители могли настоять, чтобы ехал, а то все подумают, что ссора между нами не улажена.

Как назло, навстречу Ярославу шла Мила. Поравнявшись с ним, она бросила на него взгляд, полный ненависти, и он ответил ей тем же. Оба не спешили расходиться, просто стояли и смотрели друг на друга. Я мгновенно забыл про Ждана и Раду и метнулся к Миле. Только бы она ничего не вытворила! Он-то ей точно ничего не сделает, в этом я не сомневался, но выражение лица сестры меня пугало.

- Вот и защитник подрос, - Ярослав зло хохотнул. - А ее защищать не надо, она сейчас сережки достанет и под ноги мне швырнет.
 - И швырну, - процедила сквозь зубы Мила. - Думаешь, я об этом жалею и извиняться стану? Как бы не так! Тебе белку не жалко было.
 - Я ее не убил, жива твоя белка. И хвост небось уже не болит.
 - Ты пустил бы вторую стрелу, я видела, как ты целился.
 - Я просто шутил. Как и с гребнем. И тогда, у реки. Я вообще пошутить люблю, а ты бешеная.
 - Врешь! Ты сам сказал, что должен принести белку.
 - Не помню такого. Какие эти березанки впечатлительные! Напридумывают непонятно чего, а потом на людей кидаются.
- Ярослав открыто издевался, и я не мог больше это терпеть.
- Нарываешься на неприятности? - прошипел я ему в лицо.
 - Я тут вроде в гостях. У вас принято бить гостей?

Он знал, что может дразнить меня, сколько угодно: если я врежу ему во время праздника, буду отвечать и перед березанами, и перед дубравцами. Но главное — выставлю березан в неприглядном свете.

- Не последний день видимся, - стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, ответил я. - Здесь я тебя не трону, но если встретимся в другом месте...

- Встретимся, не сомневайся. Дубовое слово даю! Не с ней же мне силой мериться, - он покосился на Милу, а та и бровью не повела.

Но потом, когда Ярослав и его дружки ушли, строго сказала мне:

- Не вздумай с ним драться. Я сама разберусь, это касается только нас двоих.

- Да он же... Его на место ставить надо!

Мила упрямо помотала головой.

- Не трогай его.

Странно прозвучала эта фраза. Минуту назад мне казалось, Мила готова испепелить Ярослава взглядом, а теперь она его будто жалела.

- Полудницы пришли! - радостно закричал маленький мальчик, дергая за юбку свою маму. - У них лепешки!

Берегини с сияющими лицами порхали среди людей, хотя это не было танцем, но они так изящно двигались, раздавая людям ароматные лепешки, что казалось, будто танцуют. Я никак не мог найти среди них Злату, а когда нашел, повел себя, как последний идиот. Она предложила мне лепешку, я откусил огромный кусок, начал жевать, одновременно пытаюсь говорить, даже не помню, о чем. Она не разобрала ни слова. Я схватил вторую лепешку, испугавшись, что Злата пойдет с лепешками дальше, а мы так и не пообщаемся.

- Вкусно? - удивилась Злата.

Если честно, я не распробовал, проглотил, не чувствуя вкуса.

- Мне понравилось, - соврал я, пытаюсь понять, какого цвета сейчас у Златы глаза: голубые или серые.

Теперь их цвет менялся не так часто, как в день нашей первой встречи. Злата сказала, когда она знакомится с человеком, он видит сразу несколько цветов, а потом не больше двух. Сегодня это могут быть одни цвета, завтра

другие. У нее одной среди берегинь такая особенность. Мне кажется, у Златы не только глаза особенные, она вся не такая, как другие.

- Правда вкусно? - уточнила она. - Тогда ешь третью, а то мои лепешки никто не ест, у моих подруг вкусней получаются, а я вечно с лепешками мучаюсь. Кстати, они называются ржалёнками.

Я послушно взялся за третью лепешку, пожевал немного и сообразил, что с ней не так.

- Твои ржалёнки — недосолёнки. Соли пожалела? Обычно все пересаливают, а ты вообще не солишь.
- Чтобы пересолить, надо влюбиться, - смеясь ответила Злата.
- Ну так влюбись, - поддержал я шутку.
- В тебя что ли? - не растерялась она.
- А хоть бы и в меня.

Злата прищурилась и спросила:

- А четвертую ржалёнку съешь?

Я съел бы и пятую, и шестую, мне нравилось, что Злата стоит рядом и смеется, наблюдая, как я изображаю, будто в восторге от ее ржалёнок. Но от обжорства меня спас подбежавший к нам Богдан.

- В листопад играть будешь? - Быстро спросил он. - Двое от нас уже есть, нужны еще двое. Идем?

Меня порадовало, что Богдан оживился. Листопад — его любимая игра, он ни разу ее не пропустил, но я думал, из-за переживаний Богдан забудет про игру.

- Сыграем, - согласился я.

Правда, я постоял бы еще со Златой, но она улизнула, когда Богдан заговорил со мной.

- Идем же! - не терпелось Богдану.

Ни одно соревнование не собирает такое количество зрителей. Обычно все идут на опушку леса, где заранее приготовлены восемь щитов, на которых висят листья: на четырех щитах березовые, на четырех дубовые — по пять на каждом. Выбирают игроков от березан и дубравцев. Игроки должны сбить листья противника, стреляя из лука, березане — березовыми стрелами, дубравцы — дубовыми. Жаль, я не самый меткий стрелок, могу промахнуться, в отличие от Богдана. Зато я быстро бегаю, а это для игры тоже важно, потому что до щита с листьями сперва надо добежать.

От березан, кроме нас с Богданом, вызвались участвовать рыжий Влад и сутулый Коршун. От дубравцев пошел играть Ярослав, а за ним и его дружки. Мы оседлали коней и поехали в лес, с нами двое тополян — наблюдатели не должны поддерживать ни одну из сторон, поэтому ими из года в год становятся тополяне.

- Легкой игры вам! - пожелал белобрысый парень, подбрасывая пух.
- Легкой она не будет, - огрызнулся Богдан. - Особенно для дубравцев.
- Еще посмотрим, чьи листья первыми упадут, - парировал Ярослав.

Ехали мы недолго, даже поругаться как следует не успели, но одно дело верхом, а другое — своим ходом, путь получается не таким уж близким.

- Сейчас решим, кто по какой тропе побежит, - сказал белобрысый. - Сами разберетесь или жребий тянуть будете?
- Давай жребий, - предложил я. - Чтоб потом никто не говорил, что ему досталась тропа длинней, чем другим.

Тропы примерно одинаковые, но самая длинная должна была выпасть мне как самому неудачливому. Так и вышло, я вытянул палку с тремя насечками — третья тропа. Белобрысый дал команду, и мы помчались. Справа от меня бежал Богдан, слева Коршун, но оба они отставали. Бегунов на других тропах было видно хуже, да и некогда крутить головой по сторонам: я хотел добежать до щитов первым, чтобы к сбитым мною листьям

прибавили два за скорость. За спиной у меня висел лук, руки и ноги работали все быстрее, но я не чувствовал напряжения, бег давался легко. Я даже не сомневался, что дополнительные листья будут моими, и я бы их получил, если бы у меня внезапно не закружилась голова.

Перед глазами помутнело, контуры берез начали расплываться. Ноги больше не слушались меня, стали тяжелыми, заплетающимися, я повалился животом на землю и не мог пошевелиться. Мозг лихорадочно искал ответ. Меня опоили? Подсыпали что-то в березовый сок? Но я пил только тот, который мы принесли из дома. И ничего не ел, кроме ржалёнок. Ржалёнки? Нет, Злата не могла так со мной поступить. А кто мог? Ярослав, чтобы победить в игре? Но рано он радуется. Я почувствовал, что силы возвращаются — наверное, их дала мне земля. Поднялся сперва на четвереньки, потом в полный рост. Березы по-прежнему были нечеткими и шевелились, будто им не стоялось на месте, и они собирались пуститься в пляс. Я задержал взгляд на одном из деревьев, чтобы убедиться: это у меня воображение разыгралось, а на самом деле стоит себе береза спокойно, как и положено любому дереву. Но она действительно двигалась. Я тряхнул головой, потер кулаками глаза и посмотрел снова. С ветки на ветку прыгали две березовые белки. Я рассмеялся, поражаясь собственной глупости — беготню белок принял за движение самой березы.

Теперь я все видел четко и вспомнил, что надо спешить, я еще могу догнать и обогнать игроков. Конечно, не всех, но если приду вторым или третьим, тоже хорошо, получу один добавочный лист. Если четвертым или пятым, ничего не добавят, но и не отнимут, а начиная с шестого игрока начнут отбирать по одному листу, у последнего сразу два. Я припустил по тропе с новыми силами и увидел рыжего Влада. Он уже выдохся: не бежал, а шел, держась за бок.

— Ты как? - крикнул я ему.

– Последним приползу, - морщась, ответил Влад.

Это ничего, Влад стреляет метко, собьет все листья, и, за минусом двух, у него будет три. А если последним приду я, может так получиться, что не принесу команде ни одного листа. И я обогнал Влада, не теряя надежды увидеть кого-нибудь еще, еле передвигающего ноги, желательно, дубравца, а нескольких дубравцев — вообще прекрасно. Раньше я назвал бы свои мечты пустыми, но теперь в моем кошеле лежал берескор, и, хотя Макошь не обещала, что благодаря ее подарку я стану удачливым, мне хотелось так думать.

Вскоре я заметил бегущего Ярослава. Сперва не разобрал, точно ли это он, его тропа была далеко от моей, но ни у кого из игроков нет таких всклокоченных черных волос. Значит, он. Ярослав поднажал — сообразил, что до щитов осталось совсем чуть-чуть. Обгонять его надо было прямо сейчас, потом будет поздно, и я рванул изо всех сил, но поскользнулся на попавшей под ногу ветке и не смог удержаться на ногах. Этих мгновений, пока я падал и вставал, Ярославу хватило, чтобы оторваться от меня, и сколько я не пытался его догнать, ничего не вышло, к щиту он прибежал раньше. А я мог порадоваться лишь тому, что во время моего падения не повредился лук.

Тополянин, указавший мне на щит с дубовыми листьями, сообщил, что я шестой. Выходит, кроме Влада, еще один игрок опаздывает, и я не потерял бы листья, если бы обошел Ярослава. Но что толку сожалеть об этом, один лист придется отдать, надо сбить хотя бы четыре.

– Дим! Дим! - услышал я голос Милы.

– Давай, сын, не подведи! - крикнул отец.

И я занервничал еще больше. До этого старался не смотреть на толпу, хотя знал, что отец с матерью и сестра там. Смотреть нужно только на листья и уверенно целиться, представляя, как стрела летит в центр. А мой взгляд бегал по лицам тех, кто следил за игрой. На одних лицах я видел желание,

чтобы у меня все получилось, на других — жажду моего поражения, на третьих — праздное любопытство, но лиц было так много, что они начали мерещиться мне и на щите. Лица, лица, бесконечные лица вместо листьев... Я натянул тетиву и выстрелил. Слишком поспешно... Стрела полетела мимо, а разочарованные возгласы резанули по сердцу.

– Еще четыре! Ты собьешь! - подбодрил меня Богдан.

Второй выстрел оказался удачным — дубовый лист упал, и толпа ликовала, но я больше не замечал толпу. Следующим выстрелом сбил еще один лист и, радуясь результату, снова поторопился — четвертая стрела воткнулась в другой щит.

– Вот косой! - хохотнул кто-то из дубравцев.

Разозлившись, я выстрелил в последний раз и не промахнулся.

– Три листа, - подвел итог улыбчивый тополянин. - Один я забираю, ты пришел шестым. Твоих два.

Богдан сообщил мне, сколько листьев у нас, а сколько у дубравцев. Сам он прибежал первым, сбил все листья и получил дополнительные.

– Вторым был Коршун, - сказал Богдан. - Четыре сбитых листа и пятый за скорость. Потом приплелись дубравцы. У одного шесть, у другого четыре, а этот, - Богдан показал на Ярослава, - ни разу не промазал, у него пять.

– Выходит, у нас четырнадцать, у них пятнадцать? - уточнил я.

– Пока так. Вся надежда на Влада.

Влад уже добежал и спокойно сбивал один лист за другим, но мы с Богданом его перехвалили — последний выстрел был мимо.

– И минус еще один, - задумчиво проговорил Богдан. - Вместе с листьями Влада у нас семнадцать.

– Что, продули? - ехидно спросил Ярослав. - Сейчас Сом все листья собьет, и победа наша.

- А он прав, - шепнул я Богдану. - Сом отлично стреляет.
- И что? У него отберут два листа.
- Но если он ни разу не промахнется, нас не это не спасет.
- Игра еще не окончена, - напомнил Богдан и мне, и Ярославу. - Да и где он, ваш Сом? В трех березах заблудился?
- А правда, чего-то долго его нет, - согласился Коршун. - Влад, ты его не видел?
- Не-а, я думал, последним бегу.

Все начали переглядываться, спрашивать, кто и где видел Сома. Белобрысый тополянин сказал, что Сом мчался по седьмой дорожке, и все у него было нормально, а они со вторым тополянином забрали наших лошадей и поскакали назад.

- А кто бежал на соседних дорожках? - спросил Коршун.

Оказалось, там были Ярослав и Влад, но никто из них не помнил, в какой момент Сом отстал.

Наверное, мы бы еще ждали какое-то время Сома, но его мама, узнав, что сын потерялся во время игры, потребовала, чтобы все немедленно отправились его искать и начала возмущаться:

- Даже на праздниках тут творится непонятно что! Одни неприятности от этих березан!

Кроме меня, Богдана и Ярослава, на коней вскочили несколько мужчин из березан и дубравцев и сразу свернули на тропу, по которой бежал Сом. Дубравцы гадали, что могло случиться с их приятелем, а я подумал о странном головокружении, сбившем меня с ног. Может, и у Сома все поплыло перед глазами? Упал и лежит теперь в траве, не в силах сдвинуться с места. Но вслух я побоялся высказать свои предположения. Вдруг во всем виноваты лепешки Златы, и она по ошибке насыпала в тесто что-нибудь не то? Я не

хотел, чтобы люди злись на нее, а берегини запретили ей приходить к нам на праздники, поэтому решил молчать.

Когда мы доехали до середины тропы, услышали жалобные стоны. Сом и вправду лежал в траве, а в боку у него... в боку торчала стрела. От этого зрелища мы все оторопели. Человек, в которого выстрелили из лука! Человек, а не дикий зверь! Никто из нас никогда не сталкивался ни с чем подобным. Один из дубравцев оказался травником и бросился к Сому, чтобы облегчить его страдания, убрать боль. Богдан тоже достал из кошелья сушеные травы, приложил их к носу Сома, сказав, чтобы тот вдохнул глубже.

- Стрелу пока не вытаскивайте! - предупредил дубравец-травник. - Отвезем его домой, там вытащим. - Кажется, рана неглубокая, но лучше стрелу не трогать.

Начали думать, как посадить Сома на коня, а Ярослав подошел к другу, постоял рядом с ним, а затем пружинисто развернулся.

- Это березовая стрела, - сказал он, окидывая взглядом и березан, и дубравцев. - Всем понятно, что это значит?

Воцарилось молчание, а я пытался прогнать свербящую в голове мысль. Сома хотели убить? Кто-то из березан? Нет, это невозможно! Наверняка это был несчастный случай.

- Я уверен, что никто не желал Сому зла, - ответил я. - Как и никому из дубравцев.

Но глаза Ярослава сверкали от ярости. Глядя на меня, он зло прошептал:

- Ненавижу вас всех!

Глава пятая. Замороженный дворец и первое послание

По небу неслась колесница, запряженная четверкой белых лошадей с золотыми крыльями. Она везла Сварога, который с грустью смотрел вниз — на зеленые пятна лесов, на щетину ржаных полей, на водную гладь, покрытую солнечными бликами. Еще немного, и он увидит очертания гор в сизой дымке.

Навстречу Сварогу выскочил из облака всадник на вороном коне — молодой темноволосый бог в черных штанах, черной рубаше и серебряном плаще. Брови у него тоже были серебряные, а в треугольной бороде сияла тонкая серебряная косичка.

- Рад тебя видеть, Сварог, - громко произнес всадник, когда его конь поравнялся с колесницей.
- Врешь, Морок. Ты никогда мне не рад. Как и твои отец с матерью. Кстати, еду я именно к ним, нам есть о чем потолковать.
- Боюсь, вашу милую беседу придется отложить, - криво улыбнулся Морок.
- Это почему же? У Чернобога и Мары не найдется для меня нескольких минут?
- Извини, Сварог, они отдыхают в Златогорном дворце и просили, чтобы никто их не беспокоил. Но ты можешь поговорить со мной: чую, у меня есть ответы на твои вопросы. Правда, не знаю, дам ли я их тебе, - Морок коротко хохотнул и задумался. - Пожалуй, дам... на некоторые. Но что же мы висим в воздухе? Не люблю я это подвешенное состояние, давай сядем на крышу моего Замороженного дворца, тут уже близко. Внутри не приглашу, я не успел там прибраться, а крыша в твоём распоряжении.

Дворец Морока выглядел, как самый обычный дворец с башнями, но в отделке его стен было чересчур много серебра. Сварог знал, это лишь один из обликов дворца, он меняется постоянно — никогда не угадаешь, что произойдет с дворцом в следующий момент.

Сварог поставил на крыше свою колесницу, Морок отпустил коня, и оба они сели в самом центре, позволив ветру играть с их плащами.

- Я тебя слушаю, Сварог. Внимательно.
- Вчера на празднике березовой коры кто-то стрелял в дубравца.
- Ой-ой-ой! Что творят, люди. Что творят!
- Не паясничай, Морок. Твои проделки?
- Пуфф! - громко выдохнул Морок. - Ну ты как скажешь! Я хоть и бог, но березовые стрелы созданы исключительно для березан, и никто другой не сможет выстрелить такой стрелой. Вне всякого сомнения, это был березанин.
- То есть тебе эта история уже известна? Если ты в курсе подробностей...
- Разумеется. Вести по Светозарии разносятся быстрее тополиного пуха.
- И ты без понятия, кто и зачем стрелял в дубравца?
- А вот этого я не говорил, - Морок хитро улыбался и гладил серебряную косу в своей бороде.
- Так я и думал. Вы с Чернобогом и Марой сделаете все, чтобы развязать между людьми войну.
- Мы хотим вернуть себе силу. Я так жалел, что не могу открыть людям правду! Но на мое счастье какой-то добрый светозар сделал первый шаг и ослабил заклятие, связывающее меня по рукам и ногам. Да, я этим воспользовался. Вы уже выбрали героя, а я подумал, почему бы и мне не выбрать своего. По-моему, это справедливо. Поглядим, кто из них лучше справится, позабавимся.
- Ты нашего героя знаешь, а мы твоего — нет.
- Ну, что поделать, - развел руками Морок. - Вам, светлым богам, тяжелей живется. Вы должны играть честно, а нам разрешается обманывать и морочить всем головы. Но я не особо-то морочу.
- Еще бы! Ты лишен силы.

- Поправочка. Пока лишен... Поэтому у меня всего один помощник среди людей. Если ваш герой его вычислит, молодец. А если нет, тогда... - он щелкнул пальцами. - Каков герой, таков и финал.

Внезапно крыша стала стеклянной, и, взглянув вниз, Сварог невольно отшатнулся. В одном из залов дворца, на подушках, сидел он сам: хмурый и уставший, и растирал стопы.

- Опять твои шутки? - возмутился Сварог.
- А что тебе не нравится? Взгляд на себя со стороны еще никому не вредил. Главное — знать, с какой именно стороны смотреть. Но ладно, уболтал, пусть будет другой вид.

Дворец покачнулся, и со всех его стен потекла вода. В следующее мгновение стены рухнули, а на их месте образовался огромный водопад, на нем и держалась крыша.

- Морок! Уймешься ты наконец? - разозлился Сварог. - Моя колесница чуть не улетела в воду!
- Да я же не специально. Я просто подумал... Как-то у нас все обтекаемо. И вот...

Дворец снова стал дворцом, но из окон повалил дым.

- А не зря ведь говорят, что нет дыма без огня? - спросил Морок. - Сдается мне, что не зря. По твоей милости мы оказались запертыми в этом мире и лишенными силы, чему же ты удивляешься? Да, мы хотим все изменить, потому что когда-то все изменил ты, объединив явь, правь и навь — три разных мира.
- У меня не было выбора. Вы с отцом хотели прибрать к рукам все.
- Но в итоге прибрал ты. Нет, я не осуждаю. Восхищаюсь! Даже дедушка Род не позволил бы себе такого, а ты молодец. Я тут скороговорку про тебя сочинил. Правил боги в правь, пока Сварог все не исправил, а был

ли он править вправе? Не против ли это правил? Сможешь быстро повторить?

- Довольно, Морок. Ответь лучше, светозару тоже ты голову заморочил?
- Что ты! Если бы я мог! Но сам знаешь, влиять на светозаров я не могу, мне просто повезло: один из них сам захотел помочь, - Морок снова дотронулся до косы на бороде. - Ты так смотришь на меня, будто ждешь, что я назову его имя.

- Но это не Ян? - забывшись, спросил Сварог.

Морок зашелся в приступе смеха.

- Ох уж эти светлые боги! Собственных детей подозревают в предательстве. Ян или не Ян... На этот вопрос я не отвечу, пусть разбирается ваш герой.

Сварог прикусил язык от досады. Как глупо он обнаружил перед Мороком свою слабость! И ноги разболелись сильнее прежнего. И с дворцом опять что-то творилось — крыша ходила ходуном.

- Не слишком ли много для него? - задал вопрос Сварог. Скорей себе, а не Мороку.
- Для дворца? Нет, это он разминается, меняет форму. Скучно всегда быть прямоугольным.
- Я про героя. Он должен выполнить наше задание, несмотря на все препятствия, которые вы с Чернобогом и Марой ему создадите. Должен найти того, кто помогает тебе среди березан. Еще и узнать, кто из светозаров усыпил людей во время обрядов? Ошибаешься, Морок, я не собирался ему это поручать: предателя среди светозаров мы вычислим сами.
- Напрасно! Он же герой, - в голосе Морока была неприкрытая ирония. - Надеюсь, Макошь выбрала лучшего?

Мороку, конечно, известно, что героем стал неудачливый парень, и в руках у этого парня теперь берескор и судьба Светозарии. Когда Сварог услышал об этом от Макоши, он кричал так, что подушки летали по дворцу.

- Почему не внук Велимудра? Почему?! Неужели ты не могла сказать ему правду об отце позже?
- Я специально сказала, чтобы увидеть, каков он. Он не сумел подавить личные обиды ради более важных вещей. Он нам не подходит.
- Но подойдет ли этот?!
- Другого у нас все равно нет.

Сварог вынужден был признать ее правоту, но на сердце было беспокойно. Не погорячились ли они, взвалив такой груз на плечи юноши. Богдан хотя бы удачливый, а этот... Темные боги наверняка уже расставили для него капканы. И сколько бы ни дурачился Морок, сидя тут, на крыше, и прикидываясь, будто все, что он затеял — невинная шалость, Сварог знает — темный бог жесток и безжалостен. Но у Дима еще будет возможность отказаться... или он пройдет этот путь до конца.

Я рассматривал короб для рисовальных палочек, подаренный мне Милой, а Мила готовила настойку от желудочной хвори. Смешивала травы, заливала их кипятком, читала над чашкой заклинание, отливала немного воды в другую чашку и добавляла туда новые травы.

- Кто мог стрелять в Сома?

Этот вопрос она задала, наверное, в сотый раз. Мы все задавали его друг другу. Дубравцы обвинили нас, будто мы это сделали ради победы в листопаде. Глупости! Про листопад никто и не вспомнил после того, как нашли раненого Сома. Кому бы пришло в голову подсчитывать сбитые листья и объявлять победителей, если тут человек кровью истекает.

- Не знаю, кто стрелял, но дубравцам ничего не докажешь. Стрела наша, мы и виноваты. Я не верю, что это Богдан, Коршун или Влад. Любой березанин мог поехать за нами. Выстрелить, вернуться и стоять потом вместе со всеми, ждать, пока мы прибежим.
- Велимудр обещал дубравцам найти виновного и наказать, - Мила кинула в чашку еще одну траву. - Побыстрей бы нашел. Но мне кажется, теперь отношения с дубрацами у нас будут еще хуже, - она тяжело вздохнула и помешала травы ложкой.
- И ладно, нужны они нам. Я не огорчусь, если не увижу рожу Ярослава на следующем празднике.
- Я тем более. Ой! - спохватилась она. - Ты к старейшинам не опоздаешь? У тебя же испытания.
- Да тут бежать в соседний дом, успею.

Не хотелось признаваться, до чего мне страшно идти к Велимудру. После того, как я взял берескор, появилась надежда стать опоясником. Я не сомневался, что загадочный кусочек коры должен притянуть ко мне удачу. Если это подарок для героя, почему бы ему не сделать меня удачливым? Конечно, я не забыл слова Макоши о важном задании, для выполнения которого нужен берескор, но все равно смотрел на него, как на волшебный предмет, способный решить мои проблемы. Я рассказал о нем Богдану и Миле. Богдан назвал меня дураком, посоветовал выкинуть кору и забыть эту историю: он все еще злился на Макошь. А когда я ему напомнил, как он сам недавно доказывал мне, что боги всегда правы, и мы не должны сомневаться в их решениях, разозлился и на меня. Мила отнеслась к этому иначе.

- Раз уж берескор стал твоим, выбрасывать его нельзя. Носи с собой, не гневи богов. А там видно будет.

Вот я и хотел увидеть, поможет ли берескор мне на испытаниях.

Старейшины собрались в доме Велимудра и сидели за большим столом, тихо переговариваясь. Я все-таки немного опоздал. Заболтался с Милой, а когда мне надо было идти, Мила заметила дыру на моей рубашке и заставила переодеться.

– Было заявлено два испытания. На избрание опоясником и на избрание стихоплетом, - объявил Велимудр после того, как я поздоровался со всеми и извинился за опоздание. - С какого начнем?

– Больше всего я хочу стать опоясником, - честно признался я.

Я стоял перед старейшинами, сцепив руки в замок, и смотрел только на Велимудра, ища в его взгляде поддержку, но Велимудр был беспристрастным.

В первой части испытаний полагалось рассказать все, что я знаю о поясах и узорах, которые рисуют для них опоясники.

– Пояс — это оберег, - бодро начал я. - Он защищает нас от всякой нечисти. А еще он источник силы, особенно для мужчины. Если с человека публично сорвут пояс, это большое унижение. Но пояс должен подходить тому, кто его носит, и с каждым новым годом жизни пояс нужно менять. Без опоясников тут не обойтись, они придумывают для всех узоры, используя главные обереговые знаки. Например, солярные, или солнечные.

– Хорошо, - перебил меня Велимудр. - Ясно, что ты все это знаешь. Нас больше интересует, сумеешь ли сам нарисовать.

Я чуть не закричал: «Конечно, сумею! Я отлично рисую!» Представляю, как развеселил бы старейшин: словами их не убедишь.

– Выбери, для кого хочешь создать узор, - сказал Велимудр. - Посмотрим, на что ты способен.

– А для вас можно? - выпалил я, не колеблясь ни секунды.

У меня аж дух захватило от мысли, что пояс с моим узором будет носить сам Велимудр!

- Попробуй, - согласился он, пряча в бороде улыбку.

Мне дали берестяной лист и велели сесть за отдельный стол возле окна. Место было неудобное: я не мог оттуда хорошо рассмотреть Велимудра, а рисовать его лицо по памяти не получалось, я боялся ошибиться с морщинами и родинками. Родинка на лбу казалась мне очень важной, и я хотел найти для нее знак, но мне нужно было еще раз на нее взглянуть.

- А могу я сесть напротив вас?

Моя просьба удивила и Велимудра, и остальных старейшин, и тогда я объяснил, что связываю узоры с лицами людей.

- Надо же, - заинтересовался Велимудр. - Ни разу не встречал опоясника, который подходил бы к делу с такой стороны. Что ж, рисуй.

Я воодушевился еще больше и нарисовал лицо Велимудра, а потом начал перебирать знаки, распределяя их по лицу старейшины. Закончив, отдал лист старейшине, и заметил, как заблестели его глаза.

- Неплохо получилось, - признал он. - Сдается мне, если рисовать узоры таким образом, в поясах будет больше силы. Но мы должны в этом убедиться. Зовите вышивальщицу, - распорядился Велимудр.

Один из старейшин махнул рукой мальчишке, сидящему под окном, чтоб тот бежал за вышивальщицей, а другие принялись изучать рисунок. Я с жадностью ловил слова, которые они говорили о созданном мною узоре, мои щеки и уши горели, а сердце билось все чаще.

- Иди пока в хлев для второго испытания, - сказали мне. - Сочинишь заклинание для тельца и сплетишь что-нибудь.

В дверях я столкнулся с вышивальщицей и нечаянно выбил из ее рук короб с иглами. Иглы рассыпались, я бросился их собирать, а вышивальщица возмутилась:

- И куда у него глаза глядят! Еще в опоясники метит. Такие, как он, никогда ничего хорошего не нарисуют, мертвые у них узоры, мертвые.

Мне стало обидно от ее несправедливых слов, они воткнулись в меня иглами, исколов мою недавнюю радость, и вместо того, чтобы спросить у Велимудра, могу ли я вышить узор сам, я молча вышел из дома, понимая, что потом пожалею об этом. Вышивальщица стараться не будет, она убеждена — узор мертвый. Таким он и выйдет, сколько бы старейшины не говорили, будто от вышивальщиков ничего не зависит.

Я направился в хлев, хотя у меня не было желания ни сочинять стихи, ни плести. Если я не стану опоясником, быть стихоплетом — слабое утешение. Правда, мои родители смогут есть сварожью кашу два раза в год, глупо отказываться от второго испытания. Да и с первым еще ничего не известно — может, вышивальщица не испортит пояс. Я вынул из кошель берескор, мысленно спросил у него: есть у меня теперь удача или нет. Ответа, конечно, не получил, положил берескор обратно и открыл дверь, чувствуя запах сена и навоза. Сделал несколько шагов, и дверь захлопнулась. Было слышно, как повернули щеколду. Небось, овинник решил пошалить, скучно стало брату домового. Я бы тоже скучал, если бы пришлось все время тут сидеть, следить за скотиной и чесать коровам уши.

— Эй! Овинник! - крикнул я. - Ты зачем меня запер? Злишься, что я здесь без твоего разрешения? Я скотинку твою не обижу, березовым листом клянусь, посмотрю на теленка и сплету для него игрушку. Позволишь?

Неестественная тишина насторожила. Где корова с теленком? Спят что ли? Я медленно пошел дальше, борясь с нехорошим предчувствием. Впереди, в копне сена, что-то шевелилось.

— Эй! Кто там?

Еще шаг, и я увидел горящие желтые глаза. Они принадлежали черному коту, но это был не обычный кот, у обычных не бывает таких огненных глаз. Я не сомневался, что передо мной овинник, хозяин хлева: овинники часто предстают перед людьми в таком облике.

- Здравствуй, хозяин! - приветствовал я его, гадая, обернется он маленьким лохматым стариком или так и останется котом.

Кот зашипел и нырнул в сено.

- Ты что? В прятки со мной играешь?

Я протянул руку к коту и оторопел: в глазах у него застыл ужас, но смотрел кот мимо меня, боялся кого-то другого и прятался от него. Я услышал громкий вздох за моей спиной, обернулся, но никого не заметил, а прямо над ухом клацнули зубами, и в нос ударил запах гнили.

В хлеву находилось невидимое существо. Оно принюхивалось, изучало меня, готовилось напасть. Не знаю, откуда взялась мысль, что оно нападет. Возможно, страх, который испытывал кот, передался мне. По спине побежала холодная струйка пота, я кинулся к двери, толкнул ее изо всех сил, но она не поддалась.

Снова клацанье зубов. То справа, то слева. Совсем рядом с моим лицом. И смрадное дыхание... От него выворачивает наизнанку. Я метнулся в другую сторону, подальше от жуткого запаха. Нырнуть бы в сено, как овинник, и затаиться. Возле стены много сена и какие-то тряпки, а под тряпками... Я сдвинул тряпку и замер — там лежал мертвый теленок. Я попятился, потом побежал, увидел вторую гору тряпок вперемешку с сеном. Большую. И выглядывающий хвост коровы. Клац! Меня подбросило от этого звука, такого близкого, будто клацала моя собственная челюсть. Клац!

В следующий миг отворилась дверь, и в хлев вместе с солнечным светом ворвался светозар. Золотой плащ и золотой меч не позволят спутать светозара ни с кем другим, даже если не обратить внимания на светлые кучерявые волосы.

Светозар выдернул из ножен меч, и, бросив взгляд на меня, предупредил:

- Стой, где стоишь! Сам разберусь.

Люди не владеют мечом, боги решили, нам это не нужно, хватит того, что умеем стрелять из лука, но я с детства любил смотреть на поединки светозаров, когда они устраивали их на праздниках. Я не мог бы сказать, чего в движениях светозара было больше: резкости или плавности, он удивительно сочетал одно с другим, и я уставился на него, раскрыв рот и позабыв о чудовище. Светозар рассекал мечом воздух, прыгал то вперед, то назад, прислушиваясь и принюхиваясь — пытался определить, с какой стороны враг.

- Спрятались, твари? - процедил он сквозь зубы. - Ничего, мой меч заставит вас подойти! Притянет, никуда не денетесь! Так-так, ну-ка еще ближе! Отлично!

Он с силой рубанул — раздался страшный вой.

Светозар опять взмахнул мечом и нанес новый удар. Теперь вместо воя я услышал тихий стон, а мой спаситель опустил меч и вытер пот со лба. Перед ним появились две кучи древесной трухи.

- Их было двое, - пояснил он. - Умирая, они становятся трухой.
- Кто они?
- Грызари. Рожденные от союзов упырей с кикиморами.
- Они невидимы?
- До определенного момента. За секунду до того, как грызари набросится на человека, тот видит его. Но лучше бы не видел, приятного в этом мало. Их огромные зубы не прикрыты губами, губ просто нет. Крючковатые носы усыпаны фурункулами, а в длинных волосах кишмя кишат насекомые.

Я передернул плечом и потряхнул волосами, будто у меня там тоже кто-то завелся.

- Но это не самое страшное. Они взгрызаются в шею человека или животного. Не пьют у него кровь, как их папаши-упыри, а перекусывают

позвонки. С помощью мечей мы можем обнаружить грызарей, не видя их. И уничтожить.

Рассказывая это, светозар шагал взад-вперед. Внезапно он остановился.

- Меня Яном зовут. А про тебя я все знаю.
- То есть как? - удивился я.
- Думаешь, я случайно здесь оказался? Я твой защитник, и как только кто-нибудь собирается тебя убить, получаю сигнал.
- Ничего себе! Нормально... А какой сигнал?
- Смешной. У меня пятки начинают зудеть. Хочешь — не хочешь, побежишь тебя спасать.
- Постой, - я сообразил, что заинтересовавшись необычным сигналом, пропустил мимо ушей более важные фразы. - А почему меня пытались убить?

Ян показал мне берескор, такой же, как мой.

- У тебя есть такая штука?

Я кивнул.

- Ну вот. Мне берескор нужен для связи с тобой, а то пятки зудеть не будут, - усмехнулся Ян. - Больше от него никакого толка. А у тебя все сложнее. Во-первых, он поможет выполнить задание богов. Собственно говоря, тебе его для этого и дали. Или ты сам взял?.. Неважно. А во-вторых... Второй пункт мне совсем не нравится, но он тоже есть. Пока берескор в твоих руках, за тобой будет охотиться вся нечисть. Но я не дам им тебя убить. Во всяком случае, постараюсь.

Я не представлял, что ему на это ответить. Это вполне в духе богов и их детей — вывалить на человека разом столько всего, улыбнуться и сказать: «Да ничего страшного, мы придем на помощь... может быть». А я, наивный, размечтался, что берескор принесет мне удачу.

- Кого же они теперь на тебя натравят? - Ян скосил в сторону и без того косые глаза. - Волколаков или злыдней?..
- А кто за всем этим стоит?
- Темные боги, кто еще. Во владениях Чернобога нечисти полно, сам знаешь, засиделись они там без дела. А если бы не светлые боги, давно бы тут разгуливали.
- Значит, я влип, - я по привычке начал теребить оттопыренное ухо.
- Ты имеешь право отказаться. Отдай мне берескор или отнеси его в лес, выбрось где-нибудь, Макошь сама за ним придет. И будешь свободен. Поищем другого героя.
- Макошь говорила, это важно.
- Само собой. А ты еще не понял, что затевают темные боги? Они хотят рассорить вас с дубравцами и ждут, когда вы начнете убивать друг друга. Среди березан уже есть человек, который помогает темным богам. А потом темные боги захватят власть, и никто больше не удержит нечисть. Грызари, волколаки, упыри, болотники и другие слуги Чернобога уничтожат всех. Для нас важен каждый день, чтобы их остановить.
- Тогда почему ты предлагаешь мне выбросить берескор?
- Потому что это опасно для тебя.
- Я или другой... Кто-то должен за это взяться.
- Если берешься, берись. Точно согласен?
- Да, - твердо сказал я, сам поражаясь, почему я не рассматриваю возможность избавиться от берескора, не цепляюсь за нее, пока она есть.
- Тогда расскажу тебе о задании. После того, как Сварог создал наш мир, он говорил с Мировым Деревом, и Дерево предупредило, что березане должны верить в рассветную магию, а дубравцы — в закатную, и мир

сохранится. Оно само и позаботилось о том, чтобы люди поверили. И сказало: если когда-либо рассветная и закатная магия перестанут существовать для людей, это будет началом конца. Люди рассорятся, в них проснется память предков — они вспомнят, как воевали друг с другом и повторяют это.

- Воевали... - задумчиво произнес я. - Это было не здесь? Люди жили там, где сейчас великаны?

Ян нахмурился.

- Ты спрашиваешь не о том. Все, что тебе нужно знать, — Мировое Дерево велело, чтобы боги выбрали героя. Если откроется правда про рассвет и закат... Выбрали и отправили к нему. Только герою оно скажет, как теперь быть, чтобы не допустить войны и захвата власти темными богами... Конечно, если герой разгадает все загадки и найдет Дерево. Для этого тебе и дали берескор, он поведет за собой. Кстати, еще не начал?
 - Кажется, нет, - растерялся я. - Как это происходит?
 - Ты почувствуешь. Голова закружится, все поплывет перед глазами. А когда это пройдет, смотри в оба: где-то для тебя есть послание. И вот еще что, Макошь говорила, чтоб ты не болтал об этом?
 - Нет. Но я и сам понял.
 - И никому ничего не сказал?
 - Почти никому...
- Пришлось признаться, что двоим я все-таки доверил тайну.
- Ладно, - вздохнул Ян. - Пусть они тебе помогают, но другим ни слова. Понял?
 - Угу, - кивнул я.
 - Ну все, бывай.

Яна ждал красный конь, на котором он поскакал сперва по земле, а потом по небу, пока совсем не скрылся из виду. А я заметался, думая, как быть. Вернуться к Велимудру и рассказать о нападении грызарей или мчаться в березовый лес, на то место, где мне стало плохо во время игры в листопад. Меня терзала мысль, что я ни о чем не догадался и пропустил послание. А вдруг оно еще там? Я не понимал, где его искать, но решил немедленно сбегать туда и посмотреть, а потом идти к старейшинам.

Накрапывал дождь, я поймал ртом несколько капель, и, утолив жажду, припустил к лесу. Верхом было бы быстрее, но я побоялся: пойду за конем, меня остановят, начнут расспрашивать, как прошли испытания, тогда уж точно поход в лес придется отложить. Показались стройные ряды берез, а мне вспомнилось, что деревья, траву и цветы называют волосами земли. И правда: березы как светлые косы, не зря это любимое дерево берегинь. Я представил Злату, танцующую среди берез и пожалел, что на празднике провел с ней мало времени. Но тут же и порадовался — напрасно я подозревал, будто отравился ее лепешками, Злата не имеет к этому отношения, все дело в берескоре.

Войдя в лес, я замедлил шаг. У меня не было определенного плана, я понятия не имел, что ищу. Надо мной пролетела птица — так низко, что чуть не зацепила меня крылом. Я поднял голову и стал смотреть, как птицы выют гнездо. Смотрел, пока голова не закружилась и даже не поверил сперва, что это головокружение, которого я ждал. Он было легким, не таким, как в прошлый раз. Березы двигались, будто шагали под землей корнями: то влево, то вправо. И только одна стояла неподвижно. Когда я ее заметил, остальные перестали меня интересовать, мой взгляд был прикован к этой березе. С ней тоже что-то происходило — темные черточки исчезали одна за другой, пока береза не стала совсем белой, а потом на стволе начали проступать буквы. Первым словом было имя бога — Сварог, под ним второе, третье, и так слова распределились по всему стволу. Я с недоумением прочел то, что получилось: Сварог

сидит
на
облаке,
кашу
варит,
да
за
всеми
приглядывает.
Ты
Сварога
не
серди,
Ты
Сварогу
угоди.

Знакомая потешка. Ее все мамы рассказывают детям, когда те не слушаются. Это и есть послание? Слова исчезли, береза приобрела обычный вид, а я продолжал высматривать на дереве буквы, но их больше не было. Я почувствовал себя обманутым и побрел домой, бубня под нос глупую потешку.

Глава шестая. Фибула Перуна и загадочная песня

- Березонька, миленькая моя! Красавица стройная, белоствольная! Не за себя в этот раз прошу. За брата своего! Защити его, сбереги от бед и врагов лютых. От лиха одноглазого, от злыдня разноглазого. От несчастий и нечисти. Защити и сбереги!

С утра Милу захлестнули тревожные чувства, заставили убежать в лес и бродить среди деревьев в поиске успокоения. Поговорив с березами, она занялась сбором трав. Через год ей придется проходить испытание, и теперь уж точно, если она не станет травницей, их семья никогда не попадет во дворец Сварога. Дим испытание провалил. До чего же обидно! Он так хорошо рисует! Но пояс, на котором вышили узор Дима, порвался. Дим говорит, вышивальщица плохо старалась. Разве важно, кто и как вышивал? Если опоясник силен, не важно. Дим, Дим... Его мечта порвалась вместе с поясом. Но это полбеда — на Дима напали чудовища. Страшно представить, что было бы, если бы светозар опоздал. И зачем Дим взял берескор? Он ведь не ему предназначался. Дим велел ей молчать, ни родителям ничего не сказал, ни старейшинам.

— Если проболтаешься, ты мне больше не сестра, - пригрозил он.

Будто он не знает, что она не болтлива. Богдан при этом разговоре тоже был и тоже получил от Дима предупреждение, но не растерялся.

— Ладно, буду молчать, но с условием, - сказал он. - Куда тебя поведет твой берескор, туда и я пойду. И не спорь. Я должен был сам его взять, но выбросил, так что вместе отдуваться будем.

— Я с вами, - вызвалась Мила.

— Этого еще не хватало, - фыркнул Богдан. - Для чего ты нам? Заклинания от упырей читать? Или бросать им сережки под ноги?

Сколько же ей будут напоминать про эти сережки! Богдан, сам не понимая, берedit ее рану. Она ведь извелась, думая, что и правда чуть не убила Ярослава. Теперь он ее ненавидит, и нет таких заклинаний, которые могли бы это изменить, обратно ничего не вернешь. Каждая встреча с Ярославом причиняет боль, но она по-прежнему хочет его видеть. Если бы не та глупая история с гребнем, с которой все началось, возможно, они сидели бы сейчас вдвоем у реки и смотрели, как плывут по воде упавшие с деревьев

листья: и березовые, и дубовые — вместе плывут. И что бы ни говорил Ярослав, как бы себя ни вел, она чувствует, что нравится ему, но он никогда ей этого не скажет. А Богдан дразнит ее сережками... Хорошо хоть Дим вступился.

- Мила умеет разгадывать загадки.
- Ну и как? Разгадала она, что тебе с потешкой делать?
- Пока нет. Но мы думаем. И ты не отлынивай.
- А-а-а! - отмахнулся Богдан. - Нет в этой потешке никакого особого смысла. Боги хотели тебе сказать: не серди Сварога, делай, как прикажем. Вот и жди теперь, что прикажут.

Но Мила с этим не согласилась. И сейчас, складывая травы в короб, она повторяла потешку, вслушиваясь в звучание слов. А по лесу уже мчались всадники, жаждущие получить от березан объяснения. Мила увидела их издалека и сперва не поняла, кто это, но когда они приблизились, узнала дубравских старейшин. По крайней мере, двое из пятерых были старейшинами. Если они пожаловали сюда, что-то случилось.

- Доброго дня вам! - поздоровалась Мила.
- И тебе доброго! Жаль, ночь у нас недоброй была, - ответил грузный мужчина с редкими волосами. - И утро тоже.

Мила не задала рвущийся с языка вопрос, но дубравцы и сами не собирались ничего скрывать.

- Сегодня ночью у нас похитили фибулу Перуна.

Мила ахнула. Серебряная фибула, на которой изображена голова лесного быка, была необычайно красивой, и дубравцы всегда показывали ее березанам и тополянам с гордостью. Как же не гордиться! Всем известно, что Перун благоволит к ним больше, чем к другим: дуб — его любимое дерево. Однажды дубравцы отвезли во дворец Перуна несколько ведер желудевого

кваса. Богу грома и молнии так понравился квас, что он сорвал со своего плаща застежку и отдал дубравцам.

- Мы хранили фибулу в священной избе, и дороже этого подарка у нас не было ничего, - с грустью произнес старший дубравец. - Как только рука поднялась у березан...
- Но... почему вы решили, это кто-то из наших? Любой мог взять фибулу, - бросилась на защиту березан Мила.
- Возле опустошенного ларца вор обронил березовую сережку. Заговоренную. Их ни у кого нет, кроме вас.
- Вы едете к Велимудру?
- Да. Или он найдет вора и нам вернут фибулу, а виновника накажут, или...

Кажется, дубравец сам не знал, как они поступят, а, возможно, не хотел об этом говорить.

Всадники поскакали к избам березан, а Мила побежала домой по короткой тропе, подстегиваемая единственной мыслью — что же теперь будет?

- А тут второй грызарь как выскочет! А я его мечом р-р-раз! И нет грызаря, - рассказывал Ян двум светозарам, сидящим на траве.

Сам он прыгал перед ними, показывая, как все было. - Лежал бы наш герой рядом с теленком, если бы не я.

- Если бы не ты, это все не началось бы, - возразил светозар с пухлыми щеками.
- Данко! - побагровел Ян. - Мне надоело всем доказывать — я не рассыпал сонный порошок. Это не я! Понятно тебе?

- Данко, ну правда, Ян же нам сказал, - вмешался второй светозар — голубоглазый юноша с правильными чертами лица, как у большинства светозаров. - Ян — наш друг, мы должны ему верить.
- Спасибо, Глеб. А от тебя, Данко, я не ожидал!
- К твоему сведению, я тоже тебе верю. Ты меня не дослушал и не понял, о чем я. Проблема в том, что ты у каждого дерева кричал о своем желании сказать людям правду. И сыграл на руку тому, кто усыпил людей. Сам подставился. Без тебя он может и не решился бы.
- Ну да! Я вечно крайний!
- Потому что делаешь, не думая.
- Хватит вам цапаться, - прервал их Глеб. - Все не так уж плохо. Яна не изгнали. Герой у богов есть, все будет нормально.
- Темные боги сидели смирно столько веков! - не унимался Данко. - Они понимали: им не рассорить людей, пока те уверены, что зависят друг от друга.
- А я все равно считаю, давно надо было открыть людям правду, - Ян ходил перед друзьями, разрубая руками воздух. - Вот какая разница? Люди не воевали, потому что знали: истребят противника и не наступит рассвет. Или закат. Но если бы им было известно, что в случае войны темные боги получают власть и уничтожат мир, неужели они стали бы воевать?
- Мировое Дерево зря предупреждать не станет, - Глеб отбросил со лба челку.
- Про это предупреждение мне отец рассказал уже после того, как я начал носиться со своими идеями. С таким предупреждением страшно, конечно... Хотя я все равно считаю...
- Твердолобый, - перебил его Данко - Все происходит именно так, как говорило Дерево. Люди потеряли веру в рассветную и закатную магию,

и тут же Морок сумел найти среди них союзника. Ясно, что он заморочил кому-то голову. У него хватило на это силы, понимаешь? А раньше не смог бы. Теперь люди начнут ссориться, и с каждой новой ссорой у темных богов будут прибавляться силы, - Данко сложил на груди руки и еще больше надул щеки. - И нечисть оживилась. Раньше людей защищали обереговые пояса, а вернется к нечисти давняя сила, пояса не спасут. Она уже возвращается, иначе тебе не пришлось бы сражаться с грызарями.

- А если березане и дубравцы не поддадутся? Не пойдут на поводу у Чернобога и его сынка Морока.
- Ты такой мечтатель! Прямо как человек, - усмехнулся Данко. - Когда твой отец смешивал явь, правь и навь, ему нужно было взять три племени. Но только тополяне ни с кем не воевали, а у березан и дубравцев это в крови. Чуть что, кидаются друг на друга с кулаками. А когда вместо кулаков в ход пойдут стрелы и мечи, сам понимаешь...
- Мне кажется, не один Ян у нас мечтатель, - сказал Глеб. - Сварог тоже надеялся, что со временем березане и дубравцы изменятся. Посмотрят на тополян и будут равняться на них.
- По-моему, они не воспринимают тополян всерьез, - заметил Данко.
- Так и есть! - согласился Ян. - Они смеются над ними, хотя и пользуются их изобретениями. Но все-таки я верю, что люди стали другими и не дадут темным богам себя одурачить. Я убедил отца поговорить со старейшинами. И дубравскими, и березанскими. Они должны знать, что темные боги специально стравливают их. Но всю правду отец им, конечно, не откроет.
- Вот и поглядим, как люди себя поведут, - Данко смахнул со штанины жука. - А что там за герой? Толковый?

– Он из тех, о ком говорят: Сварожья печаль, Велесовы слезы. Но я в него верю.

– Ян, ты во всех веришь. Сядь уже, а? Гляди, как траву вытоптал.

Ян уселся между Глебом и Данко и начал грызть ногти.

Данко брезгливо поморщился.

– Ты и при людях ногти грызешь?

– Нет, только при богах.

– При людях он идеальный светозар, да? - Глеб толкнул Яна плечом. - Кстати, мы тренироваться сегодня будем? А то проваливаемся на траве, люди потом удивляться будут: чего это светозары скачут на конях по небу, будто на индюках по земле.

– Предлагаешь на деревьях повисеть? - потягиваясь, спросил Данко.

– Для начала да. А потом наперегонки через лес.

Ян облюбовал невысокую яблоню, забрался на нее, зацепился за ветку руками и ногами, а голову опустил вниз. Всем светозарам полагается висеть так хотя бы полчаса в день: это помогает управлять конем в небе, потому что небесные кони постоянно кувыркаются и норовят сбросить всадников. Яну висение на дереве давалось нелегко, как и долгое сидение на одном месте, но в этот раз все закончилось быстрее, чем он думал.

– Ян! К тебе гости, - крикнул Глеб, висящий на клёне. И тихо добавил: - Красавица со сковородкой.

Ян спрыгнул с дерева, но, боясь зацепить Злату, сделал это так неловко, что упал на спину, а при падении случайно ухватился за сковородку и потянул Злату на себя.

– Рад тебя видеть, - заулыбался он, положив руки на тонкую талию Златы.

Волосы полудницы пахли пшеницей, и Ян подумал: лежать бы и дальше так, вдыхая аромат ее волос... Но Злата вскочила на ноги и закричала:

– Больше никогда! Слышишь, никогда! Не хватай меня за сковородку!

Глаза у нее потемнели, губы скривились, и она раздраженно тряхнула волосами, собираясь уйти. Хорошо, Глеб не растерялся. Он по-прежнему висел на дереве, но это не мешало ему задавать Злате вопросы. Ян не слушал, о чем Глеб говорит со Златой, он сразу понял: друг специально пытается задержать, только это бесполезно — она все равно уйдет, а сам Ян не знал, о чем говорить. Обычно из него не надо было вытягивать слова, они и так лились нескончаемым потоком, но рядом со Златой он будто проваливался в густой туман. Или молчал, или говорил такие глупости, что потом стыдился своих слов.

В ночь откровений, когда Ян объявил о своем выборе, он тоже ничего не сказал Злате, просто написал на небе ее имя. Многие светозары так делают, садятся на коня, взлетают повыше, чтобы все их заметили, и мечом выводят имя берегини. Золотые буквы недолго сияют в небе, соревнуясь с сиянием звезд, но увидеть их успевают и светозары, и берегини, и боги, потому что в эту ночь, с двенадцатого на тринадцатое июля, никто не спит, кроме людей. Все собираются на поляне недалеко от дворца Сварога и ждут, кому откроет свое сердце тот или иной светозар. Таких ночей всего четыре в году. Следующая будет в октябре, потом в январе, а потом в апреле, но тоже с двенадцатого на тринадцатое.

- Ян! - позвал его Глеб, вырывая из тумана. - Я тут болтаю с твоей невестой, ничего? Наверное, тебе самому есть, что ей сказать.
- Да! - быстро подтвердил Ян, - Злата, не хочешь повисеть на дереве? Тебе понравится. На разных деревьях возникают разные мысли. Ты попробуй, это очень интересно, - Ян тараторил, боясь сделать паузу. - А юбку можно завязать посередине узлом, чтоб тебе удобно было. Или снять. То есть нет, я не это имел в виду. Снимать не надо.
- Как мне надоели твои глупые шутки! - вспыхнула Злата. - Знаешь, зачем я приходила? Не догадываешься? Я хотела сообщить, что не стану

твоей невестой. И не думай, если ты сын Сварога, то любая берегиня мечтает увидеть, как ты поешь на небе ее имя. Это не про меня.

Теперь ее уже никто не мог остановить, но никто и не пытался, просто смотрели, как она стремительно уходит прочь.

- Печально, - посочувствовал Яну Глеб. - Но если честно, ты сам виноват. Кто так с берегинями общается? С ними по-другому нужно.
- Ян бросил в ответ, что обойдется без учителей, и полез на дерево.

Богдан сказал, Сварог прислал за старейшинами светозаров и велел им приехать в Небесный дворец: и нашим, и дубравским. Велимудр уже ушел. А еще Богдан слышал, как дубравцы возмущались из-за фибулы Перуна, а Велимудр пытался их успокоить.

- Деда это все очень расстраивает. Завелся же у нас какой-то гад! Порази его стрела Перуна! То дубравца подстрелил, то фибулу украл.
- По-твоему, это один и тот же человек? - спросил я.
- Наверняка.
- Если найти фибулу, найдется и вор. Может, старейшины обыщут избы?
- Он мог и не в избе фибулу спрятать. Закопать где-нибудь.
- Точно...

Если б не Богдан, я бы и не вспомнил утреннюю встречу с рыжим Владом. Я ехал в лес, надеясь получить более внятное послание от берез, и увидел идущего из леса Влада. Меня это не удивило: мы всю жизнь ходили на рассветный обряд, и сейчас многие ходят по привычке. Просто гуляют, смотрят, как солнце причесывает землю первыми лучами. Почему бы и Владу не сходить? Но когда мы с ним здоровались за руку, я заметил, что к его рукам прилипла земля, особенно много ее было под ногтями. Я еще подумал:

где это он копался? А теперь мои мысли завертелись, как жернова на мельнице.

Вдруг фибулу стащил у дубравцев Влад? Во время игры на празднике он прибежал к щитам последним, не считая раненого Сома. Где он был? Ответ напрашивался сам собой — Влад подкараулил Сома и выстрелил в него. Непонятно только, зачем Владу это делать...

— Во всех избах искать ни к чему, но кое-кто ведет себя подозрительно.

Я поделился мыслями с Богданом, и ему история с Владом тоже показалась странной.

— Надо за ним последить, - решил Богдан.

— Может, просто спросим?

— А он так и признается. Сомневаюсь.

Как быть с Владом, мы не придумали. Сидели около дома Велимудра, ломая головы, пока не появилась Мила, она тоже пришла расспросить Богдана, чем закончились переговоры с дубравцами. Богдан повторил свой рассказ, а потом спохватился:

— Дим, а чего мы сидим? Мы же в лес собирались. Утром тебе послания не было, может, сейчас будет.

Я и сам хотел пойти, поэтому сразу согласился.

— Я с вами, - сказала Мила тоном, не терпящим возражений.

Богдан, правда, попробовал возразить, но она одарила его таким взглядом, что он замолчал.

Всю дорогу до леса мы повторяли потешку про Сварога, и в лесу тоже. Я вынул берескор из кошель, надеясь, что так он быстрее приведет меня к березе, на которой появятся слова. Но голова у меня не кружилась, а березы стояли по стойке смирно.

— Может, мы тебе мешаем? - спросила Мила. - При нас ничего не произойдет?

- А я и говорил, незачем тебе с нами идти, - отозвался Богдан.
- Мешаем мы, а не я одна, - возразила Мила. И тут же воскликнула, показывая на ветку. - Ой, березовая белка! Хорошенькая!

Белка с любопытством оглядела нас, и вдруг начала петь. Тоненьким, почти детским голоском.

- Поющая белка! - восхитилась Мила.

Я знал, что березовые белки поют, как люди, но мне всего два раза удавалось их услышать, и пели они знакомые песни, а эта песня была необычной:

Вот стоит березка,
На березке ветки,
А на ветках бруньки,
Маленькие бруньки.
А на ветках бруньки.
Маленькие бруньки.

Затем белка выпалила скороговоркой:

На первой ветке вторая брунька красивее всех, на четвертой ветке — шестая, на шестой — пятая, на девятой — третья, на двенадцатой — четвертая.

И снова запела:

А другие ветки забудь, забудь.
А другие бруньки забудь! И в путь!

- И что все это значит? - спросил Богдан. - Она решила свести нас с ума своей дикой песней?
- А ты спроси у нее, - ехидно сказала Мила. - Вдруг ответит.
- Сама спрашивай. Если забыла, что березовые белки не разговаривают. Только поют, и то редко.

- А пусть она пропоет нам ответы, - я заговорчищески подмигнул белке. -
Пропоешь, хвостатая?
Но белка повторила ту же самую песню.
- Кажется, она и правда не просто так ее поет.
- Не знаю, - пожал плечами Богдан. - Сейчас не весна, чтобы петь про
бруньки. А то нашли бы те ветки и посчитали бы, сколько там почек и
какие срывать.
- Выходит, бруньки в ее песне — что-то другое, - рассудила Мила. -
Тогда и ветки — никакие не ветки.
- А что?
- Пока не пойму. Как вам концовка, кстати? Она там в путь предлагает
отправиться. Я не уверена, но, похоже, песня белки связана с
берескором, это и есть очередное послание.
- Еще запутанней прежнего, - подкатил глаза Богдан. - Боги издеваются.
Что тут вообще можно понять? Эта брунька красивая, эту возьми, а ту
не бери. Чушь!
- Стойте! - сказал я. - А что если это не разные послания, а продолжение
первого. Даже не так. Не продолжение, а объяснение, ключ.
- Допустим, - согласился Богдан. - Но я не вижу связи.
- А я вижу! - воодушевилась Мила. - Дим, где потешка была написана?
- На березе.
- На ветках?
- Нет, на стволе. Проявилось одно слово, потом второе, третье...
- Я, кажется, поняла! Слова — это ветки, а бруньки — буквы. Дим,
повтори потешку.
- Сварог сидит на облаке, кашу варит, да за всеми приглядывает. Ты
Сварога не серди, ты Сварогу угоди.

- Если первая ветка — «Сварог», вторая брунька на ветке — буква «В», - задумчиво произнесла Мила. - Второе слово пропускаем, третье тоже.
- А в четвертом буква «Е», - вспомнил я. - Какое там дальше слово?
- Шестое, - ответил Богдан. - Только тут буква «И». «Вей» какое-то выходит. Ошибочка с ветками-словами и бруньками-буквами.

Он с торжеством посмотрел на Милу.

- Ты до пяти умеешь считать? - съязвил я. - И за что тебя старейшины называют лучшим учеником? Пятая буква «Т», а не «И»!
- В девятом слове берем «Е» и в двенадцатом «Р», - наградив Богдана презрительной усмешкой, отыскала буквы Мила.
- Я вас поздравляю, мы получили слово «Ветер», - захлопал в ладоши Богдан. - Понятней стало? Веселенькое послание — «Ветер». Хотят сказать: ищите ветра в поле?

От такого послания и правда ясней не стало.

- Значит, надо ждать следующее слово, - предположил я.
- Остальные бруньки забудь и в путь! - пропела вместо белки Мила. - В путь, понимаешь? Послание закончено, мы должны догадаться, о чем тут речь. О каком ветре.
- Ветер повсюду, - сказал Богдан. - Можем пойти куда угодно и встретим ветер. Или никуда не ходить, он сам нас найдет.
- А если это особенный ветер... - Мила нахмурила лоб, пытаясь сообразить.

Но я сообразил быстрее.

- Ветренный дворец Стрибога! Думаю, туда мы и должны пойти.
- К богу ветра? - Богдану эта идея показалась не самой удачной. - Стрибог не любит гостей. Он с богами-то видаться не желает, а тут люди заявятся.

Я тоже не представлял себе, как мы придем к Стрибогу и что ему скажем. «Простите, я получил послание, и там было слово «Ветер»? Он обхохочется! Хотя нет. Скорей, разозлится, и нас мигом оттуда сдует... ветром. Если нам вообще придется с ним говорить. Скорей всего, Стрибог нам не покажется, и во дворец мы не попадем. Но кто, кроме Стрибога, даст ответ?

- Ладно, - не стал спорить Богдан. - Я не против прогулки к Ветреному дворцу. Всегда хотел посмотреть, что там внутри творится.
- Вот и посмотрим, - кивнул я, размышляя, как объяснить родителям, что мне нужно уехать на целый день, а, может быть, и не на один.

Глава седьмая. Зерно тепла и подземный дворец

К Стрибогу собралась и Мила, переупрямить ее у меня не вышло.

- Ты ведь не скажешь маме с папой все, как есть про берескор и послание, а со мной и придумывать ничего не надо, - заявила она. - Я давно собиралась съездить туда за травами. Около дворцов богов растут травы, которых нет у нас, но это далеко, поэтому меня будет сопровождать брат. Родители наспустят, вот увидишь.

Еще бы! Достаточно намекнуть, что без этого Мила не станет травницей, и нам сразу разрешат ехать куда угодно.

На следующий день, прямо с утра, мы решили поговорить с мамой, и она конечно, разворчалась:

- А в поле мы сами работать должны? А скотину кормить? И в доме дел полно, а им травы понадобились! Что за срочность такая!
- Мы только туда и обратно, постараемся быстро, - пообещал я.
- Тут хоть старайся, хоть не старайся, дорога не близкая. Вон старейшины вчера от Сварога ночью вернулись.

- А ты откуда знаешь?

Богдан к нам еще не приходил, ничего не рассказывал. А отец только что ушел к Велимудру.

- Так вы спали, и Мирон спал, а они мимо нас ехали. Меня конский топот разбудил. Вышла во двор — едут.
- Наверное, Сварог их долго у себя держал, вот и припозднились. А нам к Сварогу не надо, засветло вернемся.

Мила покосилась на меня с неудовольствием — мол, зря бросаешься такими обещаниями, Ветренный дворец находится еще дальше, чем Небесный. А у мамы она спросила, успела ли та поговорить ночью со старейшинами и известно ли, что им сказал Сварог.

- Сказал, будто наш мир погибнет, если будем ссориться с дубравцами. Выйдет из своих владений Чернобог, и другие темные боги выйдут, и наведут повсюду свои порядки. Но если будем жить, как раньше, то темные боги останутся там, где они сейчас.
- Значит всего-то и нужно, жить, как жили? - удивилась Мила.
- А мы и живем, - кивнула мама. - Это дубравцам вечно нейдет. Сами куда-то фибулу дели, на нас свернули.

Мила сделалась грустной, как все последние дни, когда речь заходила у дубравцах, а мама, перестав ворчать, начала собирать для нас еду в дорогу.

- Хлеба я вам положила, яйца положила, сейчас еще курицу заверну.
- Курицу-то зачем? - запротестовала Мила. - Мы всего на один день, не изголодаемся.
- Ты может и нет, а Дим точно есть захочет. Травами его кормить будешь?

Пришлось согласиться и на курицу, и на обстоятельные сборы. Мама велела прихватить плащи — вдруг вечером будет прохладно. И огненные прутики, если понадобится разжечь костер. Еду и вещи мы сложили в мешок,

я поднял его — тяжелый, но ничего страшного, все равно верхом ехать. Если дорога дальняя, я всегда езжу на гнедом Добряке, других коней не беру: он умный, выносливый, и характер у него покладистый. А Мила предпочитает каурого Буяна. Норовистый конь, хотя слушается её не хуже, чем меня Добряк.

Мы пошли за конями, а нас уже ждал Богдан на своей Чернушке. У него все проще, Велимудр редко спрашивает, куда уезжает внук, лишь бы ночевать приходил. Я заметил, что взгляд Богдана задержался на Миле. Она была в льняных штанах и рубахе, подвязанной поясом, а на голове у нее красовалась лента-очелье из бересты, обтянутая тканью с нашитыми на нее бусинами. Солнце светило Миле в глаза, она закрывалась от него ладонью, вытягивая длинные пальцы, но лучи не отставали: от них спрятали лицо, но не волосы — вот где можно вдоволь порезвиться.

Пристальный взгляд Богдана заметила и Мила. Богдан отвернулся, а потом ни с того ни с сего начал говорить мне, что Добряку пора менять стихоплетку.

— Сам ты не сделаешь. Давай я сочиню и сплету. Стих у меня для него уже есть:

Конь ты мой гнедой,
Побыстрей скачи,
А потом домой
Ты меня примчи.
Пусть тебя, мой конь,
Резвый мой Добряк,
Не сожжет огонь
И не тронет враг.
Не найдет стрела,
Хворь не свалит с ног.
Ты не ведай зла,

Ты скачи, дружок!

- Мне нравится, - одобрил я. - А что сплетишь?
- Пока не знаю.
- Может, я придумаю?
- Не стоит, - покачал головой Богдан.

Ответ Богдана напомнил о моем поражении — я не прошел испытания. Одно из них и не успел пройти, но это не важно, все равно я не хочу быть стихоплетом. А опоясником, увы, не стану. Моя мечта никогда не сбудется, и я могу сколько угодно рисовать знаки-обереги, совмещать их с чертами лица того или иного человека, но это никому не нужно, никто их не вышьет, потому что пояса с моими узорами рвутся. Мне стало так грустно, что захотелось сбежать подальше от всех, потеряться в дремучем лесу и сидеть там день или два. Но я не мог так поступить.

«В моем кошельке берескор, и я должен найти Мировое Дерево», - встряхнул я себя.

По пути Богдан и Мила беззлобно подтрунивали друг над другом, а я смотрел по сторонам, все время натываясь взглядом на береговые знаки. На самом деле, они и были повсюду — ни один хозяин не рискнет оставить свой дом без защиты. Больше всего знаков вырезано на кровле и на окнах, но мне они чудились не только на домах и едущих навстречу телегах: стоило взглянуть на пыльную дорогу, и я находил там причудливый узор, а если поднимал голову, видел солнечные знаки, нарисованные на облаках. Я упорно не хотел расставаться с мечтой. А ведь Макошь сказала, если я сохраню мир в своем сердце, смогу справиться с чем угодно. Значит, я сохраню и справлюсь, не отступлю даже теперь.

Показались земли тополян, мы подъезжали к их торжищу. У тополян оно огромное по сравнению с нашим и дубравским. У них, как и у нас, в каждой семье умеют шить себе одежду и обувь, делать необходимую утварь,

но тополяне больше других любят разные безделушки — они их и дарят, и обменивают, и продают, поэтому на торжище всегда оживленно.

- Мы просто проедем мимо, - предупредил Богдан. - Не останавливаясь и ничего не покупая.
- Это почему же? - встрепелась Мила. - Я хочу что-нибудь купить.
- У тебя разве есть зарии? - спросил я.
- Целых пять.

У нас не бывает много зариев. Светозары раздают монеты на праздниках всем: березанам, дубравцам и тополянам, и даже по домам развозят, если кто сам не может прийти. Зарии нужны, чтобы покупать всякие диковинные вещицы и больше ни для чего, но заканчиваются они все равно быстро. Я свои потратил на подарки, тем более что у Милы скоро день рождения, а я нашел для нее височные кольца с изображенными на них птицами. Раньше Мила носила совсем простые — из проволоки, но она повзрослела, пора ей обзавестись кольцами посолидней.

- Дим! Дим! Смотри, какая необычная рубаха! Разноцветная и короткая. Еще и с разрезами.

Я такие рубахи уже видел на тополянских девушках — на Раде и ее подружках, тополяне вечно шьют что-нибудь новое.

- Глупая выдумка глупых людишек, - поморщился Богдан. Но, взглянув еще раз на рубаху, а затем на Милу добавил: - Хотя тебе пойдет.

И на его щеках проступил румянец.

- Легких покупок вам! - послышался голос Рады.

И сама Рада показалась из-за глиняных горшков и кувшинов, которыми торговали по соседству с рубахами.

- А мы ничего не покупаем, - огрызнулся Богдан. - Легкая покупка — это как? Чтоб нести не тяжело было?
- Чтоб на душе было светло от приобретения, - улыбнулась Рада.

Она из семьи философов, у нее на все есть ответ, но у Богдана ее ответы вызывают желание спорить и кричать, что все тополяне — идиоты.

- Тогда и говори: светлых покупок, а не легких. И не вздумай кидать в меня дурацкий пух.

Рада прищурилась и облизнула губу — она так делает, когда собирается чем-то удивить.

- А я знаю, где тут продается самая легкая вещь. В прямом смысле легкая. Но это очень нужная вещь и стоит всего одну зарию.
- Хм... А что это? - заинтересовался я.
- За мной! - весело скомандовала она и быстрым шагом пошла мимо посуды, лаптей и женских платков.

Мы с Милой поехали следом, а Богдан поколебался, но в итоге присоединился к нам. Когда Рада привела нас к пожилому тополянину, перед которым лежали три пшеничных зерна, Богдан расхохотался, а Рада и бровью не повела.

- Одно зернышко — одна зария, - сказала она вместо продавца, а он кивнул, подтверждая.
- Чего-чего? - продолжал хохотать Богдан. - Да вы тут совсем спятили. За дураков нас держите?
- Ты еще не понял, что это непростые зерна? Простые штучно не продают. Это зерна тепла, они согревают в самый лютый холод. Надо положить зерно на ладонь и сжать кулак. Я проверяла — даже в мороз не замерзнешь.
- Очень рад за тебя. Но напомним, если ты забыла: сейчас лето и жара стоит такая, что зерна холода нам пригодились бы больше.
- В дороге любая вещица сгодится, - не сдавалась Рада. Она покосилась на мешок с едой. - А вы, похоже, далеко собрались.

- Возьмите зерно, не погадаете, - подключился к уговорам продавец тепла. - Одна зария — почти даром.

Были бы зарии у меня, я бы давно купил — меня легко уговорить, но отбирать монеты у сестры я не хотел: вдруг она себе что другое купить решила. К моему удивлению, Мила вынула зарию и взяла зерно. Наверняка она сделала это в пику Богдану.

- Не пожалеете! Точно не пожалеете! - улыбался довольный продавец.

А Рада от восторга подбросила горстку пуха, чем окончательно разозлила Богдана.

- Ну все, поехали. Надоели мне ваши зерна тепла, лучше бы ростки разума купили.
- Приезжайте к нам в гости, - сказала Рада. - И вы, и дубравцы редко бываете в наших землях. А у нас появилось много интересного. Например, книги. Таких, как у нас, вы нигде не найдете.
- Я приеду, - пообещал я.

Мила тоже заверила Раду, что с удовольствием погостит у тополян, один Богдан скривился и не произнес ни слова. Хотя мне показалось, именно от него Рада ждала ответ, пусть даже это была бы очередная колкость.

- Легкого пути! - крикнула Рада на прощание.

Он действительно был легким, наши кони неслись без усталости, и никаких препятствий не возникало. Мы проехали через тополиный лес, сперва густой, но вскоре поредевший, и нам открылась поляна, на которой стоял Солнечный дворец, принадлежащий Дажьбогу. Солнечных дворцов в Светозарии несколько, как и богов. За зимнее солнце отвечает Хорс, за весеннее — Ярило, за летнее — Дажьбог, а за осеннее — сам Сварог, хотя его дворец называется не Солнечным, а Небесным.

Стены дворца Дажьбога самые яркие, они выложены из желто-оранжевого камня, а на крыше стоят три скульптуры: утреннее солнце,

дневное — самое высокое, и вечернее. От этих скульптур исходит сияние, озаряющее все кругом.

- И почему нас отправили к Стрибогу, а не к Дажьбогу? - посетовал Богдан. - Представляю, как у него красиво!
- У Сварога разве хуже? - удивился я.
- Там нет ничего особенного, одни подушки повсюду.
- Дворцы все красивые, - возразила Мила.
- Да ладно! И у Чернобога с Марой?
- Я у них не была.
- Я тоже, но слышал, там сплошной мрак. А еще я про Подземный дворец Велеса много дурного слышал.
- Про него часто говорят! - поддакнул я. - Будто он не стоит на месте и все время перемещается под землей. По всей Светозарии! И где угодно может вылезти наружу.
- Может, но не вылезает, - усмехнулась Мила. - Все это баюны насочиняли, а вы им верите.
- Вот как вылезет прямо перед тобой, поверишь, - пошутил я.

Мы поскакали дальше, к елям, за которыми виднелся Небесный дворец Сварога. Он вызывал у меня такие же чувства, как у Богдана Солнечный. Впервые я увидел его в детстве и застыл в восхищении: дворец лазурного цвета, окруженный облаками! В любую погоду облака лежали на крыше, подпирали стены и заглядывали в окна. У крыльца, прямо на земле, тоже развалилось облако, и все, кто заходил во дворец, непременно наступали на него. У меня и сейчас перехватило дыхание при виде Небесного дворца.

- Каково это — идти по облаку? - спросил я у Богдана.
- Мягко. Оно как подушка.

Я замечтался — постоять бы чуть-чуть на облаке. Разрешат стражники или нет? Я же не пойду в сам дворец, только около постою. А стражники в лице трех светозаров уже ехали к нам.

- Дальше верхом нельзя! - строго сказал светозар.
- Мы к Стрибогу, - начал объяснять я. - К Ветренному дворцу по-другому не проехать.
- Мы пропустим вас, но без коней. Они пока останутся здесь.
- Заодно напоим их и покормим, - улыбнулся другой светозар.

Я спрыгнул на землю, потрепал Добряка за гриву и забрал у него мешок — мы договорились с Богданом нести его по очереди.

Оставив коней светозарам, мы обогнули Небесный дворец и пошли через васильковую поляну к небольшому лесу: за ним должны быть дворцы Перуна и Макоши, а дальше и Ветреный дворец.

- Богдан, а какая каша у Сварога получается вкусней: зимняя или летняя? - я все еще был мыслями в Небесном дворце.
- Да одинаковые они, - пожал плечом Богдан.
- Через год попробуем эту кашу, - уверенно сказала Мила.

А я подумал: может, и раньше. Вот выполню задание богов, и Сварог пригласит всех нас во дворец. Пусть я не опоясник, не стихоплет и не травник, но мне доверили важное дело, вряд ли Сварог про меня забудет.

Поляна уже заканчивалась, когда земля под нами задрожала и покрылась трещинами.

- Что это? - перепуганная Мила отпрыгнула назад.

Мы с Богданом тоже шарахнулись в сторону, а из-под земли пробивалась наружу каменная глыба.

«Подземный дворец!» - осенило меня.

Но это совсем не было похоже на дворец: на поверхность земли вылезли огромные камни, сложенные друг на друга. Их было с десятков, если не больше, и все вместе они выглядели как мощное сооружение.

- Кажется, мы дошутились, - ошарашенно произнес Богдан.
- Хочешь сказать, это и есть дворец Велеса? - изумилась Мила. - Груда камней?
- Давайте обойдем его поскорей, пока Велес не появился, - ответил Богдан.

С опаской поглядывая на так называемый дворец, мы продолжили путь, но успели сделать лишь несколько шагов. Земля стала расползаться по швам, вынудив нас отбежать к камням — единственному месту, где все было спокойно. Но спокойствие длилось недолго. Мила случайно прислонилась к камню, и я услышал ее крик, а сама она исчезла, будто камень ее проглотил. Мы с Богданом кинулись к тому месту, где она только что стояла и увидели, что в камне есть едва различимая дверь, ведущая в темноту.

- Ми-ла! - в отчаянии заорал я.
- Все нормально! - отозвалась она. - Тут горка, я скатилась вниз.

Я облегченно выдохнул — судя по всему, горка небольшая, но главное — Мила цела.

- И куда докатилась? - попробовал я пошутить, чтобы ей было не так страшно. - Сейчас помогу тебе выбраться.
- Ничего не видно. Горка скользкая, я не поднимусь. И по-моему... Дим, кто-то дышит мне в затылок!

На последних словах ее голос задрожал, а потом она вскрикнула — еще громче, чем когда падала. Не раздумывая, я бросился за ней. Съехал с горки и почувствовал, что меня схватили сзади за пояс, подняли и понесли. Мешок с едой куда-то улетел, а еще я услышал ругань Богдана, с которой он ринулся за нами.

Хотел крикнуть Богдану, что меня уносит непонятно кто и непонятно куда, но страх сдавил горло. Наступила тишина, тревожная и тягучая. Я не слышал ни Милу, ни Богдана, только стук своего сердца и сопение зверя. Это совершенно точно был зверь, но я не рискнул поднять руку и дотронуться до него, боялся обнаружить за своей спиной морду чудовища. Ужас захватил меня в капкан, не давая дышать и думать, сделав безвольным куском мяса. Зверь! Изголодавшийся зверь тащит меня в логово, чтобы сожрать. А я даже закричать не могу.

Внезапно полет прекратился, и я повис, зацепившись поясом за что-то острое. Точнее, меня подвесили, после чего зверь исчез, я больше не ощущал его присутствия. Но сердце все равно колотилось, как бешеное. Что это было? Точнее кто. И не вернется ли он? Вряд ли он решил отпустить свою добычу. А Мила с Богданом? Где они? Мои губы не слушались, не давали позвать сестру и друга. Я вдохнул сырой воздух и попытался открыть рот. Меня опередили.

– Мила! - прошептали слева.

Это был Богдан.

– Мила! Дим! - позвал он уже громче.

Наконец я смог разомкнуть губы и ответить, что жив, вишу рядом. В том, что Богдан тоже висит, а не стоит или сидит, я не сомневался.

– А Мила где? - спросили мы хором.

– Здесь, - еле слышно прошептала она.

Чуть дальше, чем Богдан, судя по звуку.

Обрадовавшись, что все живы, мы стали ощупывать пространство вокруг себя и выяснили, что висим на массивных крючках, вбитых в каменную стену.

– Надо узнать, высоко ли мы от пола, - сказал Богдан. - Попробую скинуть башмак.

Бабах! Судя по звуку, пол совсем близко. Богдан опять меня опередил: развязал пояс и прыгнул вниз, сразу доложив, что он в порядке. Я тоже не стал задерживаться в висячем положении, а когда оказался на полу, поймал спрыгнувшую Милу.

- Похоже, нас принесли сюда какие-то твари, вызывающие немоту, - задумчиво произнес Богдан. - Поэтому мы не могли говорить.
- Слуги Велеса, - предположил я.
- Завел себе непонятных чудищ. Не зря я всегда побаивался этого бога. Живет под землей, прошлое у него темное, и сам он то ли светлый, то ли темный, не поймешь.
- А там свет, смотрите! - воскликнула Мила.

Теперь стало ясно, что мы в длинном каменном коридоре, в конце которого только что зажгли факел. Или в начале, это не имело значения. Выбора у нас не было — мы пошли на свет. Страх улетучился, уступив место любопытству: наверняка там нас ждет Велес, покровитель животных и самый мудрый из богов. Еще его называют богом плодородия и богом, дарующим удачу. В отличие от Богдана, я бы не отказался с ним встретиться. Чем ближе было пламя факела, тем уверенней мы шагали и тем больше мне хотелось увидеть Велеса.

Коридор вывел нас в просторный зал, освещенный несколькими факелами. Посреди зала, повернутый спинкой к нам, стоял каменный трон, на котором была вырезана змея с раздвоенным языком. Венчали спинку две волчьи головы, тоже из камня. Неожиданно одна из голов повернулась, а ее глаза загорелись красным огнем. Потом начал поворачиваться сам трон, это движение сопровождалось диким ревом, заполнившим весь зал. На троне сидел медведь.

Глава восьмая. Дверь в пустоту и сила Морока

Мы испуганно смотрели на медведя, а его взгляд был тяжелым и проникал в тайники души каждого, даже в те, что спрятаны очень глубоко. Губы снова не слушались, и никто из нас не мог произнести ни слова. Так мы и стояли, пока трон не крутанулся во второй раз, и вместо медведя перед нами предстал хмурый старик с длинными седыми волосами, настолько длинными, что они доставали до пола, как и его борода. На старике были штаны из грубой ткани и шерстяная накидка, а в правой руке он держал деревянный посох.

- Зачем вы здесь? - громко спросил он, остановив взгляд на мне.
- Не знаю, - честно признался я. - Мы просто провалились.
- Просто свинья брюхо чешет. И то не просто... Думайте, зачем вы здесь.
- За мудростью! - выпалил я.

Лучше бы молчал. Велес сдвинул брови еще сильнее, и мне захотелось провалиться на нижний уровень его дворца, если такой имелся. Но Велес — правда мудрейший из богов, как Велимудр среди старейшин. Между ними даже сходство есть: и в именах, и во внешности, хотя в бороде Велимудра всегда мелькает улыбка, а Велес, похоже, улыбаться не умеет.

- Мудрость — это не медовый хлеб, чтоб ее в дар получить, мудрость выстрадать надо, и горчить она будет так, что никакими сладостями не заешь.

Вообще-то, я бы скорей попросил у Велеса не мудрости, а удачливости, но побоялся, что Велес разозлится.

- А часто вы медведем оборачиваетесь? - ни с того, ни с сего спросил Богдан. Наверное, решил таким образом спасти нас всех от допроса, зачем мы здесь.

- И медведем, и волком, и быком, и змеей. Нельзя стать настоящим покровителем животных, не побывав в их шкуре. Так зачем вы здесь? Кто еще попытается ответить?

Велеса вокруг пальца не обведешь, не отступит, пока не получит ответ.

- Боги дали задание моему брату, - звонко сказала Мила. - Он должен найти Мировое Дерево, но сперва попасть во дворец бога ветра.
- Мне это известно. И что?
- Вы подскажете ему, как дойти.
- Куда? К Дереву? Не подскажу, твоего брата берескор ведет. А где находится дворец Стрибога, ни для кого не секрет.
- Значит вы хотите сказать Диму что-то важное, и специально заманили нас в Подземный дворец. Ну то есть не заманили... - Мила смутилась.

- Заманил-заманил, все верно, - улыбка впервые за время разговора тронула уголки рта Велеса. - И хочу я не сказать, а показать.

Велес встал с трона, поражая нас своим огромным ростом.

- Ты и ты, - он показал посохом на Богдана и Милу. - Побудете здесь. А с тобой, - посох Велеса воткнулся мне в живот, - мы немного прогуляемся по моему дворцу.

Он оглушительно свистнул, и в зал вбежали три волка с красными глазами, точно с такими, как у каменной морды на спинке трона.

- Они будут вас охранять.
- А есть от кого? - язвительно спросил Богдан. - Боитесь, что мы пойдем по дворцу бродить?
- Вы и пошли бы, знаю я вас, людей. Но они вам не позволят, это очень умные волки. Летающие.
- Это они схватили нас у входа во дворец, а потом повесили на крючки? - догадался я.

– Да. Мои волки всегда встречают гостей и несут их ко мне, иначе те заплутают в бесконечных темных коридорах.

– Ну спасибо, не дали пропасть, - хмыкнул Богдан. - Напугали, правда, до смерти, но это такие мелочи...

Велес только ухмыльнулся в ответ.

– А куда вы поведете Дима? - обеспокоилась Мила.

– Люди вечно спрашивают не о том, о чем на самом деле хотят спросить, - вздохнул Велес. - Куда — я уже сказал. На небольшую прогулку. Ты хотела узнать, верну ли я его вам, так? Тут я не дам однозначного ответа, все будет зависеть от него.

В груди у меня заныло. Что он задумал? Если я могу не вернуться, это значит, прогулка не безопасная.

– Идем! - Велес стукнул посохом по полу.

Я выдавил из себя улыбку, чтобы показать Миле и Богдану, что все хорошо, переживать не о чем, и пошел за Велесом.

Мы петляли по коридорам, где почти не было света. Каждый длинный коридор освещали в лучшем случае два факела, но чаще один. Я переставлял ноги медленно, чтобы не наступить на волочащиеся по полу волосы бога. По моим ощущениям, прошло около получаса, и мне стало казаться, что мы так и будем ходить, это и есть наше путешествие, и, наверное, Велес ждет от меня или действий, или вопросов. Но каких? А возможно, он сейчас исчезнет, и я должен буду сам найти дорогу назад. Черт! Все это время я думал непонятно о чем вместо того, чтобы запоминать, где и куда мы поворачивали, попадая в новые коридоры.

Иногда мы шли мимо дверей, очень похожих друг на друга. На нескольких я видел отпечаток медвежьей лапы, и мне стало любопытно, для чего он там.

- Медвежья лапа — это моя печать, - пояснил Велес. - Если она стоит на двери, никто, кроме меня, не имеет права входить в эту комнату: ни летающие волки, ни другие звери, обитающие тут, ни гости, даже если они остаются у меня больше, чем на один день.

Велес остановился у двери без печати.

- А сюда мы с тобой сейчас войдем. Тут я на тебя и посмотрю.

Звучало угрожающе, и я нервно сглотнул слюну, а Велес открыл дверь, демонстрируя мне совершенно пустую комнату, в которой находились другие двери.

- Семь дверей, - сказал он, когда я переступил порог. - А выбрать тебе придется одну.
- Как выбирать? Наугад? - я поежился: в комнате было холодней, чем в тронном зале и коридорах.
- По ручкам. Чтобы открыть дверь, надо потянуть за ручку.

Стоило ему заговорить о ручках, я заметил, что они шевелятся. А приглядевшись, понял, что вовсе это не ручки, а свернувшиеся клубком змеи. Этого еще не хватало! У меня не было ни малейшего желания дотрагиваться до змеи. А почему вообще я должен это делать? Велес не удосужился ничего объяснить, и никто не предупреждал, что я обязан его слушаться. Но попробуй поспорь с богом, еще и таким непредсказуемым.

- А если я не выберу дверь? - осторожно поинтересовался я.
- Не узнаешь того, что поможет тебе изменить свою жизнь, - ответил Велес, усаживаясь на пол в центре комнаты. - А что тебя пугает? Укусить может лишь одна из них, остальные очень миролюбивы.

Ну, конечно! С моей неудачливостью я и выберу ту самую одну. Теперь мне еще больше не хотелось выбирать, но я не знал, как отказаться, тем более, что Велес ясно дал понять — это важно для меня. Змеи дружно зашипели, и по их поведению невозможно было определить, кто агрессивней. По размеру и

окрасу они были примерно одинаковыми: маленькими и голубовато-серыми с черными пятнами. Семь пар глаз уставились на меня, пытаюсь заморозить, притянуть к себе.

— Смелей! Не заставляй их ждать! - поторопил меня Велес.

Я потянулся к ближайшей змее, но передумал, выбрал другую — что-то особенное было в ее взгляде. Затаив от ужаса дыхание, я схватил змею за хвост. Три вещи произошли одновременно: Велес стукнул посохом, змея резко увеличилась в длину, крепко обвивая мою руку, а передо мной отворилась дверь. За дверью была абсолютная тьма. Я обернулся к Велесу, чтобы спросить, нужно ли мне шагать в эту тьму, но держащая меня змея внезапно ринулась туда, увлекая меня за собой. Я вскрикнул. Пола под ногами не было. Меня снова подвесили, только в этот раз за руку. Вероятно, змея зацепилась за что-то, чтобы удержать нас обоих.

— Все нормально? - слышал я голос Велеса.

— Ну как вам сказать... - я храбрился, стараясь, чтобы голос звучал бодро и беззаботно. Оглядывался по сторонам в надежде разглядеть хоть что-нибудь, но ничего не видел. - Стоять или сидеть в комнате рядом с вами было бы удобней. Но и так пойдет.

— Повиси, тебе полезно. Иной раз людям необходимо встретиться с собственной пустотой.

— Как это?

— Ты висишь в своей пустоте. У всех есть пустота, и все стремятся ее заполнить. Иногда заполняют чем попало, а иногда не заполняют совсем, и пустота начинает заполнять их.

— Я должен ее сейчас заполнить?

— Нет, просто виси. В тебе мало пустоты, в тебе есть любовь, которой хватает и на людей, и на зверей, и на весь большой мир и на маленькие знаки, что ты рисуешь. Но знаешь, чего в тебе нет? Веры в себя. Иногда

она загорается маленьким огоньком, но ты снова и снова гасишь этот огонь, вместо того, чтобы разжечь, а пепел выбрасываешь в пустоту, - Велес глухо кашлянул. - Я наблюдал, как ты метался, выбирая змею. Тебя смущали мои слова о том, что одна змея способна укусить, и ты тут же вспомнил о своей неудачливости. А чем больше ты о ней вспоминаешь, тем чаще она преследует тебя. Я хочу, чтобы ты оставил ее в пустоте, взяв себе взамен веру в свои силы.

- Но как я это сделаю?
- Повиси пока, а я расскажу тебе историю, случившуюся со мной очень давно, когда я был молод и влюблен. Истории о любви по душе и молодым, и старым: одни, слушая их, представляют, как все будет, а другие вспоминают, как было.

Услышать историю из уст самого Велеса показалось мне заманчивым. Я смирился со своим подвешенным положением и приготовился узнать сердечные тайны мудрого бога.

История Велеса

В это сложно поверить, но когда-то мы с Перуном были друзьями. Бог грома и молнии и бог плодородия — отчего бы нам не дружить? Перун был веселым и смелым, я — хитрым и осторожным. Мы носились по небу на конях, устраивали шуточные сражения и восхищали берегинь своей силой. Но однажды встретили русоволосую красавицу, богиню перевоплощений, лишившую покоя нас обоих. Ее звали Дива-Додола, и никогда нельзя было угадать, какой мы увидим ее на следующий день: веселой и беззаботной или задумчиво-печальной, нежной и трепетной или грозной, разгоняющей непокорные тучи. Додола вся состояла из загадок, и мы оба хотели их разгадать.

Долгое время она не замечала никого из нас, но на одном из праздников танцевала с Перуном, он ей приглянулся, и она стала его невестой. В те времена я не умел управлять своими страстями и не желал отступить, я предал дружбу, решив похитить Додолу у Перуна. Вырастил на ее пути одурманивающий цветок и увез богиню к себе. Мне казалось, Додола счастлива со мной, но она тосковала по Перуну, а сам Перун был вне себя от ярости и вызвал меня на поединок. Мы сражались три дня и три ночи, и ни один не мог одолеть другого. Перун настроил против меня остальных богов, и я был вынужден отдать ему Додолу. Боги сказали, что отныне мое место под землей, и многие годы я не видел солнечного света. Позже мне позволили выходить, но не приближаться ни к богам, ни к людям. Единственными моими собеседниками были звери, и я не мог никого в этом винить, кроме самого себя. Но мои ошибки ничему меня не научили — я влюбился в Мару, жену Чернобога. Мы вместе с ней провожали умерших в последний путь, и это нас сблизило. Ей нравилось, как я играю на гуслях, а я обожал слушать ее песни. Узнав о наших встречах, Чернобог наложил на меня страшное заклятие: всего за один день я превратился в старика.

У каждого бога есть свой возраст, до которого его внешность меняется, чтобы потом остаться такой навечно. У Дажьбога это двадцать восемь лет, у Перуна — сорок пять, мне при рождении были даны пятьдесят, но стараниями Чернобога я состарился до семидесяти, и гораздо раньше срока. На этом Чернобог не остановился, он отравил меня червями сомнений. Небольшие сомнения нужны всем: и людям, и богам, но если их много, они пожирают все силы, не позволяя ничего делать, потому что каждый шаг, даже самый простой, кажется невозможным. Мало того, черви влияли и на тех, кто имел со мной какие-либо дела. Люди начали сомневаться, верить мне или нет, светлый я бог или темный, помогу или принесу вред. А из богов со мной общалась только Макошь.

Некоторые думали, будто она моя жена, а баюны сочиняли песни о том, как Перуну надоела Додола, и он обольстил мою Макошь в отместку за похищенную у него невесту. Ничего этого не было. Макошь — одинокая богиня, она прядет нити судеб, завязывает на них узелки важных событий и встреч, но для нее никто не может спрятать нить с ее женской долей. Зато Макошь, как никто другой, умеет дружить. Она помогала мне все те годы, когда я не мог справиться с червями сомнений. Но окончательно меня спасла пустота. Многих она губит, а меня спасла, освободив от червей.

- С пустотой надо быть осторожным, - сказал Велес в конце своей истории. - Иначе она заберет у тебя что-то ценное.

Как только до моих ушей донеслись эти слова Велеса, змея дернула меня за руку и выкинула из пустоты в комнату к богу.

- Я не могу пока сказать, будет ли толк от твоего висения в пустоте, - предупредил мой вопрос Велес. - Все зависит от того, сумеешь ли ты сам посмотреть на себя иными глазами, для этого тебе нужно время. А сейчас ты вернешься к тем, кто тебя очень ждет.

Обратный путь был гораздо короче, словно коридоры уменьшились раз в пять. В тронном зале под надзором волков сидели издегавшиеся Мила и Богдан, и спорили, стоит ли ждать еще или пора бежать ко мне на помощь, несмотря на охрану.

- Хотел бы я посмотреть, как бы мои волки вас пропустили, - погладив одного из волков, Велес направился к своему трону.
- А если бы нам приспичило? - с вызовом спросил Богдан. - По нужде.
- Пришлось бы терпеть. Хотя они могут проводить куда нужно. Сейчас именно это и сделают, отвезут вас наверх. Но сперва вернут вам вещи.

Велес свистнул, и волки дружно выбежали из зала. Двое волков вернулись с поясами в зубах, а третий с мешком.

- Обслюнявили весь пояс, - возмущался Богдан, подвязывая рубаху.

– А следов зубов нет, - Мила с удивлением рассматривала неповрежденную ткань. - Я думала, он будет выглядеть ужасно.

– И правда: все, как было, - согласился я, подпоясываясь.

– Волки очень аккуратные, - сказал Велес. - И знают свое дело. Но теперь нести вас в зубах не обязательно, вы поедете верхом.

Я подошел к волку и хотел погладить его, но он зарычал.

– А ты нежности тут не разводи, - усмехнулся Велес. - Только я могу это делать. Садись на него и все.

Не успел я сесть и окунуть руки в густую шерсть, как волк сорвался с места, и я на лету прокричал Велесу спасибо и до свидания, поймав себя на мысли, что не отказался бы встретиться с ним еще. Велес ничего не ответил. Или я не расслышал ответ.

Пятилетний мальчик стоял перед застывшими воинами, взирая на них с равнодушием. Сидят на конях, готовые к бою. Тела защищают кольчуги, на головах шлемы, в руках мечи и копья, но ничто не спасет их от его взгляда. Скоро они очнутся и не вспомнят, что ехали биться с врагом, они вообще забудут, кто их враг и повернут коней к мирному поселению. Ничто их не остановит: ни крики женщин, ни мольбы стариков, ни плач детей. Для кого-то из воинов это поселение родное, и он заколет копьем собственного ребенка. Они убьют всех и сожгут дома вместе с людьми, которые надеялись укрыться там, а потом уничтожат друг друга. Потому что он им так внушил, и они исполнят его волю, потеряв свою.

Мальчик услышал топот копыт и заулыбался, увидев мчащегося к нему всадника в черном плаще.

– Как тебе моя работа, папа? - спросил он, когда всадник приблизился.

- Отлично, Морок. Твоя сила потрясает даже меня. Только почему ты предстал перед ними ребенком?
- Так интересней. Я оставлю одного воина в живых, - Морок показал пальцем на мужчину с перебитым носом. - И память ему сохраню, чтобы он рассказал всем, как было. Пятилетний колдун заморочил головы княжеским дружинникам! Неплохо, да? Я хочу прочесть об этом в летописях.
- Тебе скучно, я понимаю, - Чернобог разгладил серебряные усы. - Потерпи немного, скоро мы так порезвимся, что земля содрогнется. Мы зальем ее кровью, а те, кому посчастливится выжить, будут нашими рабами. Но пока мы должны затаиться, чтобы светлые боги ничего не прознали. Не высовывайся, сын, наше время придет.

Морок стукнул по дереву кулаком, спугнув воспоминание многовековой давности, и зарычал от злости.

- Сколько же у меня тогда было силы! А сейчас едва хватает на одного человека.

Возле Морока переминался с ноги на ногу светозар.

- А кто он, этот человек?
- Какая тебе разница, - резко ответил Морок. - Думать больше не о чем?
- Мне казалось, мы в этой игре на равных, - обиделся светозар. - Не рассыпал бы я порошок, ничего бы не началось.
- На равных, не ной. Просто об этих делах тебе лучше не знать, я с ними сам управлюсь. А ты подумай, куда деть светозара, которому Сварог поручил охранять героя. Он нам мешает.
- Не убивать же его.
- У тебя есть другие идеи?
- Я узнал, что у них с героем одна любовь на двоих. Полудница Злата.

- О как! - рассмеялся Морок. - Ну, я тебя понял. Если Ян сам убьет героя, превосходно. Но ты не спускай с него глаз.

Светозар кивнул, и стало заметно, как в темноте сияют его волосы, а Мороку почудилось, в кустах кто-то прячется. Он пошевелил ближайший куст — оттуда вылетела потревоженная птица.

- Ей повезло, что она не человек, - громко сказал он. - Человек был бы уже мертв.

От взгляда Морока не укрылось, что листья другого куста озарились таким же светом, какой исходил от волос светозара. Морок многозначительно посмотрел на своего союзника. Никто не должен сорвать их планы, он слишком долго ждал, мечтая вернуть себе силу, и теперь его не остановить.

Глава девятая. Голос в ночи и зудящая пятка

- А темень-то какая уже! - воскликнул Богдан, выйдя из Подземного дворца. - Столько времени у Велеса потеряли! Давайте хоть поедим, мой желудок воет от голода.
- Хорошая мысль, - поддержала его Мила. - Вам будет легче мешок нести.

Мы сели на траву, разложили еду, а Богдан ехидно спросил у меня:

- Ну что, одарил тебя Велес мудростью?
- Не знаю. Но он мне понравился, забавный старик.
- Все они забавные, боги эти, особенно когда посылают непонятно куда и непонятно зачем.
- Ты мог со мной не идти, - сказал я, запихивая в рот яйцо.
- Да конечно! И так на душе мерзко из-за этой истории с берескором. Правда, я не виноват, что ты такой дурак и взял его вместо меня.

Богдан вгрызся в курицу, уткнувшись в нее длинным носом, и я подумал, что в старости он будет очень похож на банника.

- Быстро же ты перестал доверять богам, - я отломил кусок от лепешки.
- Потому что ведут они себя так... - огрызнулся Богдан, облизывая пальцы.
- Ты сам просил Макошь сказать. Что она должна была делать, если твой отец — банник, - возразил я, забыв, что рядом сидит Мила, и ей об этом никто не говорил. Ее глаза поползли на лоб, а Богдан побагровел. Пока он не раскричался, я решил срочно спасать ситуацию и добавил: - А я на Велеса глядел, глядел... Мне кажется, твой дед похож на него. Вдруг он сын Велеса? А ты правнук бога, как и мечтал...

Кулак Богдана пришелся в мое оттопыренное ухо. Мы покатались по земле, мутузя друг друга. Богдан орал, что у меня в голове солома и что я предатель, а я обозвал его заносчивым индюком и завистником, будто он завидует, что берескор достался мне, а не ему. Я говорил чушь, но в порыве гнева слова лились из меня помоями, и я хотел сделать Богдану больнее.

Мила сперва не лезла, она привыкла к потасовкам между нами, но испугалась, что мы никак не прекращаем и пригрозила швырнуть в нас сережки.

- У тебя они теперь на все случаи жизни? - крикнул Богдан и получил от меня в лоб.

Прогремел гром. Мы с Богданом уставились на Милу, решив, что она выполнила угрозу. Но Миле было не до нас, она, разинув рот, смотрела на небо, а там гарцевал белый конь, на котором сидела богиня в красном плаще. Другой конь, огненно-рыжий, держал на себе бога с серебряными волосами и короткой золотой бородой — громовержца Перуна. На Перуне плаща не было, а штаны и рубаха слились в единое белое пятно. Богиня хохотала, заигрывая с

Перуном, и стоило ему дотронуться до ее руки или волос, в небе сверкали молнии.

– Дидола и Перун выехали на прогулку, - с восхищением сказала Мила.

Рыжий конь подлетел к белому совсем близко, и Перуну удалось схватить Дидолу. Он пересадил богиню на своего коня, заключил в объятия, а гром разорвал небо в клочья. Ливанул дождь.

Богдан кинулся спасать остатки курицы.

– Вот так всегда. У богов громовые объятия, а у нас испорченный ужин.

– Ну да, драка тебе аппетит не портила, - усмехнулась Мила.

Мы собрали все, что не успели съесть, и спрятались под деревом.

– А если молния в дерево ударит? - с тревогой в голосе спросила Мила.

– Похоже, эти двое наобнимались уже, - показал Богдан на удаляющихся Перуна и Дидолу.

Я случайно зацепил Богдана плечом, и он от меня отодвинулся. Злится. Он такой, что может теперь неделю или две дуться. Я, конечно, виноват — выдал Миле его тайну, а потом еще про Велимудра и Велеса ерунды наплел, и про зависть...

– Богдан... - начать-то я начал, но толком не знал, что ему сказать.

– Отстань! - зло бросил он.

А потом обратился к Миле:

– Уже ночь, к Стрибогу еще идти и идти. Пустят нас к нему во дворец ночью?

– Вряд ли, - сказала она. - Но в лесу ночевать тоже не хочется.

– А больше негде. Дождь заканчивается. Укроемся плащами, прислонимся к деревьям и будем спать, а как рассветет, пойдем к Стрибогу. Тут и озеро недалеко, есть где умыться.

– Да, переночуем здесь, - согласился я. - А то еще заблудимся.

Богдан сделал вид, что меня нет и в дальнейшем все обсуждал только с Милой.

Я достал лепешку и стал жевать, любуясь каплями на траве. Жаль, у меня не было с собой берестяного листа и рисовальных палочек — мне представилось, как красиво смотрелись бы обереговые знаки, если нарисовать их внутри капли. Для каждого знака своя капля, и получился бы обереговый дождь.

- Надо костер разжечь, - сказал Богдан. - Огненные прутьики у нас есть, пойду бересту поищу.

В мокром лесу лучше всего разжигать костер с помощью бересты. Мы всегда дразним этим дубравцев: вот попадете в лес во время дождя, без нашей бересты не обойдетесь. Они отвечают, что с иголками сосны и ели можно сделать то же самое, правда, гораздо дольше мучиться придется. А мы не мучились. Расчистили с Милой место для костра, насобирали веток — среди них даже сухие попались, удачно спрятавшиеся под деревьями, а Богдан притащил бересту и подпалил один кусок огненным прутьиком. Когда огонь разгорелся, добавил сверху еще бересты и начал раздувать пламя, постепенно подкладывая ветки.

- Все, огонь у нас есть, - Богдан был доволен собой. - Давайте спать.
- А дежурить у костра будем? - спросила Мила.
- Авось и так не погаснет, - сказал я.
- Угу, наше авось не с дуба сорвалось, - съязвил Богдан. - Нет уж, лучше подежурим по очереди. Я посплю, а вы пока сидите, разбудите потом.

Он закутался в плащ, закрыл глаза и вскоре засопел. Я пораился его умению так быстро засыпать в необычных условиях, у меня желания спать не возникло, да и сидеть у костра мне нравилось. Дым щекотал ноздри и горло, пробираясь дальше и оседая теплом в животе. Я вспоминал дворец Велеса, змеиные ручки на дверях, пустоту и слова бога про огонек веры в себя. Чем

больше я смотрел на огонь, тем яснее представлял, как внутри меня тоже разгорается что-то большее.

На костер слетелась мошकारа, я отмахивался от нее, а Мила сидела спокойно, сложив руки на коленях и глядя на горящие ветки. Ее глаза были грустными, и я подумал, что мы с ней толком не поговорили про Ярослава. Если он к ней еще раз подойдет, я ему точно врежу. Она все правильно сделала, и бояться его не нужно. Грустить из-за нападок дубравцев тем более. Но может, она и не грустит — просто мечтает о чем-то. Или завела в своей душе очередной тайник, она с детства любила так делать: придумывала маленький секрет, например, закапывала под деревом ложку, чтобы из нее вырос ложковый куст, и объявляла всем:

— У меня теперь есть секрет, я храню его в тайнике, вот тут, - она прикладывала руку к груди. - И никому не расскажу, что это.

Она часто напоминала и мне, и родителям о своем тайнике, гордилась им, хотела, чтобы мы расспрашивали, но признавалась, какой у нее был секрет только после того, как закрывала тайник и открывала новый. Возвращала домой ложку, из которой, конечно, ничего не вырастало, находила цветок или причудливую ветку, прятала, и начиналась история с новым тайником. Я тоже один раз так попробовал. Увидел в лесу гриб с обкусанной шляпкой, принес его домой, положил в короб и радостно заявил, что у меня есть тайник, но в тот же день показал гриб Миле.

— Дим! Дим! - позвала взрослая, теперешняя Мила, спугнув Милу маленькую. - Ты уже носом клюешь, поспи.

— А ты?

— Я пока не хочу, честно.

— Ладно.

Я растянул плащ так, чтобы лечь на одну его часть, а другой укрыться, и попытался призвать сон. Долго ворочался, вздрагивая от каждого шороха, а

уснув, продолжал прислушиваться ко всему, что происходит кругом. Но все-таки я спал, и в моем сне меня ругала мама за то, что мы с Милой не выполнили обещание, не вернулись вечером домой и ночуем теперь непонятно где. Она пришла за нами в лес, волосы у нее растрепались, и я заметил, что в них застряли комья грязи. Это меня напугало: мамины волосы всегда были чистыми и красивыми. Я спросил, что у нее с волосами, но она отвернулась. Тогда я положил руку ей на плечо и с удивлением обнаружил, что передо мной стоит другая женщина — спиной стоит, но вместо затылка я вижу ее лицо, и оно уродливо, будто это и не лицо вовсе, а слепленная из грязи маска. Я отшатнулся, а женщина рассмеялась, и губы ее при этом не двигались. Вдруг по лицу-маске потекли струйки крови. Женщина потянулась ко мне и зашипела:

– Посмотри в глаза своей пустоте!

Ее костлявые пальцы вцепились в меня, а под ногтями была грязь, перемешанная с кровью. Я вырвался и побежал, с ужасом наблюдая, как грязь заливает тропу, по которой я бегу, и мои лапти все больше утопают в ней.

«Грызари уже нападали, теперь нападут грязеры», - подумалось мне. Я продолжал бежать, хотя за мной никто не гнался, и увидел Милу с Богданом.

– Я покажу тебе мой тайник, - говорила Мила Богдану. - Мы его сейчас откопаем.

А поодаль уже копался в грязи рыжеволосый парень. Влад! Вот сейчас я и узнаю, что он там прячет. Я подошел к нему, не сводя глаз с его рук, и услышал, как меня зовут:

– Дим!

Это был девичий голос, но принадлежал он не Миле, хотя сперва я решил, будто моя сестра будит меня.

– Открой глаза, Дим!

Я открыл, выпрыгнув из странного сна. Никакой женщины с лицом-маской поблизости не было, Влада тоже. Богдан по-прежнему спал, и Мила уснула, забыв передать мне дежурство. Я подбросил в костер веток, и совершенно ясно услышал тот же голос, что и во сне:

– Ди-и-им!

Меня пробрал холод, несмотря на близость костра.

– Помоги мне! Ди-и-им!

Голос звучал все настойчивей, и шел он со стороны елей, иглы которых поблескивали в лунном свете, будто ножи. Придушив страх, я двинулся к ним. С каждым шагом мое сердце билось все сильнее, рискуя выпрыгнуть из грудной клетки.

Шорох. Торопливый, испуганный... Кто там? Кто может прятаться среди деревьев ночью? Наверняка это ловушка, и я безропотно иду прямо в нее.

«В моем кошеле есть березовые сережки, я сумею защититься», - успокоил я себя.

Зрение уловило едва заметное движение, словно нечто бесформенное и полупрозрачное метнулось от одного дерева к другому. Я вытащил три сережки, приготовился.

– Не надо, Дим! - жалобно произнес голос.

– Где ты? - громко спросил я. - Выйди, не прячься.

Тишина.

Если это русалка, решившая поиграть со мной, я не поддамся ее чарам, пусть не старается. Если летавица, дело хуже — на них лучше совсем не смотреть. Отец рассказывал, в юности ему встретилась такая, упала звездой с неба и как заглянул он ей в глаза, так и начал чахнуть с того дня, несколько месяцев соками трав лечился. Но летавицы яркие, их сразу видно. А вдруг там вообще лесавка? Дочка лешего и кикиморы. Тогда почему она не сыплет мне

на голову древесную труху, не кидает в меня еловые шишки? Лесавки любят порезвиться, но они тоже разные бывают, иногда предстают в образе невинных девушек, а потом — не успеешь оглянуться, заманят в такое место, откуда нет выхода, и бросят там.

Из-за дерева показалась рука — тонкая, белая, но все же не прозрачная, как мне мерещилось поначалу. Мгновение спустя рука исчезла, и я решил положить этому конец.

— Скажи, кто ты?! Иначе я уйду.

— Смерть твоя! Самая нелепая из всех! - прозвучало позади меня.

Я подпрыгнул. И выдохнул, обернувшись.

— Богдан! Ты чего так пугаешь?

— А ты куда поперся один? Тебя же убить хотят. Я тут просыпаюсь, значит, думаю вас подменить и что вижу? Одна дрыхнет, второго и след простыл. Нормально?

— Я ж не просто так, меня голос позвал.

— Тогда конечно, отчего бы не пойти. А чей голос-то был? Очередного грызая?

— Девушка там была. А ты ее спугнул... наверное...

— Ну извини, что помешал тебе попасть в лапы убийц. Лучше бы я спал дальше.

Богдан собирался уйти, но я вовремя опомнился.

— Ты уже не злишься на меня?

— Злюсь! Но не настолько, чтобы дать тебе умереть.

— Я правда жалею о своих словах, - сказал я.

И Богдана прорвало.

— Знаешь, что меня больше всего в тебе бесит? Ты думаешь, будто один весь такой правильный и всех любишь, а другие ничего хорошего тебе не желают. Строят козни, завидуют... Я тебе завидую! Ха три раза. Было

бы чему! Боги втянули нас в дурацкую историю, и я бы этот берескор выкинул без колебаний. Но нет, тебе нравится чувствовать себя героем.

- Теперь уже ничего не изменить, я должен идти, куда он меня ведет.
- Ничего ты не должен! - взвился Богдан. - Ты можешь его потерять, случайно выронить в лесу, прямо здесь.
- Это нечестно, боги надеются, я найду Мировое Дерево.
- Нечестно было давать тебе такое задание.
- Богдан, перестань. Я мог отказаться, когда Ян предлагал, а теперь все, я не буду выбрасывать берескор, но с тобой не хочу опять ссориться.
- А мы еще не помирились.

Треснула ветка, и я взглянул на дерево, за которым совсем недавно пряталась девушка. Или лесной дух... Она еще там? Не сбежала?

- Выходи! Мы не причиним тебе вреда, - пообещал я.
- Сами подойдем, - шепнул Богдан.

Я прикинул, получится ли это сделать быстро и незаметно. Наверное, да. Всего два прыжка, и мы у дерева, стоит рискнуть. Переглянувшись с Богданом, я приготовился прыгать, но был оглушен криком: «А-а-а-а-а!»

Я весь похолодел: и внутри, и снаружи, — кричали около костра. Мила! Мы бросились к ней, спотыкаясь в темноте и напарываясь на ветки. В моем воображении Мила билась в лапах упыря, высасывающего у нее кровь. Или анцыбала, вылезшего из болота, и не важно, что в этом лесу есть только озеро, анцыбалы там не живут. До костра было рукой подать, но мне показалось, мы бежали очень долго, в моей голове пронесся ворох страшных картин. Увидев Милу, я даже не поверил, что она стоит у костра, целая и невредимая, и поблизости нет ни одного чудовища. Правда, тряслась она так, будто секунду назад была окружена полчищем чудовищ.

- Здесь...здесь... - захлебываясь собственным страхом, прошептала Мила.
- Здесь кто-то был.

- Кто? - я обнял ее за плечи и стал гладить по голове, как в детстве, когда ей снился страшный сон, и она прибежала его рассказать.
- Мила, не молчи. Кого ты видела?
- Не знаю, - она убрала упавшую на лицо прядь волос. - Я проснулась, услышав шаги. Но никого не было. И вас тоже. А шаги были. Я решила, сюда пришли эти... грызари. Ты же говорил, они невидимы. И я закричала.
- Грызари или нет, но за нами тут, похоже, охотятся, - сказал Богдан. - Дима позвал голос, тебя разбудили шаги. Кстати, Дим, может, нас специально выманили?
- Чтобы напасть на Милу?
- Ну да. Ты ушел, и я за тобой.
- Хорошо, что на нее не напали, - я вытер пот со лба. - Будем держаться вместе.

Я посмотрел на небо в надежде увидеть первые лучи, но там была густо намазанная чернота. До рассвета еще далеко, а за деревьями притаились враждебные нам существа. Теперь мне казалось, их много, и они повсюду. Но нельзя поддаваться панике. Если все будет совсем плохо, появится светозар и спасет нас.

Ян долго собирался с духом: носился, как угорелый, по терему. Дважды перевернул скамью, сорвал со стены рушник и опрокинул со стола горшок с нектаром — все это, конечно, не специально, просто не мог удержать ни свои мысли, ни руки с ногами. Нектар мгновенно испарился, придется варить новый: светозары должны пить его утром и вечером, иначе их волосы станут тусклыми и не будут сиять в темноте. Сварит потом. Сейчас его волновало лишь одно — сможет ли он совладать с собой, увидев Злату. Он теряется

рядом с ней, как простой смертный, но он — светозар, защитник мира, его сила в сотни раз превосходит силу любого смертного. А ведет себя глупее некуда.

«Злата меня выслушает, никуда не денется», - твердо сказал себе Ян. И вспомнил ее насмешливые глаза.

Трудно говорить о чувствах, когда на тебя смотрят так, будто ты надел штаны на голову. Но он возьмет себя в руки, он же умеет выглядеть перед людьми сильным и смелым. Вон как грызарей раскидал! Он и есть сильный и смелый, и никакая полудница не заставит его краснеть, бледнеть и заикаться, забыв нужные слова. Надо застать Злату врасплох, прискакать к ее терему не утром, как он хотел, а прямо сейчас, среди ночи. Вряд ли это понравится родителям Златы, но ее точно удивит. Так он и поступит! Поедет к ней немедленно и вызовет на разговор.

Пока Ян бежал к выходу, смахнул со стола еще один горшок. Этот хотя бы пустой, но от него откололся кусок. Ян замер, постоял немного, глядя на результат своей беготни. И помчался дальше — некогда думать о разбитых горшках, приберется он тут потом, к возвращению мамы успеет. Пока она там, в другом мире, нагуляется... А больше стыдить его некому, папаша Сварог сюда не заглядывает.

Конь, как обычно, уже ждал хозяина: почуял, что им предстоит ночная прогулка. Он перенес Яна к терему Златы за считанные мгновения. Ян спрыгнул с коня, вынул из ножен меч и дотронулся клинком до двери. Дверь засияла, а свет, исходящий от меча, проник через щели дальше, внутрь терема, чтобы разбудить всех, кто там есть. Ян расправил плечи и придал своему лицу беззаботное выражение. И никаких волнений! Он просто проезжал мимо, решил заглянуть к Злате. А почему ночью? Так ему захотелось и точка. Он — светозар.

Дверь открыла сама Злата. Заспанная, босая, в короткой белой рубахе. Одной рукой она терла глаза, а в другой держала сковородку.

- Ты с ней и ночью не расстаешься? - фыркнул Ян.
- Без нее я не смогу обернуться старухой, если ты не в курсе, - ответила Злата, зевая.
- А зачем это тебе?
- Чтобы ты отстал от меня наконец. Посмотришь, какой страшной я бываю и выберешь себе другую берегиню.

Такого поворота Ян не ожидал, но не зря он так долго настраивался — ответ Златы его не смутил.

- Ну обернись, если тебе так хочется. Погляжу, посмеюсь. Я же знаю, какая ты настоящая.
- Уверен? - глаза полудницы округлились, и теперь она глядела на него с любопытством. - А вдруг ошибаешься?

Ян сообразил, что до сих пор держит в руке меч, и со стороны они со Златой, наверное, выглядят забавной парочкой — он с мечом, она со сковородкой. Но вроде завязывается нормальная беседа, не испортить бы...

- Уверен, - улыбнулся он. - Ты очень красивая, кем бы не обернулась. И не только красивая. Ты вообще... такая... Пятка!
- Что?! Пятка?

Увлеченный разговором с полудницей, Ян не сразу заметил, что у него начала зудеть пятка. Точнее, заметил, но не придал этому значения, из головы вылетело, что это сигнал — на Дима напали.

- Потом договорим! - крикнул он изумленной Злате.

Проклиная себя за невнимательность, Ян ринулся на помощь Диму. Конь быстрый. Очень быстрый. И примчит, куда надо. Но время было потеряно, и неизвестно, кого темные боги послали в этот раз, чтобы убить героя.

Ян издали увидел костер и троих людей возле костра: всё мирно и тихо, никто не пытается лишить их жизни. Он что, ошибся, и Диму ничего не угрожало? Но тогда и сигнала не было бы.

- Что тут у вас? - строго спросил Ян после того, как его конь спустился с неба на землю.

Он выслушал про голос, который разбудил Дима, про шаги, напугавшие Милу, и мысленно выругался, как это все некстати — Злата не простит ему внезапного исчезновения.

- Чем ты думал? Что у тебя вместо головы? - Ян выплеснул свою злость на Дима. - Темные боги спят и видят тебя мертвецом, а ты ночью идешь непонятно куда, потому что голос позвал! По-твоему, если я твой защитник, можно лезть в самое пекло? Я могу и не успеть. Тогда что?
- Но все же обошлось, - сказал в свое оправдание Дим.

Этот парень начинал по-настоящему бесить Яна. Обошлось видите ли... Откуда только берутся такие... герои?!

- Почему вы заночевали в лесу? Почему не дошли до Ветреного дворца? - возмущался Ян, бегая вокруг костра.
- Мы попали в Подземный дворец и пробыли там до вечера, - ответила Мила. - Боялись, заблудимся, если будем искать дорогу ночью.

Дворец Велеса... Велес сам решил пригласить их к себе? С него станет. А мог и отец его надоумить, чтоб тот пообщался с героем.

- Все равно шли бы к Стрибогу, - сказал Ян. - Я коня оставлю и пойду с вами, чтоб ничего больше по дороге не приключилось. Все время сопровождать вас не могу, но если недолго, не возражаю.
- Спасибо! - поблагодарил Дим.
- Да не нужно мне твое спасибо! Я из-за тебя со своей девушкой так и не помирился. Злата решит, будто я совсем чокнутый.

- Злата? - встрепнулся Богдан. - Это случайно не та полудница, что со сковородкой вечно бегают?
- Она. Ты с ней знаком?
- Эмм... К нам на праздник березовой коры полудницы приходили, лепешками угощали. У них еще название такое, у лепешек... Как ржание лошадей. Ржалёнки!
- Лошади тут ни при чем, - вмешалась Мила. - Там мука ржаная и льняная, потому и ржалёнки.

Один Дим ничего не сказал, но взгляд у него был странный. Только что во взгляде читались благодарность и дружелюбие, и вдруг им на смену пришла неприкрытая неприязнь, будто Ян отобрал у Дима что-то ценное. Задал же папочка задачку — охранять такого! Сварожья печаль, Велесовы слезы. Лезет на рожон, еще недоволен непонятно чем.

- Собирайте вещи! - распорядился Ян. - Пока дойдем, рассветет.

Яна приятно пощекотала мысль, что люди его слушаются. Среди светозаров он никогда не бывает главным, а здесь все иначе.

Пока шли по лесу, начало светать, как Ян и говорил, и путники смогли хорошо рассмотреть сразу два дворца, выросших перед ними. Красно-коричневый дворец Перуна, в стены которого были воткнуты многочисленные стрелы, и зеленый дворец Макоши, опутанный нитками всех цветов.

- Эти нитки — тоже чьи-то судьбы? - спросила Мила.
- Конечно, нет, - ответил Ян. - Это украшение дворца, а все ваши судьбы там, внутри, под присмотром Макоши.
- А бывает, что они случайно обрываются?
- Однажды было, Макошь через нитку споткнулась, а нитка оказалась гнилой. И все...

Ян прикусил язык: опять он болтает с людьми о том, что им лучше не знать.

– Но если нитка прогнившая, человеку по-любому недолго осталось, - поспешно добавил он.

– Так я и думал, от Макоши всего можно ожидать, - усмехнулся Богдан.

Яна это задело. Что значит «всего ожидать»? Это люди творят, что им вздумается, вопреки логике и здравому смыслу, а боги последовательны в своих действиях.

– Вы чего тут застыли? Ни к Перуну, ни Макоши вам не надо, идем дальше, - сказал Ян.

– А почему их дворцы рядом стоят? - проигнорировал слова Яна Дим. - Это что-то значит?

– Макошь первая выбрала место для дворца, потом уже Перун свой дворец здесь возвел. Над его дворцом часто гром гремит, другим богам это не нравится, а Макоши гром не мешает, она слишком занята прядением, чтобы отвлекаться на всякие звуки.

– А Доля и Недоля вместе с ней во дворце живут? - поинтересовалась Мила.

– Конечно, где им еще быть. Они связывают нити каждого человека с плодами его трудов и смотрят, чего он заслуживает. А там уж... Или Доля добавит золота в нить, чтоб все у человека было хорошо, или Недоля разведет черноту. Нить, побывавшая в ее руках, становится чернотой. У них с Долей иногда до драки доходит.

– Добавила бы Доля золота в нить моего брата, - мечтательно сказала Мила. - Он же не виноват, что в детстве березовым соком поперхнулся.

– Доля и Недоля сами разберутся, кому что добавлять, - отрезал Ян.

Оставшуюся часть пути шли молча. Но как только показался Ветреный дворец, все заговорили разом.

– Смотрите, он шатается!

– Ого! Ходуном ходит.

- И как мы туда войдем?
- Дворец не всегда такой, - сказал Ян. - Вы наверняка видели его другим, раз так удивились.
- Видели, - согласился Богдан. - Самый скучный дворец: серый, ничем не украшен — и посмотреть не на что.

Замечание было справедливым — Ян и сам считал, что Стрибог соорудил себе слишком простой дворец, у берегинь и светозаров терема в сто раз красивей. Но Стрибога не волнует, нравится кому его дворец или нет, недаром он поставил его подальше от остальных. Обычно тут никого не бывает, специально к богу ветра приезжают редко.

- Внутри вам будет веселей, - пообещал Ян.

Хотя понятия не имел, как Стрибог встретит гостей, он и богов-то не очень жалует.

Дворец зашатался еще сильнее. Наверное, слуги Стрибога расшалились. Ян подумал, что должен дать наставления Диму и его друзьям, как вести себя во дворце, но его внимание перехватили несущиеся по небу красные кони. Два коня. Два светозара. В приблизившихся светозарах он узнал Данко и Глеба.

- Ян, срочно отправляйся к Сварогу, - взволнованно сказал Глеб.

В глазах у Яна застыл вопрос.

Данко бросил короткий взгляд на компанию, которую сопровождал Ян, и брезгливо поморщился.

- А вы чего ждете? Дворец видите? Вот и топайте туда. Не маленькие, дойдете.
- А мы и не просили за нами таскаться, - парировал Богдан.

Ян еле дождался, когда Дим и остальные отойдут на достаточное расстояние, чтобы можно было спокойно говорить.

- Рассказывайте же! - поторопил он друзей, понимая, что они оказались здесь не случайно.

- В лесу нашли мертвого светозара, - сообщил Глеб.
- Ты серьезно?
- Стал бы я этим шутить. Его подстрелили в небе.
- Стрела попала в коня, - пояснил Данко.

Как и всем светозарам, Яну было известно, что происходит в этом случае. Конь рассыпается на тысячу красных огоньков, один из которых летит в светозарью конюшню, чтобы известить о гибели хозяина. А светозар падает на землю, но еще не долетев до нее, весь чернеет, словно обугливается. Если бы просто свалился с коня, плащ помог бы приземлиться мягко, но когда конь под светозаром убит, шансов нет, светозар тоже погибает.

- Кто это был?
- Чеслав, сын Перуна.

Перед глазами Яна всплыло улыбчивое лицо Чеслава. Один из самых веселых и добродушных светозаров, он и не ссорился ни с кем никогда. И вдруг убит...

- Это еще не все, - сказал Данко, и Ян понял, что самое страшное он услышит сейчас.

Данко надул щеки, оттопырил нижнюю губу, а затем продолжил:

- Как ты понимаешь, люди убить светозара не могут. Но не думай, это сделали не темные боги и не их приспешники. Красный огонек, перед тем, как погаснуть, успел нарисовать на земле облик убийцы. Он изобразил сияющие локоны светозара, а потом погас.
- Чеслава убил кто-то из наших? - не поверил Ян.

Лица у Данко и Глеба были такие, что и без уточнений ясно. Все именно так. Убийца — светозар, наверняка тот самый, что усыпил людей во время обрядов. Отец не зря говорил, надо его найти, но где искать? Ян от волнения снова принялся за ногти.

- А эти твои дошли, - толкнул его в бок Глеб, показывая на Ветреный дворец.

Ян повернул голову. Дим, Мила и Богдан стояли перед дверью шатающегося дворца.

Глава десятая. Непростая сделка и собиратель чужих ошибок

Крыльцо из четырех каменных ступеней было единственным спокойным местом. Даже странно, что оно не прыгало. Дворец раскачивался вправо-влево, мутные стекла окон дребезжали, а дверь скрипела, то открываясь, словно приглашая войти, то закрываясь.

- Нам точно нужно туда попасть прямо сейчас? - спросил Богдан. - Может, подождем, пока утихнет буря?
- А вдруг не утихнет? - возразил я. - Давайте хотя бы заглянем. Если там все совсем плохо, быстро выскочим.
- Ладно, - Богдан решительно схватил дверь за ручку. - Ну-ка стоять! Важные люди идут.
Дворец замер.
- Ух ты! - обрадовался Богдан. - Так ему просто приказать надо было. Всего-то!

Мы вошли и уставились на колокольчики, свисающие с потолка. Глиняные, деревянные, каменные, разной формы и разного размера, с росписью и без нее. Большинство колокольчиков висели высоко, но некоторые опускались почти до пола. Кроме них, смотреть было не на что — никакой утвари.

- И это парадные сени? - хмыкнул Богдан. - Стены обшарпанные... Фу! Зато колокольчиков тьма. Представляю, как они звенят, когда дворец

двигается, - Богдан потрогал одним пальцем деревянный колокольчик с нарисованным на нем красным цветком.

- Но мы их не слышали, хотя стояли совсем близко, - напомнила Мила. - Интересно, почему? Дим, как думаешь?
- А он никак не думает, - ответил вместо меня Богдан. - Он из-за слов светозара сам не свой. Дим, ну чего ты киснешь? Он же сказал, они не помирились. Так что была невеста и сплыла невеста, будет у нее другой жених.
- Ты это вообще к чему? - вскинулся я. - Нашел место и время.
- Как хочешь, кисни дальше. Я тебе еще там хотел сказать, но с нами был Ян, а при нем как-то не очень. Хотя я бы посмотрел на его рожу: он — твой защитник, а ты мечтаешь о его невесте. Веселенькая история.
- Заткнись по-хорошему!
- Эй! Я на твоей стороне.
- Все равно заткнись.

Мила, устав от нашей перепалки, взялась за глиняный колокольчик, расписанный горошинами, и позвонила. Входная дверь тут же захлопнулась, а Богдан кинулся проверять, можно ли ее открыть.

- Заперта! Кто тебя просил это делать? - высказал он Миле. - Теперь попробуй отсюда выйти.
- Полегче, - осадил его я. - Нам все равно надо увидеть Стрибога, мы за этим и пришли. Потом он сам дверь откроет.
- Мне было бы спокойней знать, что могу убраться из дворца в любой момент, - возразил Богдан. - А что если еще раз позвонить?

Он забрал у Милы колокольчик, взмахнул им, и зазвенели все колокольчики разом.

- Молодец! Теперь мы оглохнем от звона, - язвительно сказал я, но Богдан не расслышал — звон и впрямь был очень сильным.

– Там дверь! - крикнула Мила и бросилась ее открывать, а мы за ней.

К нашей огромной радости, она оказалась не запертой. Дверь вела в зал, где тоже не было ничего, кроме колокольчиков, но они хотя бы не звенели.

– Не трогайте их, - предупредил я Милу и Богдана.

– Да не будем, не будем, - замахал руками Богдан. - Интересно, сколько тут залов вообще и где искать Стрибога? Мог бы и сам явиться после того шума, что мы наделали.

В этом зале было еще три двери, одна из которых вела в такой же зал, а две в коридор.

– Куда пойдем? - спросила Мила. - Или останемся тут?

Я не мог решить, как лучше. Вроде нас и так должны были уже заметить, если во дворце кто-то есть. С другой стороны, это мы ищем Стрибога, а не он нас. Про него говорят, гостей он не любит, может и не выйти к нам.

Пока я думал, что ответить Миле, дворец зашатался, и мы все полетели на пол. Двери разом захлопнулись, из щелей подул ветер. Он был таким холодным, что стены мгновенно покрылись льдом, и в зале закружились снежинки. Холод захватил меня в тиски, парализуя мысли. Мои зубы отчаянно застучали, я обнял себя руками, чтобы хоть немного согреться, и вспомнил про мешок с плащами. Он лежал недалеко от меня, но я не мог до него дотянуться. Не знаю, что сбивало меня с ног больше — ветер или пошатывания дворца. Пожалуй, виной всему был бешеный ветер, он и заставлял дворец двигаться. Я все же поймал мешок, когда он летел мне навстречу.

– Пла... плащи! - крикнул я Богдану и Миле, пытаясь достать их окоченевшими пальцами.

Прошло всего несколько минут, но я почти превратился в ледышку. Когда дворец в очередной раз качнуло, мы с Богданом и Милой оказались

совсем рядом и схватились друг за друга. Никто из нас не мог сказать ни слова — всех троих трясло от холода. Мы обнялись и общими усилиями достали плащи, укрылись ими, но это не помогло: нас не согревали ни они, ни наши объятия. Я с ужасом увидел, как синеют губы Милы и Богдана, индевеет кожа. Я и сам был ледяной статуей и не мог двигаться. Дворец стоял на месте, ветер прекратился, и нас больше не кидало по залу, но мы замерзали. И тут я вспомнил про зерно тепла, купленное Милой у тополян. Оно должно лежать в ее кошелье! От одной этой мысли стало теплей. Пальцы слушались плохо, но я все-таки открыл кошель сестры. Мила, казалось, вообще не понимает, что происходит — ее серые глаза сверкали осколками льда.

Я нащупал зерно, сжал его в ладони, и тепло разлилось по моему телу, словно меня посадили на печь и напоили отваром из березовых листьев. Так и было много лет назад, когда я, четырехлетний мальчишка, провалился в сугроб и не мог выбраться, а родители искали меня повсюду. Нашел отец, вытащил меня из сугроба: замерзшего, со слипающимися веками. В памяти сохранился запах, который я вдохнул, придя в себя. Пахло травой, ее прикладывали к моим щекам, носу, ушам. А Мила бегала рядом и спрашивала: теперь щеки Дима всегда будут красными? Мила! Провалившись в воспоминания и наслаждаясь теплом, я чуть не забыл, что замерзал сейчас не только я.

- Держи, Мила, держи! - я вложил зерно в холодную ладонь сестры.
- Тепло, - с улыбкой прошептала она.

Я заулыбался в ответ, но еще предстояло отогреть Богдана. Холод усыпил его, и зерно тепла, которое передала ему Мила, никак не могло прорваться сквозь крепкий сон. Я чувствовал, что рука Богдана потеплела и не понимал, почему он не открывает глаза.

- Проснись! - тормошил я его.

Но он продолжал спать.

- Зерно не помогает ему, - испугалась Мила. - Может, из-за того, что он не верит тополянам?
- Он согрелся, - возразил я и похлопал Богдана по щекам. - Да проснись ты наконец! Чтоб тебя кикиморская вошь поцеловала!
- Что? Чего ты меня бьешь? - пробормотал Богдан и приподнялся на одном локте. - Ругаешься еще... Такой сон не дал досмотреть. Я верхом на крылатом коне... наперегонки со светозарами... Кстати, обогнал их всех.
- Я рад за тебя, мы чуть не замерзли насмерть. Ты хоть догадываешься, чем отогрелись?

Богдан разжал ладонь и хохотнул.

- Да ладно! Эта штука работает?
- Еще как. Не забудь потом поблагодарить тополян, особенно Раду. Хорошо, что она надоумила нас купить зерно тепла.
- И как раз перед нашей поездкой в Ветренный дворец, - заметила Мила. - Не зря говорят: тополяне видят наперед, что с кем случится. Могут совет важный дать или вещь.
- Ой, не сочиняй! - отмахнулся Богдан. - Ничего Рада не видела, это просто совпадение.
- Но спасибо ты ей скажешь, - с угрозой в голосе произнес я. Будто если Богдан этого не сделает, я сам его заморожу.
- Да скажу, скажу, а ты мне скажи: эти типы, что висят над твоей головой, тут давно?

Я резко обернулся и чуть не заорал. На меня пялились два лысых карлика. Они висели на веревках вместо колокольчиков и улыбались огромными ртами. Карлики были побольше, чем самые крупные колокольчики в зале, — с годовалого ребенка, и я удивился, как веревки их выдерживают. Синие расклешенные рубахи до пят придавали им сходство с

колокольчиками, но вряд ли делали такими же легкими. На пальцах босых ног у карликов красовались жемчужины — по одной на каждом. Я присмотрелся к лицам: совсем детские, но приятными не назовешь, одни губы на пол-лица чего стоят.

— Оттаяли, - хихикнул карлик, хлопая в ладоши.

— Давай еще подуем, - предложил его приятель.

Он вытянул губы трубочкой, и до меня дошло, что сейчас будет.

— Не дуй! - крикнул я. - Не надо ветра.

— Почему? - обиженно спросил карлик. - Было весело!

— Кому как... Лучше отведите нас к Стрибогу. Пожалуйста!

— Стрибог не любит гостей, а мы любим, - второй карлик раскачивался на веревке. - Мы с ними играем.

— А-а-а, это игра была, - усмехнулся Богдан. - А мы думали, вы нас убить решили.

— Что вы, что вы, - хором возразили карлики. - Замороженный — это не мертвый, это временно выбывший из игры.

— Чудесно! Но мы пока не хотим выбывать. Ни временно, ни навсегда.

Карлики начали перешептываться.

— Не нравятся мне их бегающие глазки, - тихо сказал Богдан.

— Кто они вообще такие? - спросила Мила.

— Мы — ветрыльцы, - отозвался первый карлик. - Ветреные слуги Стрибога.

— Если вы так сильно хотите, мы отведем вас к нему, - пообещал второй. - Правда, я бы на вашем месте никуда не ходил, у Стрибога игры посерьезней, чем у нас.

Час от часу не легче. Но идти к нему по-любому придется, кто еще объяснит нам, почему первым словом, которое мы разгадали, было слово «ветер». Хотя... мы и так пришли во дворец ветра. Возможно, сам Стрибог

нам не нужен, ветрыльцы сумеют помочь. Я озвучил свою мысль, а карлики снова закричали свое «что вы, что вы».

- О каком ветре речь? Я не знаю, - пожал плечами первый.
- И я не знаю, - сказал второй. - Ветров много, который из них ваш?
- Тогда ведите к Стрибогу, - вздохнул я, вопросительно взглянув на Богдана и Милу.
- Пойдем, - кивнул Богдан. - Поздно отступать. А Мила нас тут подождет.
- Нет уж, и не надейтесь от меня избавиться.

На другой ответ я и не рассчитывал, сразу было ясно: попытка Богдана оставить Милу здесь, чтобы не подвергать опасности, обречена на провал.

- Лучше нам держаться вместе, - добавила Мила.
- Девушка права, - поддакнул первый карлик. - По одному мы вас водить не будем, только троих.
- Ну так ведите, - потерял терпение Богдан.

Карлики перепрыгивали с одной веревки на другую, звеня колокольчиками и светя лысыми затылками. На затылках у обоих были рисунки, напоминающие ветряное колесо мельницы.

Мы вышли в коридор, такой же длинный, как во дворце Велеса, но гораздо светлее — факелов тут было почти как колосьев в поле, а с потолка, как и в залах, свисали колокольчики.

- Стрибог их обожает, - пояснили ветрыльцы. - И сам разрисовывает.

Когда мы были примерно в середине коридора, появилось еще четверо ветрыльцев, а за ними еще пять или шесть, я сбился со счета и совершенно перестал их различать — первые два потерялись среди остальных, таких же большегубых существ в синих рубахах. Они смеялись, тыкали в нас пальцами, а Милу все время хватали за волосы. Я испугался, не хотят ли они

отрезать их, чтобы сделать себе парики, а Мила сдержанно предупредила, что если еще раз кто-нибудь ее дернет, получит оплеуху.

- А может что похуже оплеухи, - выпалил Богдан, но прикусил язык, встретившись взглядом с Милой.

Впереди образовалась столпотворение ветрыльцев. Подойдя ближе, я понял, что мы дошли до двери, ведущей в покои Стрибога.

- Он там, - показал на дверь ветрылец и загадочно улыбнулся.

А другие услужливо втокнули нас в зал и исчезли, словно боялись попасть на глаза своему хозяину.

Стрибог лежал на волчьей шкуре и едва слышно звенел колокольчиком. На боге ветра были лазурные штаны, такого же цвета плащ, украшенный жемчугом, и белые башмаки. Короткие, наполовину седые волосы топорщились, как и усы с бородой, и, похоже, их давно не касался гребень. Стрибог повернул голову и равнодушно посмотрел на нас.

- Я вас не звал. Если успеете сказать, что хотите, пока я встаю, может быть, продолжим разговор.
- Мы пришли за ветром! - выпалил я одновременно с тем, как Стрибог поднялся.
- Успел, похвально... Но знаешь ли ты, сколько всего существует ветров и сколько богов умеют ими повелевать?

«Конечно, знаю», - хотел сказать я. Обучая нас, старейшины немало часов отводят урокам о богах, чтобы мы имели представление о каждом, даже если никогда не придется с ними встретиться. Но я испугался, что Стрибог заставит перечислить всех его сыновей, и я забуду кого-нибудь назвать. Поэтому ответил иначе.

- Мне известно, что вы главный среди богов ветра, вот мы и решили попросить помощи у вас.

Мила бросила на меня одобрительный взгляд, а Богдан фыркнул в кулак.

- Разумно, - согласился Стрибог. - Но все же ветры бывают очень разные, как и мои сыновья, - Он подошел к колокольчику, на котором не было рисунка, и снял его с веревки. - Что бы ты на нем изобразил?
- Мельницу, - сразу нашелся я. - Или одно колесо мельницы, как на затылках ветрыльцев. Только это было бы не совсем обычное колесо, оно вертелось бы внутри солнечного диска.

Стрибог едва заметно повел бровью. Наверное, удивился, но следующие его слова были вовсе не про рисунок.

- Итак, мои сыновья. Возьмем хотя бы Посвиста и Погоду. К кому из них ты бы обратился, если бы вместо меня во дворце были они?
- К Погоде, - без колебаний ответил я.

Этого бога все любят, он управляет тихим ветром и приносит с собой ясную погоду. А от Посвиста предпочитают держаться подальше. Он повелитель бурь, и стоит ему потряхнуть волосами, на землю сыплется град, а от взмаха плащом начинается метель.

- Неразумно, - покачал головой Стрибог. - Зачем тебе самый слабый повелитель ветра? Ты вообще определился, какой ветер тебе нужен? Суровый северный, горячий южный, таинственный восточный или сухой западный? Ветер, который разрушает все, что попадает на пути или маленький игривый ветерок? Ветер в голове? Ветер в карманах? А может быть, попутный ветер?

Что я мог на это сказать? Я понятия не имел, за каким ветром сюда явился.

Стрибог медленно передвигался по залу, иногда останавливаясь около того или иного колокольчика.

– Почему я не люблю общаться ни с людьми, ни с богами... - задумчиво проговорил он. - Люди глупы, а боги слишком похожи между собой и вечно учат людей жизни, хотя это бесполезное занятие. В отличие от других богов, я не учу людей, я просто заключаю с ними сделки, выгодные и для них, и для меня.

– И с нами хотите заключить? - спросил Богдан, устав стоять молча в сторонке.

– С вами? Нет. Только с одним из вас. Тем, кого боги называли героем.

Сделка, значит... Что ж, я ожидал чего-то в этом роде, но не мог догадаться, какое условие поставит мне Стрибог.

– Я дам тебе ветер, - сказал он, резко повернувшись ко мне. - Но хочу получить взамен что-нибудь ценное.

– А если у меня ничего нет?

– Поищи лучше и найдешь.

Легко сказать. В моем мешке лежат старые плащи, а в кошеле березовые сережки и берескор. Он и есть единственная ценность, но его я точно не могу никому отдать, без него мне и ветер не понадобится. На всякий случай я пошарил рукой в кошеле — вдруг там завалялась безделушка, о которой я забыл, а Стрибогу она понравится. Пальцы нащупали сережку, потом зерно тепла: согретый Богдан отдал его мне, когда ветрыльцы вели нас по коридору. Я вынул зерно и протянул Стрибогу.

– Это все, что я нашел.

Стрибог посмотрел на зерно с таким недоумением, что я начал тут же объяснять, какое оно необычное и рассказал о проделках ветрыльцев, заморозивших нас.

– Я же говорю, люди безнадежно глупы, - вздохнул он. - Это зерно спасло ваши жизни, а ты с легкостью готов с ним расстаться.

– Но у меня правда больше ничего нет.

- Ошибаешься. Я слышал, ты любишь рисовать.

Я обрадованно кивнул. Теперь ясно: Стрибог попросит расписать его колокольчики — не зря он спрашивал про рисунки. Никогда такого не делал, но почему не попробовать? Однако, я поторопился с выводами.

- Я тоже люблю, - сказал бог ветра. - Однажды я заключил сделку с человеком, который отдал мне свой дар, и я начал рисовать на колокольчиках. С тех пор я заключаю сделки только с теми, кто рисует и кто согласен пожертвовать своим даром. Чем больше сделок, тем красивей мои поющие друзья.

Он толкнул один колокольчик, второй, третий, и они дружно зазвенели.

- У каждого свой голос, слышите? Не все люди могут похвастаться тем, что имеют свой голос, некоторые предпочитают раствориться в толпе — им так удобней и проще. Поэтому колокольчики мне нравятся больше, чем люди. Они достойны самых прекрасных рисунков. Ты готов заключить со мной сделку?

Смысл сказанного доходил до меня медленно, я не хотел верить, что Стрибог собирается забрать то, чем я так дорожу.

- У Дима нет дара, - вмешалась Мила, заметив мою растерянность. - Да, он рисует, но не прошел испытание. Вам нечего у него взять.

Я с трудом сдержался: очень хотелось возразить, но я понимал, что Мила сказала так специально.

Стрибог хитро прищурился.

- Пытаетесь меня обмануть? У него нет удачливости, чтобы стать опоясником, а не дара.
- И дара тоже, - сказал я, стараясь, чтобы это звучало убедительно.
- Хм... - глаза Стрибога превратились в узкие щели. - Значит сделки не будет. Я дам тебе ветер только в обмен на дар.

Я почувствовал, что во мне нарастает злость. Прав Богдан. Тысячу раз прав! Боги смеются над нами. Я даже не знаю, что с этим ветром делать и по верному ли пути иду, а меня хотят лишить способности рисовать. Как я буду жить без этого? Я рисую, сколько себя помню.

– Я могу отдать свой дар опоясника, - внезапно заявил Богдан.

У меня ком подкатил к горлу. Богдан готов расстаться с даром, чтобы я сохранил свой?! Богдан, которого называют черствым и самовлюбленным!

– Ты это серьезно? - спросил я. - Не пожалеешь потом?

– А зачем мне три дара? Двух вполне хватит. Интересней всего изучать травы и делать из них настойки, а рисунки — это не мое... И не смотри на меня с такой благодарностью, будто я тебе жизнь спас. Берескор должен был взять я, и сейчас это не только твои трудности. А вообще... Будешь теперь в поле работать и за себя, и за меня... Шучу. Но если разок поработаешь, не откажусь.

– Смотрю, вы уже все решили, - ехидно заметил Стрибог. - Но я заключу сделку с героем и ни с кем другим.

– Я же сказал, у меня нет дара! - воскликнул я, раздосадованный тем, что Стрибог не принимает предложение Богдана.

– Тогда ты ничего и не потеряешь. Нельзя отдать то, чего нет. Как и нельзя лишиться того, что действительно тебе принадлежит.

После этой его фразы я окончательно запутался.

– Сам рассуди. Если твой дар настоящий, куда он от тебя денется? Даже если я смогу его взять, он все равно вернется.

– Так было с теми, с кем вы совершали сделку? - уточнил я.

– Не со всеми, - уклончиво ответил Стрибог.

– Выходит, некоторые все же лишались дара навсегда? - встревоженно спросила Мила.

- Бывало и так. Но сдаётся мне, твой брат хотел бы проверить, настоящий у него дар или нет. Разве нет?

Говоря это, Стрибог широко улыбался, но от его улыбки меня пробрало до костей.

- Решайся, и получишь то, зачем пришел.

Я не успел понять, откуда в руках Стрибога появилась кубышка, настолько маленькая, что помещалась в ладони. Кажется, Стрибог вынул ее из складок своего плаща.

- Тут хранится ветер-проводник. Думаю, именно его вы искали.
- Он приведет к Мировому Дереву? - спросил Богдан.
- Да, но только после того, как вы получите все подсказки и соберете всё, что нужно. А до тех пор кубышку нельзя ни разбить, ни открыть. Вы можете спрятать ее где-нибудь или носить с собой. Хотя ее никто не похитит, даже если очень постарается. Ну как? Заключаем сделку?

Хочу я этого или нет, я уже понял, что придется. Я сам выбрал свой путь, взяв берескор, и не свернул с него, когда еще мог это сделать. Теперь отступить нельзя. И если Стрибог сказал правду, я ничем не рискую — дар вернется ко мне.

- Хорошо, - кивнул я, а улыбка Стрибога стала еще шире.
- Стой где стоишь, - предупредил он.

Зазвенели колокольчики, а тот, что висел надо мной, завертелся волчком и взлетел вверх, к самому потолку. Мне казалось, он сейчас сорвется с веревки прямо мне на голову. Вместо этого он стал увеличиваться и вскоре вырос до таких размеров, что занимал теперь место от потолка до моей макушки. Если упадет, может прибить насмерть. Но я стоял, как велел Стрибог, и ждал непонятного чего. Дождался — прямо из колокольчика на меня пролился синий свет.

- Вот и все, - развел руками Стрибог. - Колокольчик забрал твой дар и позже передаст его мне.

«Но если дар настоящий, он вернется», - повторил я про себя несколько раз, чтобы успокоиться.

Сердце все равно ныло. Я почти не помнил, как мы попрощались со Стрибогом и что он еще говорил, и о чем спрашивали ветрыльцы, проводившие нас к выходу. Помню, удивился, увидев, что двое из них бегут по коридору, а не прыгают с веревки на веревку, я уж думал, они только так и перемещаются.

Выйдя из дворца, Богдан ворчал, что проголодался, а еды у нас не осталось, и кони наши далеко, до них пешком идти и идти, но светозары, забравшие коней, встретили нас не у Небесного дворца, а у Ниточного. Добряк по мне соскучился, уткнулся мордой в ладонь, и я ласково похлопал его по шее.

- Мы решили отдать вам их раньше, - пояснил светозар. - Быстрей дома окажетесь.

При упоминании о доме мы с Милой переглянулись, оба представили, сколько неприятных слов выслушаем от мамы. Отец, может, и промолчит, но посмотрит так, что лучше бы ругался.

- Подкрепитесь нектаром!

Светозары дали каждому из нас по чашке нектара. Нектар холодный, кисло-сладкий, пахнет травами и медом, я с удовольствием его выпил, утолив жажду и голод. На сытый желудок ехать было веселей. Мы с Богданом начали вспоминать то Велеса, то Стрибога и передразнивать их. Особенно досталось Стрибогу.

- Это разумно, а это неразумно. У вас нет своего голоса, - кривлялся Богдан.
- А вот у колокольчиков такие голоса! - подхватил я. - Та-ки-е!

- Мой голос не хуже. Э-ге-гей! Всем слышно?
- А мой громче. А-у-у-у-у! Люди!
- Этот Стрибог такой же, как и все боги, - рассмеялся Богдан. - Говорит: я не люблю учить людей, а сам учит.
- Ты что! У него свой голос!

Мы орали и смеялись, как два идиота, а Мила крутила пальцем у виска, но потом и сама присоединилась к нам. Угомонились мы только, когда въехали в березанские земли.

Солнце начинало садиться, пряталось за деревьями, заставляя краснеть подглядывающее за ним небо. А мне все еще казалось странным, что это происходит без закатного обряда дубравцев.

- К ужину мы успеваем, - сказала Мила. - Почти как ты и обещал маме. Правда, речь шла о вчерашнем ужине.

По дороге нас несколько раз останавливали знакомые березане. В основном, из-за Богдана — у всех были какие-то дела к его деду. А из-за одного человека мы остановились сами.

- Смотрите, собиратель чужих ошибок, - первым заметил его Богдан.

Собиратель катил перед собой небольшую тележку с камнями и глядел только на них.

Лицо, покрытое бородавками, было знакомо всем березанам. Я не знал, сколько собирателю лет: кажется, не намного больше, чем моему отцу, но косматые брови и длинная борода делали его похожим на старика.

- За что его осудили? - тихо спросил я у Богдана. Наверняка дед ему рассказывал.
- Покалечил своего брата во время драки, отрубил ему палец.
- И сколько лет он будет камни таскать?
- Года три, не меньше.

Если человека приговорили быть собирателем чужих ошибок, ему не позавидуешь. Каждую неделю он едет мимо домов и собирает камни, которые кладут во дворе люди. А потом везет их в ущелье, что находится во владениях Чернобога, и оставляет там. Обычно камней больше, чем помещается в тележку, и он забирает не все, приходит за оставшимися на следующий день. Пользоваться большой телегой, запряженной лошадьми, ему запрещено.

– А я камень не приготовил, - сказал я.

Светозары постоянно раздают нам камни, которые лежат в наших домах и запоминают наши ошибки, даже самые мелкие. Мы можем выбрать любой день, посидеть и поговорить с камнем, рассказать ему все: и хорошее, и плохое, подумать, что было не так и что надо исправить. Если ошибок мало, камень остается лежать дома, его можно хранить до трех месяцев. А можно отдавать собирателю раз в неделю, чтобы он не стал слишком тяжелым, и получать у светозаров новый. Если осужденных нет, светозары сами забирают камни, но, как правило, всегда находится человек, совершивший поступок, за который его приговаривают быть собирателем.

Собиратель задержался возле одного из домов и взял все, что для него оставили у порога, кинул в тележку.

– Подождите! - раздался крик из окна.

Через несколько секунд открылась дверь, из дома выбежал взъерошенный Влад с камнем.

– Я не успел положить. Возьмите, пожалуйста.

Влад умоляюще смотрел на собирателя, а когда увидел нас, засуетился и занервничал.

– Пожалуйста, возьмите, - повторил он свою просьбу.

– Давай, - буркнул собиратель, вырывая камень из рук Влада.

Влад облегченно вздохнул, помахал нам рукой в знак приветствия, но не подошел, нырнул в дом.

- Что же он скрывает? - я усиленно теребил ухо. - Хотел бы я знать, какие ошибки он сейчас отдал.
- Увы, этого мы не узнаем, - сказал Богдан.
- Почему нет? - искренне удивилась Мила, и мы оба уставились на нее.
- Переглядное озеро в дубовом лесу! - пояснила она, удивляясь в свою очередь, что мы об этом не подумали.

В землях дубравцев есть озеро, к которому разрешается приходить со своими камнями, прежде чем отдать их собирателю. Опустить камень в воду, и он покажет то, о чем ты с ним говорил. Для некоторых важно не просто вспомнить произошедшее, а увидеть, как все было. Сам я лишь однажды так делал. Из любопытства — где еще посмотришь на себя со стороны. Вообще, зрелище не очень приятное, еще хуже, чем в зеркало глядеть: в зеркале я вижу дурака с торчащим ухом, а озеро показывает, что этот дурак еще и ведет себя по-дурацки.

- Ты что, предлагаешь стащить камень у собирателя и пойти с ним к озеру? - спросил Богдан.
- Наверное, не самая хорошая идея... - замялась Мила. - Но...
- Отличная идея! - воодушевился я. - Я сейчас подумал, а почему Велимудр не соберет камни у всех? Вот и нашел бы, кто стрелял в Сому и украл фибулу.
- Да вы свихнулись оба! - возмутился Богдан. - Мой дед не имеет на это права. Виновный только один, а пришлось бы узнать тайны всех, даже самые личные. К тому же, виновный мог и не говорить с камнем.
- Собиратель уходит, - перебила его Мила. - Ну что, незаметно едем за ним? Камень Влада лежит сверху.
- Вы понимаете, что это не шутки? Если мы украдем чужой камень, нас за это не похвалят.

- А если мы найдем человека, который уже столько дров наломал? - возразил я Богдану.
- Ладно, - согласился он. - Надеюсь, дед меня не убьет.

Мы поехали медленно и все равно обогнали собирателя. Пришлось опять остановиться, сделав вид, будто мы что-то бурно обсуждаем. Широкая спина собирателя закрывала камни и сама казалась окаменевшей. Она отодвинулась от тележки, как отодвигаются тяжелые двери — собиратель направился к следующему дому.

- Пора, - сказал я самому себе и, пригнувшись, метнулся к тележке.

Я должен схватить камень и спрятать его. Всего-то! Собиратель не оборачивается и вокруг никого... хотя могут смотреть в окна. Я мазнул по окнам взглядом, протянул руку к камню, и у меня словно рассудок помутился. Только что я не сомневался, какой из них нужно брать, но внезапно потерял из виду тот, который принадлежал Владу. Я оглянулся на Милу, она активно махала руками, показывая на камень: «Этот бери, этот!» Я взял, быстро сунул его под рубаху, чувствуя холод в районе пупка и вдруг понял, что больше не вижу спину собирателя. Вместо нее колыхался живот, и он шел прямо на меня.

- Ты что там делаешь? - прогремел голос собирателя, а бородавки на лице задрожали.

Я попятился, прижимая руки к пупку и наступил на ногу Богдану, поспешившему ко мне на помощь.

- Дед говорил, выдаст вам новую тележку, - спокойно сказал Богдан собирателю. - Просил посмотреть, эта совсем разваливается или поживет еще.
- Посмотреть?! Да она давно прогнила насквозь! - собиратель раскричался еще больше. - Сам бы пришел и потаскал ее!

Богдан невозмутимо ответил, что если дед провинится и ему вынесут приговор, он потаскает, а я за это время добрался до наших коней и переложил камень в мешок, радуясь, что теперь мы раскроем тайну Влада и вернем дубравцам фибулу.

Глава одиннадцатая. Танец на дереве и ядовитый поцелуй

– Веселенький сюрприз! Полуднице вздумалось помахать сковородкой в поле! А ничего, что это наше время?

Злата вздрогнула от резкого голоса вечорки Власи и смеха ее подруг. Ну все, потанцевать не получится. Если и есть в Светозарии берегиня, с которой Злата не хотела бы никогда встречаться, это Влася. Ни одно танцевальное состязание не проходит без того, чтобы эта вечорка не начала возмущаться, будто полудницам победа досталась нечестно, особенно если речь идет о Злате.

– Не зря люди боятся полудниц, - сказала однажды Влася так, чтобы это слышала Злата. - Они и правда страшные, даже самые молодые. Прикидываются молодыми, а на самом деле, все полудницы — от рождения старухи.

Злата, конечно, не выдержала, вцепилась Власе в волосы, выдернула всего пару волосинок, а та потом всем говорила, что полудницы еще и драчливые. Злате пришлось оправдываться перед подругами, доказывая, что она защищала честь полудниц и поступить по-другому не могла.

– Вот скажи мне, кто из людей любит полдень? - вечно спрашивает Влася, увидев Злату. - Самое противное время, потому что у всех полно работы и отдыхать некогда. Другое дело — вечер, его ждут с радостью. А тут и мы, вечорки, люди часто приходят посмотреть, как мы танцуем, и даже свои вечерние посиделки называли в честь нас. А про полудниц

они и не вспоминают. Заряницы им и то интересней — увидеть танец рано утром гораздо приятней, чем днем, когда совсем не до танцев. Но лучше всего вечером, поэтому мы у людей всегда будем любимицами.

- Только не ты. Танцевать сперва научись, - каждый раз отвечает ей Злата.

А Влася бесится — она неповоротливая и совсем глуха к музыке полей и лесов, которую умеют слышать почти все берегини.

- Думаешь, если ты со сковородкой, тебе все дозволено? - кричит Влася.
- Я и без сковородки тебя перетанцую, - подначивает Злата.

Раньше их споры заканчивались состязанием, но Власе это быстро надоело, потому что она неизменно проигрывала. Теперь Влася старается наговорить Злате побольше обидных слов и высмеять ее перед своими подружками.

В этот раз тоже начала с насмешек.

- А я знаю, зачем она вечером в поле прибежала! Парня одного высматривает. Влюбилась в простого смертного, представляете? И Яна из-за него бросила.

Вечорки дружно заверещали, осуждая поступок полудницы.

Злата встала в любимую позу: левую руку уперла в бок, а правую, вместе со сковородкой, немного выкинула вперед, будто собралась отбивать удары.

- Не лезли бы вы, куда не просят, - предупредила она.

Но Влася не унималась.

- А парень этот про Злату забыл давно, - хихикнула она. - Говорят, она его на празднике лепешками угощала, а он попробовал и так его тошнило потом, так тошнило...
- Ну сейчас ты у меня получишь!

Злата кинулась на Власю, замахиваясь сковородкой, а та завизжала и нырнула за спины подруг.

- Отойдите, а то и вам достанется, - Злата была настроена решительно.
- Девочки, не ссорьтесь, - примирительно сказала старшая вечорка. - Одна языком мелет, вторая сковородкой машет — позор для берегинь. Лучше станцуйте обе, а мы поглядим, кто кого перетанцует.
- Нет, - пискнула Влася. - Она всякие хитрости применяет, чтобы победить.
- При нас не применит, мы проследим.
- Хитрости, говоришь? - завелась Злата. - Да когда такое было?
- Тебе сковородка помогает. Не зря ты ее из рук не выпускаешь.

Злата рассмеялась: большей глупости она давно не слышала. Все знают, что танцевать со сковородкой — давняя традиция, которую соблюдают полудницы, но танцу это никак не помогает, скорее добавляет сложности.

- Хочешь увидеть, как я танцую без сковородки? Не жалко, покажу, - Злата сунула сковородку старшей вечорке. - Держи, - Вскинула руки и застыла. - А давайте не здесь, у меня появилась идея получше. Я станцую на ветках дерева.

Посыпались протестующие возгласы. На дереве танцевать опасно, можно упасть, а они, вечорки, потом виноваты будут, что подстрекали ее.

- Я сама за себя отвечу.

Теперь Злату трудно было остановить: она поставит на место вечорок раз и навсегда! Ни одна вечорка больше не посмеет сказать, что полудницы ни на что не способны без сковородок.

Берегини побежали следом за Златой, все еще надеясь, что она передумает, но Злата домчалась до ближайшего дерева, это был клен, и, не давая себе передохнуть, забралась на него. Довольно высоко, хотя не до самой макушки. Перевела дух и отметила, какие ветки будет использовать для танца. Пять веток. Расположены удобно, чтобы перепрыгивать с одной на другую, правда, две из них тонковаты, долго задерживаться на них нельзя.

В голове у Златы зазвучала знакомая мелодия. Первый красивый прыжок, поворот, улыбка, завистливые взгляды тех, кто внизу... Сам вечер затаил дыхание, любуясь смелой полудницей. Движения Златы были точны и легки, словно она танцевала на земле, а не на дереве. Она не замечала, что мелкие ветки царапают плечи, а листья лезут в лицо, танец захватил ее полностью, запах свежей зелени одурманил. Счастливая и свободная, она парила над миром.

— Держись! - крикнул кто-то из вечорок, увидев, что Злата прыгает на тонкую ветвь.

Злата успела схватиться за ствол, и ветка под ней затрещала, но не обломилась — полудница с ловкостью белки перепрыгнула на другую. Довольная собой, она посмотрела на вечорок, ища среди них Власю. Та со злостью кусала губы. Взгляд Златы скользнул дальше — в стороне под кустом что-то блестело. Что-то очень похожее на меч светозара... От неожиданности Злата пошатнулась и полетела вниз: хорошо, успела схватиться за ветку, притормозила падение и спрыгнула. Вечорки даже не сообразили, что она не нарочно закончила танец странным прыжком, они выражали свое восхищение, а Злата еле дождалась, пока останется одна и метнулась к кусту.

Там действительно был меч, причем не обычный, а складной, с изображением сокола на деревянной рукояти и гораздо легче тех, что носили светозары. Такой меч Злата видела только у одного светозара — у погибшего Чеслава. Как он мог потерять его в кустах? Злата взяла меч, думая, что с ним делать. Показать маме, и пусть она отдаст его Сварогу? Или самой отнести в Небесный дворец? Мысленно рассуждая, как быть, Злата провела пальцем по контуру сокола и вздрогнула от тихого неприятного голоса:

«Следи за Яном. Будь с ним рядом, он тебе доверяет. Если не остановишь его другим способом, убей».

Злата ошалело уставилась на меч. Провела пальцем еще раз. Голос повторил:

«Следи за Яном...»

И дальше слово в слово.

Все ясно — меч Чеслава был намазан маслом тополян, впитывающим слова. Тополяне хвастались недавно своим новым изобретением. Если нанести масло на рисунок, изображенный на деревянном предмете, предмет запомнит и повторит любые слова. Для этого нужно приложить к рисунку ладонь и согреть его. И все, начнет запоминать. А чтобы услышать, что получилось, обрисовать контур. Вот Злата по привычке и обрисовала — на днях она баловалась с маслом тополян, как и остальные берегини, теперь у нее одна реакция на рисунки.

«Если не остановишь его другим способом, убей». Тот, кто сказал это, не шутил. Выходит, Чеслав случайно подслушал чей-то разговор, поэтому его убили. И Ян тоже в опасности.

Злата ни за что не пошла бы к Яну после всех его глупых шуток, да и просто так не пошла бы, но тут она не раздумывала, неслась к его терему на всех парах. Благо, меч складной, закрыла его сковородкой, чтоб ни у кого не возникло вопросов.

Дверь в терем Яна была открыта, а сам Ян вытирал тряпкой стол, на который он пролил нектар. Увидев Злату, он отжал тряпку прямо на штаны, и Злата расхохоталась, хотя минуту назад смеяться совсем не хотелось.

- Только не кричи сразу: «Пятка!». И другими частями тела не обзывай, ладно?
- Я это... Не обзывал. Мне надо было срочно уйти...
- Неважно. Я не за этим пришла.

Злата села на лавку и рассказала о своей находке. Они с Яном несколько раз прослушали слова, которые запомнила рукоять.

- Это Морок, - догадался Ян. - Знать бы, кто второй.
- Светозар. Из тех, с кем ты дружишь.

- Я с Глебом и Данко дружу, это не они, я уверен.
- Надо проверить, - не согласилась Злата.
- Как?
- Не знаю. Придумай.

- А если ничего не придумается?

Злата всплеснула руками.

- Сварожья печаль, Велесовы слезы! Я должна шевелить мозгами вместо тебя? Что? Чего ты лыбишься?
- Я тоже люблю так говорить.
- Прекрасно! Я в полном восторге, - Злата подкатила глаза. - И нашла же я этот меч на свою голову... Хорошо, помогу тебе, если не будешь на меня все время пялиться.
- Я и не пялюсь, - отвернулся Ян.

Злата обхватила руками колени и наморщила лоб. Нужно устроить ловушку для друзей Яна, один из них точно сговорился с Мороком. Но как? Веселенькая задачка...

Я не спал. Мысль о том, что Стрибог забрал мой дар, не давала уснуть, хотя после всех приключений и долгой дороги я должен был видеть десятый сон. И после маминых лепешек с вареньем. Как ни странно, она почти не ругалась, а папа сказал: «Ну, показывайте ваши необычные травы». А у нас, кроме плащей и камня, ничего нет — про травы мы совершенно забыли. Но Мила не растерялась, соврала, что травы взял Богдан, похвастаться перед дедом. Я ужаснулся, сколько всего за короткое время мы свалили на Велимудра: и на тележку собирателя он якобы посылал посмотреть, и травы, растущие около дворцов богов, внук ему принес. А спросит его кто, быстро раскроется наш обман. Но это меня волновало не сильно — я хотел поскорей

добраться до рисовальных палочек и убедиться, что все осталось по-прежнему.

Как только все легли спать, и дом наполнился храпом отца, я зажег лучину и разложил на полу берестяные листы. На одном решил нарисовать лицо Велеса, на другом — Стрибога и подобрать для них обереговые знаки. Конечно, богам они не нужны, на то они и боги, но мне было любопытно, что получится. Я начал рисунок и сломал рисовальную палочку. «Это просто случайность», - сказал я себе, но сколько не пытался после этого изобразить лица богов, выходило некрасиво и совсем не похоже. Распсиховавшись, смял листы, взял другие и попробовал нарисовать Милу. Лучше бы я этого не делал — так плохо не рисуют даже маленькие дети, Стрибог действительно забрал мой дар.

— Он вернется! - прошептал я, погасив лучину.

Жаль, я не додумался спросить у Стрибога, как быстро это произойдет. А вдруг уже должен был вернуться? И как с такими мыслями уснуть? Лавка казалось мне жестче, чем обычно, храп отца громче, а ночь жарче других летних ночей.

Луна за окном была почти полной, и я вспомнил, что люди говорят про одноглазых великанов, живущих там, где я никогда не был: будто великаны могут достать руками до месяца и сушат на его рогах белье. А когда месяц превращается в луну, великаны ничего не стирают, потому что сушить больше негде. Я представил, как это неудобно — ждать, пока луна снова заострится. Ждать, ждать, ждать... Как и я теперь вынужден ждать возвращения своего дара.

— Ди-и-им!

— Мила? - подскочил я.

Нет, это была не она. Другой голос, уже знакомый мне, я слышал его в лесу.

– Ди-и-им! Помоги мне!

Она и в прошлый раз просила о помощи, а Богдан с Яном сказали, это ловушка. Я решил закрыть пальцами уши и не поддаваться. Не знаю, сколько я так просидел, меня распирало от любопытства, что говорит мне голос, но я не отнимал пальцев от ушей и смотрел на луну. Внезапно луна погасла, вместо нее я увидел лицо девушки, прижавшееся к стеклу. В обрамлении черных спутанных волос оно казалось смертельно бледным, под глазами была чернота, а в самих глазах плясал лунный свет. Девушка криво улыбнулась. Я отпрянул от окна, и улыбка стерлась с ее лица, по губам девушки я прочел одно слово: «По-мо-ги». Перестав зажимать уши, услышал то же самое.

– Помоги мне, Дим!

А следом:

– Не бойся, выйди ко мне.

Наверное, упыри тоже так говорят своим жертвам. Девушка вполне походила на упыря, только клыков я не заметил, когда она улыбалась. Я помотал головой, показывая, что никуда не пойду, и тогда по ее впалым скулам потекли слезы.

– Это нечестно, - пробормотал я, уверенный, что она не услышит.

– Мне правда больно, - ответила она.

Несколько секунд я смотрел в ее глаза. Этого хватило, чтобы благоразумие оставило меня, и я, повинуясь непонятному зову, выскочил из дома. Даже не подпоясался, не обеспечил себя хоть какой-то защитой. На девушке была белая рубаха с темными черточками — такие мне раньше не встречались. Я отметил, что девушка почти с меня ростом, не худая, но и не полная, и, кажется, старше года на два или три, а еще обратил внимание на глубокий вырез на рубахе. И отвел взгляд, чтобы она не подумала, будто я пялюсь на нее.

– Меня послали тебя убить, - тихо произнесла она.

Я подавился истерическим смешком. Все же было понятно с самого начала! А я повелся на ее мольбы и слезы.

— Но я не сделаю этого.

— Хм... Спасибо!

Это был единственный ответ, который пришел в голову. А голос-то у нее хрипловатый: поразительно, что я сперва путал его с нежным голосом Милы.

— Я не убью тебя, если ты мне поможешь.

Вот как. Тут имеется «если». Запахло чем-то сладким, но вскоре сладость сменилась горечью. Я посмотрел на траву, на которой мы стояли, думал, пойму, откуда эти запахи, и у меня глаза полезли на лоб: повсюду были следы изо льда — застывшие отпечатки ног.

— А ты... босиком пришла? - спросил я, рассматривая длинные пальцы на ее ногах.

— Не люблю башмаки.

От разговора с незнакомкой меня отвлек старческий кашель — мимо нашего дома брел баюн, он часто гуляет по ночам.

— Кхе-кхе, не спится тебе? - обратился старик ко мне, и я испугался, что он начнет расспрашивать, кто это со мной. - Луна сегодня красивая, кхе-кхе, хорошо при такой луне мечтается. И не мешает тебе никто. Я тоже люблю мечтать в одиночестве... кхе-кхе...

В одиночестве? Старый баюн совсем ослеп?

— Да я воздухом решил подышать, - ответил я ему, через силу улыбнувшись.

— Ну дыши, дыши, кхе-кхе.

Баюн пошел дальше, а девушка угадала мой вопрос и заговорила раньше, чем я его задал.

— Он меня не видит. У тебя берескор, поэтому ты можешь бесплотных.

- Ты бесплотная? - не поверил я и дотронулся до руки.

Ледяная рука, но все же осязаемая.

- Моя плоть... как бы тебе сказать... она ненастоящая. Мне дали ее на время, чтобы прийти к тебе. Я умерла много лет назад, когда узнала, что мой возлюбленный обманывает меня с моей подругой. Но сперва я убила и его, и ее.

По моему телу побежали мурашки, а девушка, как ни в чем не бывало, рассказывала:

- Я сговорилась с лесавкой, и та отвела меня в мертвый лес. Самому человеку дорогу туда найти сложно, а лесавки все тайные тропы знают. Там я взяла яд у мертвой березы. Он похож на обычный сок, не различишь, - девушка грустно усмехнулась. - Обезумев от обиды и ревности, я желала смерти тем, кого раньше так любила. Они ничего не заподозрили, выпили яд из моих рук, и я торжествовала. Радовалась, что отомстила. Но когда увидела, как они корчатся в судорогах, пелена спала с моих глаз, и я бросилась обратно в лес, упросила березу дать противоядие. Она дала, сказав, что взамен заберет мою душу. Мне было все равно, лишь бы исправить содеянное. Но я опоздала. На поляне, где я оставила жениха и подругу, лежали бездыханные тела.

Девушка замолчала. Я тоже не мог найти подходящих слов, да и разве помогут тут слова? По ее лицу текли слезы, они падали на траву, превращаясь в ледяные бусины. Ни они, ни следы на траве не таяли, хотя ночь была жаркой.

- В отчаянии я утопилась в реке, - сказала девушка, перестав плакать. - Но этим все не закончилось, моя душа оказалась запертой в мертвом дереве. Ты не представляешь, как это жутко. День за днем я слушаю стоны мертвых деревьев — сухих, скрюченных, потерявших все свои листья. Я сижу внутри трухлявой березы, и все время вижу одно и то

же: вместо крови по моим венам течет яд, он повсюду, я вся состою из яда и захлебываюсь им. А потом приходит мой жених, смотрит на меня нежным взглядом, каким смотрел, когда мы были вместе, и спрашивает: «За что ты так со мной? Я же любил тебя». Став духом, я узнала правду. И его, и мою подругу оговорили. Он был мне верен, а она и в мыслях такого не держала — увести у меня парня. Они не были ни в чем виноваты, а я убила их. Моей душе никогда не обрести покоя, я вечно буду захлебываться ядом и слышать вопрос жениха: «За что ты так со мной?» - девушка вытерла слезы на щеках. - Я почти смирилась с этим, но недавно в мертвый лес явился сын Чернобога. Он сказал, если я сделаю, как он хочет, я буду свободна, береза отпустит мою душу. Я должна очаровать тебя и убить ядовитым поцелуем. Один поцелуй, и ты покинешь мир живых.

Она придвинулась ко мне, обвила ледяными руками мою шею. Холод пронизал меня насквозь, я дернулся, чтобы вырваться, но ее пальцы держали крепко, а губы приближались к моим. И шептали:

- Не бойся. Я не сделаю этого. Твои глаза... голубые, как у моего жениха. И ямочка на подбородке... у него тоже... Я не смогу это повторить.
- Девушка резко оттолкнула меня.
- Дурачок! Стоял и ждал. А если бы я поцеловала?
- Ты же сказала, не сможешь, - с трудом совладав с голосом, ответил я.
- Какой ты легковверный, - она рассмеялась легко и беззаботно, словно не оплакивала только что свою судьбу. - Как бы я хотела снова жить! Гулять по ночам с красавцем вроде тебя... Жаль, это невозможно. Тело мне уже не вернуть, но душу... Ты мог бы меня полюбить?

Я окончательно растерялся. Страх, удивление, жалость к ней, необъяснимое желание прижать ее к себе — захватили меня одновременно и

тянули в разные стороны. Она сказала, я красавец. Правда что ли? Никогда такого о себе не думал.

- Не отвечай, - она приложила палец к моим губам, и странное дело — он был теплым. - Не хочу слышать «нет». Я говорила, не убью тебя, если поможешь. Я в любом случае не убила бы. Но помощь твоя мне нужна, ты ведь освободишь мою душу?
- Да, - кивнул я, замороженно глядя на нее. - Но как?
- Ты доберешься до Мирового Дерева, должен добраться, и оно будет с тобой говорить. Скажи ему обо мне, попроси, чтобы сжалилось надо мной.
- Я попрошу, обещаю.
- Спасибо, - заулыбалась она. - Только обязательно дойди. Они подошлют других, попытаются тебя убить. Никому не верь, даже тем, кто рядом.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Я чувствую, что зло рядом с тобой. Или уже есть, или будет.
- Конечно, - хмыкнул я. - На меня открыли охоту темные боги, вот зло и не дремлет, слоняется поблизости. Но светлые дали защитника. Я осекся. И где он, защитник? Почему его до сих пор нет?
- Она догадалась, какие вопросы вихрями закружились в моей голове.
- Там, в лесу, когда я позвала тебя, и ты пошел на мой голос, я собиралась выполнить задание Морока. А сейчас не собираюсь, поэтому к твоему защитнику и не поступил сигнал.
- Значит, ты не врешь, - вырвалось у меня.
- Не вру... Я должна идти и, наверное, мы больше не встретимся, - она заметно погрустнела. - Береги себя.
- Она потянулась ко мне, хотела обнять, но замерла, мотая головой.
- Нельзя... - пробормотала она. - Все, я ухожу.

Ее босые ноги медленно шли по траве — прочь от моего дома, но ледяных следов теперь не оставляли. Силуэт девушки расплывался, будто таял от лунного света.

— Как тебя зовут? - опомнившись, крикнул я.

— Лана, - отозвалась она.

Почти Луна. Загадочная и печальная.

Ветер схватил прядь ее волос, перебросил со спины на грудь, опустился ниже, поднимая край рубахи, но тут же замер — упал к ее ногам. А через мгновение девушка исчезла.

Разговор с ней окончательно отбил у меня желание спать. Я сидел на крыльце, гадая, как бы сложилась жизнь Ланы, если бы она не связалась с лесавкой и мертвыми деревьями. Если бы не захотела мстить... «Сохрани мир в своем сердце, и ты справишься с чем угодно». Слова Макоши открылись мне с новой стороны. Я и раньше чувствовал, что в них заключено больше, чем я мог понять и чем понимаю теперь, но они выкатились передо мной, как потешка про Сварога на березе, заставив думать только о них. А еще мне ни с того ни с сего захотелось посмотреть на берескор. Вдруг он исчез из кошель, пока я выходил к Лане? Я ринулся в дом, вспомнил, что все спят и замедлил шаг, стараясь пройти тихо, но весь горел от нетерпения. Открыл кошель: берескор был на месте, правда, с ним что-то происходило. Я взял его в руки и увидел, что черточки на нем, все девять, светятся.

— Эй, чего тебе не спится? - шепотом спросил я у него.

Свет, исходящий от берескора, стал еще ярче. Или мне показалось... Я решил, что знаю ответ — берескор зовет меня в лес, к березам, там я получу новое послание. Наверное, разумней было бы подождать до утра, но я убедил себя, что берескору могу доверять, как самому себе, и если он зовет, значит, пойду, а утро и так скоро наступит.

В лесу хозяйничала ночная тишина. Она впиталась в каждое дерево, в каждую травинку и в мою кожу. Я наступал на землю едва слышно, будто боялся, что лес проснется и начнет возмущаться, почему я не даю ему покоя ни днем, ни ночью. Пройдя немного, я пожалел, что не зашел за Добряком и не поехал верхом — утомленное дневным путешествием, мое тело наконец захотело спать. Но вскоре сон как рукой сняло, началось то, чего я хотел. Головокружение. Пляски деревьев. Исчезающие с березы черточки. Луна как специально светила на березу, которая была мне нужна, и я не стал доставать огненный прут. На березе появились слова новой потешки:

Макошь

ниточку

прядет

День

за

днем.

Круглый

год.

Нитка,

ниточка,

прядись.

Нитка,

ниточка,

не

рвись.

Я покрутил головой в поисках белки. Если бы она и спела сразу, было бы совсем хорошо, но петать никто не собирался, и я побрел домой, представляя, как утром удивлю Богдана и Милу новым посланием берез.

Глава двенадцатая. Переглядное озеро и букет для полудницы

Мила не могла дожидаться, когда они поедут к Переглядному озеру. И вовсе не потому, что озеро может открыть правду, кто стрелял в Сома и похитил фибулу. Она надеялась встретить там Ярослава.

После всего.

Вопреки всему.

Позабыв обо всем.

Она не знала, что ей делать с этим наваждением и каким богам молиться, желание увидеть зеленые насмешливые глаза было слишком сильным.

Время тянулось, как патока за ложкой. Не могло быть и речи, чтобы отправиться к озеру с утра — они с Димом помогали родителям в поле. Выехали после обеда, и то не сразу. Богдана задержал дед, дав ему задание сплести стихоплетку для захворавшей лошади. Мила уговаривала Дима поехать без Богдана, но тот не согласился. Пришлось ждать. Смотреться в сотый раз в зеркало, расчесывать волосы, мучительно выбирать височные кольца и браслеты, чтобы потом положить их обратно в короб. Что же она творит? Хочет украсить себя, чтобы нравиться ему? Ему! Парню, в чью сторону она и смотреть больше не должна.

Они выехали в самый разгар жары. Мила то и дело подстегивала коня, а на удивленные вопросы Дима, куда она так торопится, отвечала, что это Буян не хочет идти шагом.

— Если конь молчит, можно все на него валить? - усмехнулся Дим, но больше ничего на эту тему не говорил, переключился на разговор с Богданом о стихоплетках.

Проскакав по мосту, Мила почувствовала, что дышать стало тяжелей, а в дубовом лесу ее дыхание сделалось совсем отрывистым. Встретить его здесь. Сейчас. Поблизости с ним хотя бы несколько минут. Она совсем

сошла с ума! Какая же она жалкая... Мила вглядывалась в каждый дуб, ожидая, что из-за дерева выйдет он...

Слева от дороги, по которой шли кони, между деревьями показался просвет — там спуск к ручью. Сердце бешено заколотилось. Плохо понимая, что она делает, Мила остановила коня.

- Мне надо туда, - сказала она Диму и Богдану, выделяя последнее слово.
- Надо, понимаете? Одной.
- У девушек вечно какие-нибудь проблемы, - ехидно заметил Богдан. - Вот мне туда пока не надо... Ну, иди, подождем тебя здесь.

Мила побежала по тропе, узкой, как древесная стружка. Ручей щекотал шершавые камни, не давая им перегреться под солнечными лучами. Миле захотелось потрогать его, ощутить, как холодная вода скользит по пальцам.

Зачем она спустилась сюда? Какая сила заставила ее это сделать? Словно за руку дернули и повели. Может, заклинание прочитать? Попросить воду, чтобы забрала ненужные мысли. Но заклинания на ум не идут, в голове чехарда. Это ведь не просто так, она почувствовала, что он рядом. Еще несколько секунд и...

Мила подняла голову и увидела, как Ярослав спускается к ручью с другой стороны! Ей показалось, сердце сейчас выпрыгнет и плюхнется в воду.

- Ми-ла? - произнес Ярослав.

Без издевки, без показной ненависти, совсем иначе...

Она не могла ему ответить. Как не могла уйти или хотя бы напустить равнодушие на свое лицо.

- Ты — здесь?

Посмотрел на нее так, словно она звезда, упавшая с неба. И неожиданно сказал:

- Спасибо тебе.
- За что?

- Ты не дала мне убить белку. Я не хотел этого делать, но так боялся стать для всех посмешищем, что... - Ярослав запнулся. - Стал кем-то еще хуже.

Милу бросило в жар. Она столько всего собиралась ему сказать! Столько слов рвалось наружу, расталкивая друг друга! Она ведь знает и тогда знала — настоящий Ярослав прячется за Ярославом придуманным, грубым и циничным.

- Белка поправилась, и, может быть, простила тебя.

Бездушная, прохладная фраза. Совсем другие фразы она прокручивала каждый день в голове. Надо же быть такой деревянной! Мила прикусила язык от досады.

- А ты? Простишь? - губы Ярослава дрожали, как в день их встречи.

Наверное, стоило ответить что-нибудь вроде «я подумаю» или «посмотрю, что ты дальше выдашь», но вместо этого Мила сказала короткое «да».

Они так и стояли по разные стороны ручья. Неужели между ними вечно будет ручей или река? Или глупая вражда, что еще хуже. Мила прогнала грустные мысли. Нет таких преград, которые могут разделить людей, если сами люди этого не хотят. Почти нет...

- Мила! Все нормально? - услышала она встревоженный голос брата.
- Ой, Дим решил, меня пора спасать, - встрепенулась Мила. И крикнула Диму: - Иду!
- А почему вы здесь? - в голосе Ярослава появилась настороженность.
- Нам нужно попасть к Переглядному озеру.
- Зачем?
- Да так... - попыталась уклониться от ответа Мила.
- И все-таки?

Будто он не знает, для чего туда ходят. Дубравцы не могут запретить березанам и тополянам просматривать свои камни, озеро существует для всех. И, конечно, если бы Мила соврала, Ярослав вряд ли стал бы дальше ее пытаться, но это было выше ее сил. Ложь. Сейчас. Когда они стали ближе друг другу...

Она сказала, как есть.

Ярослав нахмурился. Ожесточенно почесал затылок, устраивая своим и без того всклокоченным волосам настоящую бурю.

– Пошли! - скомандовал он.

Не принимая возражений, он направился к Диму и Богдану. Миле ничего не оставалось, как пойти за ним и смотреть на вытягивающиеся лица парней.

– Вы нашли того, кто стрелял в Сома? - с ходу спросил Ярослав. - Я хочу это увидеть, покажите мне камень.

– Что-о? - Богдан не ожидал подобной наглости. - Больше тебе ничего не показать? У меня есть шрам после укуса собаки. Знаешь где?

– Девушку свою шрамами пугай. Хотя откуда у тебя девушка? Если только кикимора позарится.

Богдан кинулся на Ярослава, но был перехвачен Димом.

– Я сам с ним разберусь, - глаза Дима метали молнии. - Слушай, ты, дубовая башка, я тебя предупреждал, чтоб ты к моей сестре не подходил? Предупреждал. Какого лешего ты к ней прицепился?

– Еще и заставил ее все рассказать, - кипел от возмущения Богдан. - Что ты ей сделал, сволочь?

– Просто припугнул, - соврал Ярослав.

Мила вышла из оцепенения, сообразив: если она не уговорит парней, это плохо кончится. Для всех.

– Неправда. Он меня не пугал, я сама сказала про камень. Это касается его друга.

- Спятила? - заорал Богдан.
- Сама? - Дим удивленно смотрел то на Милу, то на Ярослава. - Он тебя точно не обидел? - это скорей был дежурный вопрос. Судя по взгляду Дима, он уже все понял.
- Мы с ним просто разговаривали, и он пойдет к озеру с нами. Если бы стреляли в Богдана, ты бы тоже захотел знать, кто это.
- Ладно, - нехотя согласился Дим. - Покрывать виновного мы и не собирались. Пусть посмотрит, но сперва... - он подошел вплотную к Ярославу. - За тобой еще старые долги водятся. Ты и сам слово давал, что встретимся и продолжим наш разговор.
- Ну давай поговорим, - Ярослав сжал кулаки. - Достал ты меня уже. Мила кинулась к брату и схватила его за плечи.
- Вы не будете драться! Ни сейчас, ни потом. Вообще не будете.
- Он должен ответить за свои слова, - отодвинул ее от себя Дим.
- Ты не понимаешь. Именно этого хотят темные боги. Чтобы березане рассорились с дубравцами. Сперва два человека, потом десять, а потом сотни. Не надо, Дим! Пожалуйста!
- Пусть попросит у тебя прощения.
- Но он уже попросил. Несколько минут назад.
- Наедине не считается, - уперся Дим. - Я хочу, чтобы он при всех сказал. И про березанах, и при дубравцах.

Мила с надеждой взглянула на Ярослава, но тут же надежда угасла. Его губы кривились в неприятной ухмылке.

- Я не буду этого делать. Ни-ког-да!

Что-то оборвалось внутри, заледенело. После тех мгновений, когда она поверила, что все у них будет хорошо, видеть Ярослава таким было невыносимо больно. В следующую секунду Дим прыгнул на Ярослава, сбивая его с ног.

Я не знаю, как долго мы мутузили друг друга. Я разбил ему губу, получил от него в глаз, но мы не останавливались. Наши драки с Богданом всегда были другими. Как бы мы не злились друг на друга, понимали, что все закончится примирением, а тут меня охватило желание излупить заносчивого дубравца так, чтоб он больше не поднялся. Из его губы текла кровь, я запачкал ею руки и рубаху, и это привело меня в ярость. Я никогда не был чистюлей, но от вида чужой крови на своей одежде меня выворачивает наизнанку. Поганый дубравец! Больше всего бесило, что я не могу его одолеть, наши силы оказались равными. Только я об этом подумал, как понял, что мой противник слабеет... Я занес руку для очередного удара и замер. Вместо лица Ярослава передо мной возникло лицо богини Макоши. Всего на мгновение. Возникло и исчезло. Она ничего не сказала, я сам догадался: это предупреждение — я не сохраняю мир в сердце. Воспользовавшись моим замешательством, Ярослав занял удобную позицию и готовился расквасить мне нос. Я успел уклониться от его кулака и крикнул ему:

— Все! Будем считать, мы нормально поговорили.

Он выругался, но отступил — похоже, ему самому хотелось прекратить драку.

Злость постепенно утихала, вместо нее пришла боль. Мила суетилась, прикладывая лечебные травы к ссадинам на моем лице.

— А глаз опухает, - с сочувствием сказала она.

— Заживет, - отмахнулся я.

Мила обернулась к Ярославу.

— Тебе тоже нужно приложить.

Видно было, что слова дались ей нелегко. Эх, сестренка! Угораздило же тебя... А я и не сообразил сразу, в чем причина твоей грусти...

Ярослав взял у Милы травы, приложил к разбитой губе, и Мила поспешно отошла от него.

- А камень вы мне все равно покажете, - заявил он. - Иначе я расскажу старейшинам, и вашим, и нашим, что вы украли его у собирателя чужих ошибок.
- Никому ты ничего не расскажешь, - сорвался с места Богдан. - Мало тебе Дим рожу разукрасил? Я добавлю.
- У меня у самого теперь рожа... - усмехнулся я. - Хорош лаяться. Давайте уже доедем до этого озера и посмотрим.
- Тут пешком три шага, - сказал Ярослав.

И пошел вперед, а мы оседлали коней и поехали за ним.

Переглядное озеро было мелким и пряталось в той части леса, где дубы заканчивались, и росли другие деревья. Над озером нависали ивы, касаясь воды кудрявыми косами. Вода гладкая, никем не потревоженная: рыба тут не водится, птицы не плавают, а людям купаться запрещено — иначе поменяется состав воды, и она перестанет показывать истории, хранящиеся в камнях.

Я вытащил камень из мешка и опустил в воду. Мы присели на корточки, затаив дыхание: я рядом с Богданом, чуть дальше Мила, а за ней Ярослав. Одним плечом он уперся в иву, а вторым слегка касался Миленного плеча. Я хотел сказать, чтоб он отодвинулся от нее, неважно, куда, хоть на дерево пусть залезет, но тут началось. Вода вытолкнула камень на поверхность, и он завертелся волчком. Быстрее, быстрее, еще быстрее... Внезапно остановился, и что-то утянуло его вниз. А на поверхности вместо своих отражений мы увидели березовый лес и Влада, который стоял на тропе, держась за бок, и тяжело дышал.

- О! - воскликнул Богдан. - Это было во время игры. Влад лихо стартанул и быстро сдох. А вот и Сом бежит. Кажется, мы не ошиблись...

Я представил, как Влад вынимает из колчана стрелу и целится в Сома. Но озеро показало другую картинку: Сом уронил кошель и не заметил этого. Он быстро удалялся от своей потери, а Влад все видел, но не окликнул Сома. Убедившись, что других игроков поблизости нет, он метнулся на тропу дубравца — сразу и силы к нему вернулись, схватил кошель, вытряхнул оттуда монеты, посчитал их, и с довольной улыбкой переложил к себе, а кошель бросил в траву.

- Позарился на чужие зари, гад, - процедил сквозь зубы Ярослав.

А картинка тем временем поменялась. Влад перебежал на свою тропу, постоял немного и быстрым шагом пошел обратно — к тому месту, где остался кошель. Наверное, побоялся, что Сом спохватится, поднимет шум, найдет пустой кошель и начнут всех трясти... Он встал на колени около дерева, вырыл небольшую ямку, положил туда и кошель, и монеты, и засыпал землей.

- А потом догнал Сома и выстрелил, чтоб уж точно никто в воровстве не обвинил, - сказал Богдан.
- Да ты посмотри сперва, - перебила его Мила.

Картинка номер три. Влад откапывает кошель и монеты. Это как раз перед тем, как мы с ним случайно встретились. А вот и наша встреча. Какой же у меня все-таки дурацкий вид! Ухо и под волосами торчит — хоть отрезай. Плевать! Как говорит отец: ты не девка из-за всякой чепухи убиваться.

Картинка номер четыре. Влад куда-то чешет с кошель на ночь глядя. Кругом дубы. Он сворачивает к домам и подкрадывается к одному из них.

- Здесь живет Сом, - пояснил Ярослав.

Влад открывает кошель, с тоской глядит на зари, закрывает и... Оставляет кошель возле дома.

- Совесть замучила, - хмыкнул Богдан.
- Молодец, что одумался, - похвалила Мила.

А я облегченно вздохнул. Ну и хорошо, что Влад в Соме не стрелял, он хранил совсем другую тайну. И зарию он вернул. Наверное, не стоит больше поднимать эту тему. Отдам камень Яну, попрошу отнести на гору и забудем обо всем.

- Больше никого не заподозрили? - спросил Ярослав.
- А кого подозревать? - пожал я плечом. - Любой мог, всех не проверишь.
- Ваш Велимудр обещал найти виновного, а сам палец о палец не ударил. Его это вообще не колышет. Пройдоха старый...
- Э-э! Ты про моего деда меньше вякай, а то вякалку оторву.
- Да хватит вам! - гаркнул я на них, подобрав камень, вылетевший из воды.

Как ни странно, они притихли.

Богдан направился к лошади, всем своим видом показывая, что больше ему тут делать нечего, а Ярослав провожал взглядом Милу: она тоже не стала задерживаться, на его взгляд не ответила. И правильно — не заслужил. Скорей бы она успокоилась и забыла про дубравца, приказала бы себе не думать о нем, хотя я не уверен, что сам бы так смог.

Насмотревшись на Милу и Ярослава, я решил поехать к теремам светозаров и берегинь и разыскать Злату. Мы не виделись уже несколько дней, и я все время вспоминал нашу последнюю встречу на празднике. Ее глаза, в которых мелькали цветные огоньки, золотую челку, немного не достающую до ресниц, веснушки на носу и щеках. У Златы есть веснушки! Они едва заметны, но очень ей идут. Странно, что я до сих пор не нарисовал Злату. Все боялся, вдруг получится плохо, а это ведь должен быть лучший рисунок в моей жизни. Теперь не нарисую, дар у меня отняли. К этой печальной мысли добавилась

еще одна. Злата — невеста Яна. Вроде у них не все гладко, но что это меняет? Впрочем... Я увижусь с ней в любом случае.

- Езжайте домой без меня, - сказал я Богдану и Миле. - Я заеду кое-куда.
- Кое к кому, - съязвил Богдан. - Ну-ну. Веди там себя прилично. А то светозар разбираться не будет, мечом рубанет и все.

Это вряд ли, он мой защитник. Боги точно посмеялись над нами. И как Макошь свои узелки вязала, что соединила нас троих? Говорят, она сама не знает, кого с кем связывает, это зависит не от нее.

Я лишь примерно представлял, где живет Злата. После своего танца в поле она уходила в одну и ту же сторону. Туда я и направил Добряка.

Терема светозаров и берегинь яркие, их видно издалека. Они все похожи друг на друга, но узоры на окнах разные. Я медленно ехал мимо теремов, гадая, в каком из них искать Злату и что она сейчас делает. Разучивает новые движения танца, печет ржалёнки или просто сидит у окна и мечтает о встрече со мной. Увидит меня, выбежит навстречу, обнимет своими тонкими руками. А может, не только обнимет...

- Стоять! - услышал я грубый окрик.

Это был светозар, на вид чуть старше Яна. Сперва я не понял, откуда он выскочил и что ему от меня надо, потом сообразил. За теремами лес, в котором есть выход в другой мир. Вернее, много выходов, поэтому светозары не любят, чтобы люди здесь околачивались.

- Тебе чего? - спросил светозар.
- Я ищу Злату. Знаешь полудницу Злату?
- Допустим знаю.
- Покажешь ее терем?

Светозар сощурился.

- А тебе к ней зачем?

И не дожидаясь, что я скажу, добавил:

- Если возомнил, будто берегиня с тобой гулять будет, съезди к реке искупайся, охладись.

Любят светозары советы давать. А то без него не разберусь, что мне делать. Ничего не говоря, я развернул коня, собираясь уехать прочь.

- Да покажу, жалко что ли, - полетело мне в спину. - Красный терем с синей крышей видишь?

Я проследил за движением его руки. Один из самых ярких теремов. На кровле конь-охлупень, но не простой, как на домах людей, а с огненной гривой. Ставни тоже расписаны ярко, сразу захотелось подойти ближе, рассмотреть каждую деталь узора.

- Спа... - хотел я поблагодарить светозара.

Но из-за терема, возле которого мы стояли, показался другой светозар. Он держал плачущего младенца, завернутого в белые тряпки.

- Ребенок великанов? - спросил я.

Появившийся светозар оторопел.

- А почему у нас тут люди разгуливают? - взвился он.
- Так, давай отсюда, быстро! - замахал руками светозар, показавший, где терем Златы.

Я и сам не собирался задерживаться, но, прежде чем ускакать, успел услышать часть разговора светозаров.

- Куда этого малыша?
- К тополянам. Давно у них не было пополнения.

Я все-таки не отказался бы заглянуть в мир великанов. Неужели они сразу меня обнаружат? Я бы мигом туда и обратно. Но светозары много раз предупреждали: человеку к этому лесу приближаться нельзя. Чуть зазеваешься, попадешь в проход между мирами, а там и в другой мир, думая, что просто шагаешь по тропе. Дорогу назад ни один человек найти не сумеет, некоторые так исчезли навсегда. Я спрашивал у отца:

- Светозары пытались найти пропавших?
- Наверное, - отвечал он. - Но никого не возвращали. Видимо, великаны сожрали людей.

Интересно, как светозары успевают отобрать у великанов младенцев? Или далеко не всех и не всегда? А младенцы вполне нормальные, даже ростом не выделяются среди других. Как у великанов могут рождаться такие дети? Тайны, связанные с великанским миром, будоражили воображение, но никакая тайна не способна была занять мои мысли больше, чем та, которую я пытался разгадать, глядя на Злату. Нравлюсь ли я ей? Хотя бы чуть-чуть...

Мы встретились со Златой возле терема. Она появилась на крыльце как раз в тот момент, когда я спрыгнул с Добряка, и я мигом забыл про узоры на окнах, про детей великанов и про все остальное. На Злате был красный сарафан, расшитый золотыми нитками, и щеки ее казались румяней, чем обычно. На плече висела сковородка, к ручке которой полудница привязала желтую ленту.

- Кто тебя так разукрасил? - спросила она про мой фингал.
- Один придурок. Я его разукрасил круче.
- А я иду на состязания светозаров смотреть. Хочешь со мной?

Еще бы я не хотел! Правда, меня смутило, что там нас наверняка увидит Ян, и я спросил на всякий случай:

- А твой жених не обидится?
- Ян? Никакой он не жених, я своего согласия не давала. Ты же с ним знаком, да? Он твой защитник?
- Ну да.
- От грызарей тебя спас? Хорошо он сражался?
- Грызарям не понравилось, - пошутил я.

Я бы предпочел говорить о чем-то другом, но Злата не унималась и все расспрашивала про Яна.

- А где будет состязание? - поинтересовался я.
- На поляне, ты проезжал мимо нее. Многие светозары и берегини уже пошли туда.
- Давай поедem на моем коне.
- Давай, - легко согласилась она.

Я посадил ее на коня, чувствуя, как краска заливает мое лицо. Хорошо, что уже стемнело.

- А ты садись впереди, - велела Злата. - Буду за тебя держаться.

На поляне, куда за несколько минут нас домчал Добряк, уже начиналось состязание. Среди зрителей было много берегинь. Заряниц, полудниц и вечорок легко отличить по цвету волос: у заряниц волосы красные, у полудниц — золотые, как у Златы, или рыжие, у вечорок — темно-русые. Светозары там тоже были, но большинство из них пришли не наблюдать, а участвовать. Они сидели на красных конях и готовились поразить всех своими умениями. Я заметил Яна, он нас тоже — удивленно уставился на Злату. И не только он. Берегини перешептывались, обсуждая, что Злата приехала с простым парнем, а светозары кидали в нашу сторону недовольные взгляды.

- Слезать с коня не будем, - сказала Злата. - Так лучше видно.

Меня незачем было уговаривать, я наслаждался тем, что Злата совсем близко, от ее теплого дыхания мое сердце колотилось, как бешеное, и чужое недовольство не могло помешать моей радости.

Ян и еще двое светозаров взмыли в небо. Их кони замерли, давая всадникам подняться во весь рост и вытащить из ножен мечи. Один из светозаров подбросил меч в воздух, остальные повторили за ним. Мечи нарисовали на темном небе золотые круги и вернулись в руки хозяев. В следующий раз вместо кругов появились восьмерки, а потом цветы. С каждым подбрасыванием рисунок усложнялся, а восхищенные возгласы берегинь становились громче.

Злата с волнением следила за происходящим, то и дело стуча кулаками по моей спине, а когда светозары начали рисовать разные фигуры, стук стал постоянным.

— Ну же, Ян! Покажи им всем! - прошептала она.

Радость, которую я только что испытывал, мгновенно скукожилась, а сам я теперь желал, чтобы соревнования поскорей закончились. Еще в моей голове мелькали нехорошие мысли. Вот бы Ян уронил меч. Или у него получилась бы дурацкая закорючка всем на смех вместо нормального рисунка. Ему легко, он никому не отдавал свой дар ради того, чтобы выполнить волю богов. Меня затошнило от самого себя: Ян спас мне жизнь, а я в шаге от того, чтобы возненавидеть его.

Злата крепко вцепилась в мои плечи — Ян подбросил меч слишком высоко.

— Перестарался, - вздохнула низкорослая заряница.

— Не будет рисунка, - поддакнула ей подружка.

А Злата, казалось, совсем перестала дышать.

Но вскоре чуть не столкнула меня с Добряка, хлопая в ладоши. Меч Яна нарисовал целый букет цветов, и берегини пищали от восторга.

После соревнований Злата сказала, что хочет пошептаться с другими полудницами и упорхнула к ним, мне больше нечего было делать среди веселящихся светозаров и берегинь. Добряк это почуял, повез меня домой, не дожидаясь, пока я хлопну его по бокам. А я все думал, почему Злата ведет себя так... Сама твердит, Ян ей не жених, приходит на соревнования со мной, но глаз не сводит с него. Богдан посмеялся бы: разве девушек можно понять? Не пытайся, голову сломаешь...

Добравшись до березового леса, Добряк замедлил шаг, и почти сразу я услышал пение белки.

Вот стоит березка,

На березке ветки,

А на ветках бруньки,

Маленькие бруньки...

Я потрепал Добряка за гриву.

— Ну хоть что-то хорошее. Песенка-чудесенка...

Вторая часть песни белки имела странный мотив и звучала так:

На третьей ветке первая брунька красивее всех, на четвертой ветке — вторая, на седьмой — вторая, и на восьмой нет лучше второй.

А другие ветки забудь, забудь.

А другие бруньки забудь! И в путь!

Я пробубнил потешку:

Макошь ниточку прядет.

День за днем. Круглый год.

Нитка, ниточка, прядись,

Нитка, ниточка, не рвись.

Попытался посчитать, какие нужны буквы, запутался и бросил — неудобно, когда нет слов перед глазами. Главное, я запомнил нужные ветки, а с бруньками все просто — сначала первая, а потом все время вторые. Дома напишу и пойму, что за слово.

Белка пропела еще раз и замолчала, а я услышал подозрительный шорох за деревьями, ощутил прожигающий насквозь взгляд. Добряк тоже почуял кого-то, встал на дыбы, испуганно заржал и вдруг сорвался с места. Он несся, как безумный, не разбирая дороги. Мне приходилось пригибаться, чтобы ветки не разодрали в кровь лицо и руки. Я не знал, гонятся ли за нами, но не мог остановить коня. Оглянуться тоже не мог. Кто был там, в темноте? Подосланный темными богами убийца? Добряк успокоился лишь когда мы выехали из леса. Мое сердце тоже стало биться ровней. Все-таки я не должен

забывать, что на меня открыта охота, а прибежит ли теперь Ян спасти мою шкуру, неизвестно.

Глава тринадцатая. Паучьи деревья и пламя ненависти

Морок любил вспоминать, какой щедрый подарок он сделал людям. Зима лютовала, завалив снегом все дороги, а люди тосковали по лету. «Скорей бы потеплело, расцвели бы цветы и можно было бы бегать босиком по траве. Как надоела бесконечная зима! Хотя бы на денек вернуться в лето», - слышалось со всех сторон.

На денек — это запросто. Почему не порадовать людей? Мороку метель не страшна, и мороза он не чувствует. Уселся на высокий сугроб и стал вызывать людей из домов.

Они не понимали, что заставляет их покинуть дома среди ночи, выскочить полураздетыми и танцевать на снегу. Снежное полотно казалось им цветочным, а стужа — зноем. Каждый из них отчетливо видел, что наступило лето и прыгал от счастья: и старые, и молодые, и маленькие дети — все поддались чарам Морока. Они замерзли с улыбками на устах, так и не сообразив, что происходит. Один за одним люди падали в сугробы и засыпали, остальные продолжали танцевать, не замечая этого, пока их самих не сбивало с ног холодное дыхание смерти.

«Хотели лето, вы его получили».

Морок был доволен своей работой. Он даже ничем себя не выдал и не оставил свидетелей, светлые боги ничего не докажут. И все же он не был удовлетворен — слава о его делах не разлетится по округе, никто не узнает, какая великая сила у него есть, потому что он вынужден это скрывать. А ведь ему ничего не стоит уничтожить людей, он может самолично решать, что делать с их жалкими жизнями, а они... Догадываются ли они, что бог лжи и

обмана — единственный бог, который способен подарить им счастье? Люди мечтают быть обманутыми и обманываются постоянно. Они верят, будто нужны кому-то. Будто на свете есть любовь, дружба, родственные чувства. Они живут этим обманом, пока пелена не спадает с глаз. Пока их не предадут, пока от них не отвернутся. Но и после этого люди ищут новый обман, они не в силах принять правду, она пугает их, но тут приходит на помощь Морок и легко исполняет мечты. А светлые боги называют его жестоким. Да они понятия не имеют, чего хотят люди на самом деле!

Так он думал много столетий назад, так думает и сейчас. Утраченная сила возвращается, и скоро он начнет перекраивать этот мир согласно своим законам. Папаша Чернобог для этого уже не годится: долгие годы вынужденного подчинения светлым богам развили у него апатию ко всему. У Чернобога есть свои владения, и там он утоляет жажду повелевать. Но Мороку этого мало, он не будет довольствоваться жалкой подачкой Сварога. «Вот вам земли, стройте там свои черные дворцы, селите навьих прислужников и управляйте ими, а людей не трогайте». Забыли спросить у него разрешения! Надо лишь обрести былую силу, и еще как тронут. Людей самих неудержимо влечет к владениям темных богов. Нет ни одного человека, который хотя бы раз не приходил взглянуть, что происходит тут, на черных горах.

Любопытство сильнее страха, все хотят заглянуть в глаза пугающей темноте. Некоторые смотрят на расстоянии, другие стараются подойти к подножию той или иной горы. Морок давно заметил, что женщины заходят дальше, чем мужчины: они способны преодолеть любые расстояния, только бы увидеть дворцы собственными глазами. Есть и такие, что идут сюда не ради дворцов, а ради встречи с ним. Светлые боги не могут обвинить его в коварстве. Если бы он и хотел заманить в свой дворец женщин, ему не хватило бы на это силы. Женщины приходят сами. Что они тут ищут? Неужели думают, будто он способен любить? И каждая надеется, что именно она

заставит его сердце биться чаще. Человеческая глупость безгранична, а глупцов ему не жалко.

Ни одна берегиня никогда не дарила своих поцелуев Мороку, а простые женщины дарят. Берегини рожают от богов сыновей — светозаров, а те, что обручены со светозарами, дочерей, будущих берегинь. Темных богов и тут обделили. В этом мире, где они заперты, у них не рождаются сыновья, а дочери от простых смертных — такие страшилища, что даже кикиморы кажутся по сравнению с ними красавицами. Женщины, которые производят их на свет, сразу же умирают, и поначалу Морок думал, незачем оставлять в живых уродливое потомство, но вскоре решил, что сделает из своих дочерей настоящее войско, и оно будет ждать своего часа, как ждут и многие другие. Например, паучиные деревья на его любимой горе.

Морок часто поднимался на эту гору. Там нет ни единой травинки, а земля черная и твердая, но в ней прочно сидят корни деревьев. Он сам сотворил деревья, на которых не растут листья. Их ветки напоминают морщинистые старческие руки с растопыренными пальцами. Они опутаны толстым слоем паутины, поэтому издали кажется, будто на горе вечный туман, а если потянуть за нить паутины, можно услышать человеческий стон. Морок не отказывал себе в удовольствии походить среди деревьев, дергая за ту или иную нить — музыка людских страданий была бальзамом для его ушей. Деревья себя еще проявят. Они способны притягивать людей, заставляя подойти совсем близко, и захватывать в сети, как пауки бабочек, чтобы потом высосать из человека все лучшие чувства и выплюнуть его, опустошенного и раздавленного. Мороку не терпелось узнать, что будет с человеком, побывавшим в плену у паучиного дерева. Сможет ли он выжить, лишенный всего, даже надежды? Или сразу сбросится с горы? Он узнает, близится это время. Светлые боги создали почти идеальные условия для жизни людей, но этим они превратили их в ничтожных мошек, скучных и

похожих друг на друга. Только когда человек пройдет через сотни тяжелых испытаний, можно увидеть, какой он на самом деле.

Морок тянул нити паутины и хохотал. И люди, и боги считают его жестоким. Бог лжи и обмана... Смешно. На самом деле, он открывает людям правду, показывает их истинную сущность.

Ян должен был ликовать. Он победил, нарисовал мечом самый красивый рисунок, светозары и берегини восторгались им, но у него на душе было безрадостно. Злата приехала на состязания с этим... героем... Обжималась с ним, сидя на коне, хихикала, как глупая девка, вела себя безо всякого стеснения. Интересно, что она ему позволяет, когда они остаются наедине? Небось не кричит: не хватай меня за сковородку!

Он сжал кулаки, и обкусанные ногти расцарапали кожу до крови. Завтра же пойдет к отцу и скажет, что отказывается защищать героя. А можно и не ходить. Зачешутся пятки, а он не заметит. И прощай, герой! Надо просто немного опоздать... Ему никто и слова не скажет. Если человек встал на пути у светозара, светозар имеет право его убить, а он и руки марать не станет. Но другого героя боги уже не выберут, придется беречь этого, иначе добираться до Мирового Дерева будет некому, и мир погибнет. Да и подло это. Подло и мерзко, а он никогда не был подлецом.

Вернувшись после состязаний в свой терем, Ян носился по терему, как обычно, когда его что-то беспокоило.

Ну, хорошо. Допустим. Убивать Дима он не станет и слугам Морока не позволит, но это не значит, что он отдаст ему Злату. Обойдется!

- Сварожья печаль, Велесовы слезы! - воскликнул Ян, хлопая себя по лбу. И произнес намного тише: - Какой же я идиот, совсем забыл про наш со Златой план.

А Злата не только красивая, еще и башковитая. Придумала, как поймать убийцу Чеслава.

- Скажешь Глебу и Данко, что нашел меч. И про слова, что там есть, - заявила она. - Но слов нужно добавить.
- В смысле?
- Смотри. Меч запомнил, что говорил Морок, так? А он ведь не сам с собой болтал. Светозар тоже должен был что-нибудь сказать.
- Да, но не сказал. Или Чеслав поздно рукоять согрел.
- Неважно! Твои друзья понятия не имеют, сколько успел запомнить меч. Скажи, что там есть голос того самого светозара, убийцы, но ты не смог его узнать, плохо слышно. Поэтому завтра отнесешь меч отцу, и пусть боги сами выясняют.
- Я понял, куда ты клонишь. Если убийца — Данко или Глеб, он испугается и захочет во что бы то ни стало выкрасть у меня меч.
- А ты не безнадёжен, - рассмеялась она. - Я думала, ты совсем того...
- Иногда я бываю вменяемым, - поддержал шутку Ян. - Просто мне нравится прикидываться дурачком, чтобы потом удивить.
- Мы отвлеклись! - Злата напустила на себя побольше строгости, но Яну показалось, что она теперь смотрит на него немного иначе.

И смотрела! Правда смотрела. А на состязания притащила этого..

Первую часть плана он выполнил как раз перед состязанием. Разыскал Глеба и Данко и поделился с ними тайной про меч. Светозару он приписал слова: «Я сделаю все, что нужно». Дежурная фраза, которую убийца наверняка произносил. У обоих друзей глаза на лоб полезли от таких новостей, и Ян почти успокоился — это не один из них, Злата ошибается. Но вторую часть плана никто не отменял. Ян должен был притвориться спящим и ждать, кто проберется в его терем за мечом. А вместо этого он ругал героя,

посмеявшегося увести у него невесту, и гремел башмаками, сто раз пробегая мимо окон. Чего уж там. Пусть все видят, что он не спит.

— Сплошные неприятности из-за этого героя недобитого, - пробурчал Ян и стал гасить лучины.

Прежде чем расправиться с последней, выпил чашку нектара, расстелил на полу шкуру и положил рядом с ней меч. Потянулся к лучине, а дальше провал... Ян не помнил, успел он погасить лучину или нет. Очнулся на рассвете, с трудом разлепив веки. Подскочил, в ужасе оглядываясь по сторонам — меча нигде не было.

— Нет! Нет! Нет! - в ярости заорал он.

Как же он этого не учел? Ему подсыпали сонный порошок в нектар. Все-таки Данко или Глеб... Но он с детства дружит с ними обоими... Нет! Должно быть другое объяснение. Где только его взять, другое? А убийца теперь послушает сохранившиеся на мече слова и поймет — это была ловушка. И что делают убийцы в таких случаях? Или бегут, или, совершают новое убийство, чтобы их не разоблачили. Бегство вряд ли входит в планы того, кто связался с Мороком. Остается второе.

В небе проклюнулось солнце. Бледное, как недопеченная лепешка. Я сразу подумал о Злате с ее ржалёнками, и меня охватили противоречивые чувства. Вчера она была совсем близко, мы сидели на одном коне, и мне завидовали все светозары. Я сам себе завидовал сначала, но потом... Нет, я не хотел об этом думать. Лучше разберусь с новым посланием, которое получил, для этого и встал пораньше, написал на бересте потешку про Макошь, посчитал слова и буквы, получилось слово «Перо». Тут и гадать нечего — надо ехать в Птичьи сады.

Я ходил вокруг дома, ждал, когда проснется Мила. К Богдану пойти? Он наверняка тоже еще спит. Мне хотелось поскорей рассказать им обоим, что у нас есть вторая часть послания. И о том, как перепугался в лесу Добряк. Хотя, это, пожалуй, лишнее. Мила будет переживать, а Богдан снова обзовет меня придурком, который сам делает все, чтоб его побыстрее прикончили. А как бы он себя вел на моем месте? Заперся дома на семь замков и никуда не выходил? Не мог же я отказаться от возможности побыть рядом со Златой. Пришлось возвращаться затемно... И снова Злата заняла все мысли, заполнила меня собой до краев. Мне казалось, я слышу ее голос, вижу ее глаза, чувствую ее дыхание... Но тут я почувствовал кое-что еще — запах гари. Его принес ветер со стороны крайних домов, ближайших к лесу. Одновременно с тем, как до меня дошло, что случилось, я услышал женский крик.

— Пожар! У Первака хлев горит!

Повыскакивали люди. Сонные, всклокоченные, едва понимающие, что происходит. Я нёсся к домам, над которыми клубился черный дым. С хлева огонь перекинулся на соседние постройки и жадно облизывал крыши. Первый дом Первака, второй — его матери. Совсем недавно гуляли на свадьбе, Первак выстроил новую избу, чтобы привести туда молодую жену. Теперь крыша полыхала, а под окнами мужики, все в крови, с дубинами и кольями налетали друг на друга. Еще не добежав, я узнал дубравцев.

На мгновение оглох, а потом все звуки нахлынули разом: ругань дерущихся, крики женщин, плач детей, мычание коров, лай собак, гул огня слились в тяжкий стон, как будто сама земля рыдала, оплакивая своих детей.

— Они подожгли, ироды! - перепуганная старуха, которую я чуть не сбил, вцепилась в мою руку. - Прискакали с факелами и запалили! Первуша выскочил. Животинку из хлева вывел, мужиков кликнул и с голыми руками на дубины, не испугался. А изверги вопят: дотла! Жги дотла!

— Почему?!..

- Брешут, будто ночью мы их избы пожгли!
- Что?!

В груди саднило, я с трудом удержался на ногах. Мир сошел с ума, он горел, выл и рассыпался на части, и все что я мог — стоять и смотреть, как он окончательно рухнет, погребая под собой и меня.

Занялся плетень. Дородная березанка, подоспевшая с ведром, плеснула воды в пламя и тут же огрела дубравца по спине. Первак, чей хлеб уже догорал, метнулся к дому, вытащил из-под плетня топор и пошел на дубравцев:

- Зарублю гадов!

Дубравцы попятились, но не все. Один из них бросился на Первака с дубиной — настолько стремительно, что никто не успел его остановить. Удар пришелся прямо по голове. Топор упал, и я увидел, как по белобрысому затылку растекается красное пятно, взгляд у Первака становится стеклянным, а ноги подкашиваются. Секунда, две — и он уже лежал на земле.

- Первуша! - истошно крикнула молодая женщина, расталкивая березан и дубравцев. - Первуша... Что же это?!..

Она обхватила руками его голову.

- Очнись, Первуша! Открой глаза, - Она трясла его, гладила по волосам, целовала лицо. - Что вы стоите?! Сделайте что-нибудь!

К Перваку подбежал травник, прильнул ухом к груди парня, пощупал запястье... Потом молча встал, стараясь не встречаться с дикими глазами женщины.

- Да как же... - она замотала головой, словно пыталась прогнать наваждение. - Ты же мне обещал... Говорил, мы сто лет вместе проживем! Детишек будет пятеро. Или шестеро...Три мальчика и три девочки...

Всё кругом замерло. И только рыдания обезумевшей женщины взрывали тяжелую целину тишины. Другая женщина, упав на колени, беззвучно шевелила губами. Мать.

Березане и дубравцы с ужасом смотрели на мертвого мужчину. Внезапно березанин, стоявший рядом с распростертым телом, сбросил оцепенение и схватил топор.

– Стойте! - заорал я. - Вам мало одной смерти?

Я не знал, послушается он меня или нет, но готов был зубами вцепиться в любого, кто попытается нанести смертельный удар. В дубравца, в березанина — не важно, лишь бы это не повторилось.

Он уронил топор и закрыл лицо руками.

Прибежали Велимудр с Богданом.

– Тушите пожар! - крикнул Велимудр, быстро оценив обстановку. - Пока другие дома не загорелись.

Он давал распоряжения, кому что делать, и люди беспрекословно выполняли. Тушить кинулись и дубравцы. Лишь один из них не тушил — убийца Первака. Он сидел на земле и рыдал, а скорей даже выл. Молодой... Еще моложе, чем Первак. Теперь его жизнь сломана. Вряд ли за убийство приговорят быть собирателем чужих ошибок, парня ждет заточение в Пещере кошмаров, куда его отправят светозары, но главный кошмар отныне будет жить у него внутри.

Вода поглотила последние языки пламени. Пока тушили, некогда было думать о том, что произошло, но после победы над огнем ко всем вернулись тягостные мысли. Дубравцы рассказали о ночном нападении на их дома. Они не знали, был это один человек или несколько, они никого не видели. Пожар охватил три дома. В двух домах сразу проснулись, не дали огню разгореться, а третий сильно пострадал, там и люди едва успели спастись, у некоторых ожоги.

– Мы нашли березовые факелы, - сказал худощавый дубравец. - Ваши факелы!

– Никто из березан не мог совершить такое, - возразил Велимудр.

– Мы это уже слышали. Никто не мог пустить стрелу в человека, никто не мог украсть фибулу, никто не мог поджечь... В следующий раз вы перебьете нас всех и скажете, что ни при чем.

Велимудр наморщил высокий лоб и тряхнул бородой.

– Факелы — не стрелы, которые становятся послушными только в руках березан. Мало ли, кто взял их у нас.

– Взять-то могли, но гореть факел будет, если березанин сам его отдаст, по-другому никак. Тебе это не хуже нас известно. Да и кому это нужно — брать ваши факелы?

– Сварог говорил, темные боги хотят поссорить нас.

– Так или иначе, им помогает кто-то из ваших. Ищи, Велимудр. Думай.

Надо не только думать, но и действовать, пока не поздно. Я отвел Богдана подальше от остальных и сказал, что мы должны ехать в Птичьи сады.

– Какие сады? - возмутился он. - Тут человека убили. Ты совсем помешался на своих посланиях?

– Если не поторопимся, эта смерть будет не единственной.

Люди всё прибывали к месту пожара. Появились отец с матерью, они пытались поддержать мать Первака и его жену. Мила сразу подошла ко мне. Она молча слушала, что говорят очевидцы страшных событий, и в ее глазах стояли слезы.

Послышался топот копыт — лошади привезли с дюжину дубравцев — тех, которые не хотели устраивать самосуд, но когда они узнали, что разъяренные мужики помчались мстить за ночной поджог, березанские дома уже пылали.

Среди приехавших был Ярослав. Заметив его, Мила вздрогнула и отвернулась, а он сделал мне знак, что хочет поговорить.

– Чего тебе? - грубо спросил я, подходя к нему. - Ваши тут устроили... Не до болтовни.

– Я не просто языком почесать, я видел, кто приезжал к нам ночью.

У меня дыхание перехватило. Услышу сейчас имя этой сволочи и лично ему врежу. От души.

– Я никому пока не сказал, потому что не уверен, что это сделал он. Но если стащить у него камень и отнести к озеру, мы проверим, поэтому я к тебе и сунулся.

– Кто это был?

– погоди. Обещай, что молчать будешь. И этому, - он кивнул в сторону Богдана, с недоумением косящегося на нас. - Этому тоже не говори.

– Хватит тут тайны разводить, - оборвал его я. - Сам решу, кому доверять.

– Не решишь! Не в этом случае. Или поклянись, или я ничего не скажу.

Мало я ему губу разбил. С радостью добавил бы сейчас, но желание узнать имя человека, виновного в бедах березан и дубравцев, все же пересилило.

– Клянусь!

– Он просто скакал мимо нашего дома, а я как раз в окно смотрел. Поджигал он или нет, не знаю. Но что он вообще делал в наших землях ночью...

– Кто — он?

Я еле сдержался, чтобы не схватить Ярослава за грудки и не вытрусить из него все.

– Ты не поверишь. Но поэтому он так себя и ведет. И преступника никогда не найдут, он не станет искать.

- Порази тебя стрела Перуна! - прорычал я. - Ты назовешь его имя в конце концов?

Ярослав пристально посмотрел мне в глаза и отодвинулся от меня, будто ожидал, что я его ударю. А потом произнес по слогам:

- Ве-ли-мудр!

Глава четырнадцатая. Качели из перьев и прыжок в настоящее

Мы выехали часа через два после моего разговора с Ярославом. У родителей не отпрашивались, им было не до нас, а Птичьи сады гораздо ближе к нашим землям, чем дворцы богов.

- Если получилось слово «Перо», нам надо к девам-птицам, - согласилась Мила. - Но они капризные, мало кому помогают. Так баюны говорят.
- Сирин, Алконост, Гамаюн, - не спеша перечислил Богдан. - Алконост из них самая приветливая. И самая симпатичная. А что? - он заметил, как Мила подкатила глаза. - Личико у нее ничего так. Жаль, тело птичье и вместо ног лапы с шершавыми когтями.
- Можно подумать, ты их щупал, - усмехнулся я.
- Делать мне больше нечего.
- Она бы и не позволила.
- Да не нужны мне ее лапы!
- Вообще-то, они похожи на совиные, - вмешалась Мила. - У сов такие же толстые пальцы с загнутыми когтями.
- У дев-птиц толще, - возразил Богдан.

Сдались нам всем их лапы. Наверное, мы готовы были обсуждать что угодно, лишь бы избавиться от мыслей о пожаре и гибели Первака. Но разве от них избавишься?..

- А вдруг мы там понадобится? - спросила Мила, не поясняя, где «там», и так все поняли. - Могли бы завтра к птицам съездить.
- Мы ничем уже не поможем Перваку, - сказал я, начиная злиться. Сколько раз повторить, чтобы она поняла. - У нас каждая минута на счету.

Мила все, конечно, понимала. Я сам чувствовал себя скотиной, бросившей людей в беде, но мы правда должны были спешить. С женой и матерью Первака осталось много людей, и каждый стремился уменьшить их горе, хоть и знал — оно такое огромное, что с ним не справиться и всем миром.

- Слушайте, а Гамаюн-то — птица вещая, - вспомнил Богдан. - Попросим ее рассказать, что нас ждет?
- Попроси, а я погляжу, как она тебя хвостом ударит, чтоб ты улетел далеко и никогда не возвращался, - съязвила Мила. - У Гамаюн нельзя о таком просить. Она сама скажет, если захочет.
- Она ведь все видит? Значит, и того, кто поджег дома дубравцев, тоже. Жалко ей с нами видениями поделиться? - не сдавался Богдан.

Я дернулся, машинально ударив пятками Добряка. У меня не было времени переварить сказанное Ярославом, но теперь мне ясно представился Велимудр, скачущий с факелами мимо домов дубравцев. Велимудр — поджигатель? Велимудр, которого березане любят, как родного отца и который готов отдать жизнь за каждого из них! Жаль, я не дал Ярославу в глаз. И за свой фингал расплатился бы заодно. Но червь сомнения все же заполз. Гадкий червь... Один из тех, что заползали к Велесу.

Мила и Богдан спорили, стоит ли расспрашивать Гамаюн о поджоге.

- На месте посмотрим, - рассудил их я. - Главное, чтобы Сирий не спела свою страшную песню.

Предстоящая встреча с Сириной пугала больше всего. Я с детства слышал, что ее песня сулит близкую смерть, да и просто увидеть эту птицу — не к добру. А баюны часто повторяли, будто она заволаживает своим голосом мужчин и забирает к себе, в Птичьи сады, а там заставляет их надеть вместо обычной одежды штаны из перьев и плясать с утра до ночи. Так они у нее и живут до самой смерти, ни один домой не возвращался.

— А вот и Птичьи сады, - сказала Мила.

Я уставился на кованые ворота, у которых по центру было дерево с перьями вместо листьев, а по бокам соколы — получалось, они смотрят друг на друга.

— А забор длиннющий. Где он кончается? - спросил Богдан.

— Меня больше волнует, что за ним, - ответил я.

А за ним виднелся великолепный сад с яблонями, грушами и другими деревьями, я не мог их разглядеть. На деревьях верещали птицы, в воздухе кружились перья, и вся земля в саду была устлана перьями.

Неожиданно закудаhtала курица, и ворота отворились.

Мы спрыгнули с коней, но входить в сад не спешили.

— Ко! Кони останутся за оградой, - услышали мы и увидели курицу.

Она была почти с меня ростом — такая если клюнет, мало не покажется, и все время вертела туда-сюда головой. Странно, что мы ее сразу не заметили.

— Не думал, что тут есть говорящая курица, - шепнул мне Богдан.

— А что, я не птица? И слух у меня хороший, предупреждаю — гадостей не говорить! Ко!

Я подавился смешком: Богдану приходилось смотреть на курицу снизу вверх, тут уж волей-неволей будешь выбирать выражения.

— Надеюсь, вы знаете, куда пришли. Это Птичьи сады, хотя со стороны кажется, будто тут один большой сад. Но у каждой птицы он свой.

- Так уж и у каждой, - не поверил Богдан. - Тут их вон сколько.
- У каждой важной птицы, - поправилась курица.
- А ты важная птица?

Я пнул Богдана локтем в бок, чтоб не нарывался.

- Попробуй пройти без моего разрешения, узнаешь. Ко! Вы, кстати, к кому?
- Нам нужно перо, - честно признался я. - Мы решили, что одна из трех дев-птиц нам подскажет, где его взять. Алконост, Гамаюн или Сирин. Или все вместе.
- Решили они... Ну правильно. Этим девам все известно. А подскажут или нет, как повезет.

Курица окинула нас презрительным взглядом.

- Вряд ли вы их чем поразите. Ко!
- А чем их обычно поражают? - спросила Мила.
- Ты вообще не высовывайся, - сказала ей курица. - Они не любят, чтоб сюда девушки приходили, да еще красивые.

Мила смущенно улыбнулась.

- И радоваться тут нечему. У тебя вон все на месте, а они... то ли птицы, то ли девицы. Так что не зли их, - она еще раз оглядела нас. - Идите, я вам разрешаю. Ко!
- А в какую сторону? - я повертел головой точь-в-точь, как это делала курица. Чуть было «Ко» не добавил.
- Может, вам еще карту дать?
- Могла бы и расщедриться, - подложил язык Богдан.
- Если надо кого найти, найдете. Ко! Забыла о главном. Сорвите с этого дерева по два листа, - она повернулась к пахучему дереву, напоминающему липу. - Воткните в уши и не вынимайте, пока девы не

подадут знак. А то случайно услышите не ту песню, и считай, жизнь испорчена.

Листья были липкие и ворсистые, мне казалось, я налил себе меда в уши. Зато ничего не слышно. Курица повернула голову направо и застыла.

– Нам идти туда? - догадался я.

Она кивнула.

Мы шли, вдыхая аромат яблок и груш и то и дело вытряхивали из волос перья, берущиеся непонятно откуда.

– С неба они что ли падают? - спросил я, забыв, что Богдан и Мила меня не слышат.

Повторил свой вопрос при помощи рук, Богдан с Милой одновременно пожали плечами, а потом глаза Милы расширились от удивления и восторга, и она показала налево. Там, между двумя деревьями, висели качели, сделанные из перьев.

Мила подбежала к ним, потрогала сиденье.

– Дим, не поверишь! Оно прочное. Я хочу покататься!

– Смотри, не грохнись оттуда.

Сколько же перьев пошло на качели, чтобы они могли хоть кого-нибудь удержать?! Через пару секунд Мила уже вовсю раскачивалась, улыбаясь солнечным лучам. Печаль, которая в последнее время поселилась в ее глазах, куда-то исчезла. Качели из перьев — вот что нужно моей сестре для счастья, я и не подозревал. Парить над землей легко и беззаботно, задевая пятками облака. Закрыв глаза, отпустив мысли, раскинув руки. Парить, рождаясь заново...

Мы с Богданом любовались Милой: я открыто, он, делая вид, будто разглядывает качели, а не ее, но тут над качелями появилась тень. Она принадлежала большой птице, чьи перья переливались всеми цветами радуги.

Это была птица с головой девы — белокурая Алконост. Она взмахнула крылом и отвесила Миле подзатыльник, скинув ее с качелей.

Я бросился к Миле, а дева-птица уселась на качели, поднесла руки к ушам — кроме крыльев, у нее были человеческие руки! - и потрогала уши пальцами, будто вынимала что-то. Ах, да! Это же знак!

Как только мы освободились от листьев, Алконост заговорила, обратившись к Миле, и ее голос был еще нежнее, чем его описывали баюны.

- Мои качели дарят безмятежное наслаждение тем, кто на них катается, но ты должна была спросить разрешения.

Произнося это, сердитой она совсем не выглядела, даже улыбалась.

- Простите. Я не знала, что они ваши. И спросить было не у кого.
- Я не умею долго злиться, злость — подруга печали, а мне по душе веселье. Хотите послушать, как я пою?

Наше замешательство вызвало у нее смех.

- Не бойтесь, мое пение не причиняет вреда хорошим людям. Вы же хорошие?
- А вдруг не совсем? - засомневался Богдан. Знаете, что мой дед говорит? Человек как береза: каким бы он ни казался светлым, темные черточки всегда найдутся. И наоборот, на темных деревьях есть и светлые пятна.
- Не на всех, - возразил я.

- Просто не везде их можно сразу разглядеть.
- Какие вы милые! - Алконост хлопнула в ладоши. - Моей сестре Гамаюн вы точно понравитесь, она любит порассуждать и поспорить, но сейчас к нам летит другая моя сестра — Сирин.

Я машинально схватился за уши, чтобы закрыть их.

- Нет-нет, - успокоила меня Алконост. - Она не станет петь. И листья для ушей вам больше не понадобятся. Мы уже знаем, что вы здесь и будем осторожны с песнями.

Сирина тем временем подлетела к нам и опустилась на ветку недалеко от качелей. Взглянув на нее, я вспомнил Лану: такое же бледное лицо, тени под глазами и черные волосы, но глаза у Сирины были не темные, как у Ланы, а голубые, из них капали серебристые слезы.

– Не обращайтесь внимания, Сирин всегда плачет, – пояснила Алконост. – У нее постоянно находятся для этого причины.

– Как у тебя для смеха, – сказала Сирин, вытирая слезу серо-коричневым крылом.

В отличие от Алконост, рук у нее не имелось, только крылья.

Она внимательно посмотрела на меня, скользнула взглядом по Миле, немного задержалась на Богдане и вернулась ко мне.

– Давно к нам не забредали симпатичные парни.

Ее голос струился, обволакивая все вокруг. Хотелось, чтобы она говорила и говорила.

– Ты умеешь танцевать?

До меня не сразу дошел смысл вопроса. Танцевать?! Значит, слухи про нее — правда, и она потребует, чтобы я надел штаны из перьев и развлекал ее.

– Я плохо танцую. Даже отвратительно, – ответил я, почти не соврав.

Иногда, я, конечно, мог поплясать со всеми на праздниках, но искренне считал, что кусок полена и то будет скакать лучше, если услышит музыку.

– Все равно станцуешь! – заявила Сирин. – Я сама решу, хорошо или плохо.

– Кажется, ты влип, приятель, – усмехнулся Богдан.

– Не смешно, – огрызнулся я.

Еще не хватало застрять навечно у нее в саду.

– А вот и наша прекрасная Гамаюн! – объявила Алконост.

Я задрал голову, думая, что увижу большую летящую птицу, похожую на Алконост и Сирин, но в небе никого не было, зато на ветке, на том же

дереве, где сидела Сирин, появилась птичка размером с воробья, но с человеческим лицом, хоть и маленьким. Тоже красивая, с густыми каштановыми волосами, почти полностью закрывающими ее птичье тело. Приглядевшись, я заметил, что у Гамаюн нет ни рук, ни крыльев. И тут баюны не соврали, рассказывая, будто летает она с помощью хвоста, а за ветки цепляется перьями, потому что лап у нее тоже нет. Зато хвост великолепный. Когда Гамаюн распустила его, я ахнул. Столько перьев и все разные: и по форме, и по цвету.

- Что тут у вас? - строго спросила Гамаюн у сестер.
- Гости! - весело ответила Алконост.
- А зачем они здесь? Вы поинтересовались?

Алконост быстро захлопала ресницами, а Сирин удивленно изогнула бровь.

- Все с вами ясно. Одна решила, они явились сюда, чтобы покататься на ее качелях, а вторая уже присмотрела нового танцора, и больше ее ничего не заботит.
- Хорошо, что ты обо всех заботишься, - протяжно произнесла Сирин.
По ее тону я не понял, она это серьезно или пытается подколоть сестру.
- Теперь вы говорите, - обратилась Гамаюн к нам.

Она буравила меня взглядом, и я сбивался из-за этого, но кое-как рассказал про послание, которое мы получили.

- И какое именно перо вы хотите?
- Мы не знаем. Надеялись, вы подскажете.
- Птиц в наших садах много и перьев тоже, но лучшие перья у нас троих.
Если Алконост подарит свое перо, этого человека ждет большая радость.
- А если Сирин, горе? - ляпнул Богдан.

- Ее перо может дать человеку то, чего ему больше всего не хватает, - ответила Гамаюн. - Но взамен заберет нечто ценное. Чаще всего, люди остаются недовольны таким обменом.

«Это мы уже проходили с богом ветра, - подумал я. - Свой дар я отдал любителю колокольчиков и больше таких сделок не хочу».

- А если попросить перо у вас? - спросила Мила.
- Я просто так перьями не разбрасываюсь, - усмехнулась Гамаюн. - Чтобы получить мое перо, нужно очень постараться, выполнить мое задание.
- Мы постараемся.
- Старательная какая, - хмыкнула Сирин, прищуриваясь. - Может, прогнать ее? Что она тут вообще забыла?

Не зря курица говорила, чтобы Мила не высывалась. Похоже, некоторые из дев-птиц и правда недолюбливают девушек. Сирин уж точно.

- Моя сестра останется со мной, - вступился я за Милу.
- Сестра? - голос Сирин потеплел. - Ладно, пусть остается, но не вмешивается в наш разговор.
- Я предлагаю вам хорошо подумать и решить, у кого из нас вы возьмете перо, - сказала Гамаюн.
- Мы сами решим? - удивился Богдан. - А если выберем не то?
- Люди постоянно ошибаются в своем выборе. И ничего, живут дальше.
- Но мы не можем ошибиться, - возразил я.
- Не можете, так не ошибайтесь.
- Гамаюн! - окликнула сестру Алконост. - А давай каждая из нас покажет себя во всей красе. Так им будет проще выбрать.
- Иногда тебя посещают здравые мысли, - одобрила Гамаюн.

Птицы разом поднялись в небо.

Они немного покружились в облаках, а потом Сирин и Гамаюн разлетелись в разные стороны, оставив Алконост в центре, прямо над нами.

Она смешно растопырила крылья, перевернулась вверх лапами и начала вращаться. На землю посыпались перья: желтые, красные, оранжевые, зеленые, фиолетовые — их летело столько, что Алконост давно должна была остаться лысой. Перья устилали землю, но на птице их не становилось меньше.

Наконец, она замерла и звонко воскликнула:

- Яркая и веселая жизнь — я могу подарить ее вам!

После Алконост на середину вылетела Сирин и с тоской поглядела вниз. Она подняла крыло, закрывая лицо, и небо заполнилось черными перьями. Они не упали вниз, а собрались в огромную тучу, заслонившую солнце.

- Только потеряв солнечный свет, мы начинаем ценить его! - громко произнесла Сирин, убрав крыло от лица и посмотрев на меня. По моей спине побежали мурашки.

Она снова закрыла лицо и полетела к Алконост, освобождая место для Гамаюн. Черные перья исчезли, словно солнце сожгло их дотла.

Я с нетерпением ждал, что покажет Гамаюн. Но она просто развернула свой хвост так, чтобы мы могли рассмотреть каждое перо, и вскоре спустилась к нам.

- Одна веселится, другая упивается печалью, - сказала она. - Обе не понимают, что человеку нужно и то, и другое. И обе любят пустить пыль в глаза. Но кто хочет увидеть, и так все увидит.
- Она всегда так говорит, - рассмеялась подлетевшая к ней Алконост. - Но выбрав меня или Сирин, вы хотя бы представляете, что выбираете. А Гамаюн непредсказуема.

Алконост села на качели, а Сирин и Гамаюн разместились теперь на разных деревьях.

Я смотрел на них и понимал, что решение у меня уже есть и вряд ли оно изменится — я хотел получить перо Гамаюн.

- Выбери Алконост, - сказал Богдан. - От ее пера ничего плохого не будет, а с этими двумя попробуй разберись.
- Тогда уж лучше Сирин, - удивила всех Мила. - Потому что кажется очевидным — зачем брать перо у вестницы несчастий. Возможно, тут есть подвох.

Сирин я выбрал бы лишь в крайнем случае. Мало того, что она, мягко говоря, странная, еще и танцевать меня заставит.

- Я выбираю перо Гамаюн.

У меня не было сомнений, когда я это говорил. Гамаюн — мудрая птица, я слышал, она бывает в подземном дворце Велеса, и кто еще, если не она, может нам помочь.

Алконост хихикнула:

- Ну и зря. Не хочешь легкий путь, иди сложным.

А Сирин поджала губы, не скрывая, что обиделась, и по ее щекам потекло вдвое больше слез, чем до этого. Я почувствовал себя неловко и хотел утешить ее, но не нашел подходящих слов, а Гамаюн велела следовать за ней.

Летела она быстро, нам пришлось бежать следом и не было времени разглядывать птиц, которые встречались по пути. В одном месте я все же притормозил. Мила и Богдан тоже застыли с отвисшими челюстями. На ветках сидели не птицы, а здоровые мужики разного возраста, одетые в перья. Кроме перьевых штанов, на них были накидки из перьев.

- Ничего себе! - присвистнул Богдан. - Эй, вы там что, гнезда вьете?

Никто из мужчин не повернулся в нашу сторону.

- Вроде не спят, - сказала Мила. - Глаза открыты.
- Они реагируют только на голос Сирин, - пояснила Гамаюн, вернувшись за нами. - Мы летим через ее сад.

- А что они делают на ветках? - я всматривался в лица, на которых было написано полное равнодушие ко всему.
- Отдыхают. А стоит Сирий позвать их, начинают танцевать.
- И так день и ночь?
- Еще едят иногда. В нашем саду много яблок, груш и всяких ягод.
- Я бы с ума сошел — есть одни ягоды, - скривился Богдан.
- Неужели они не пытаются сбежать? - спросил я.
- Им это ни к чему, они уже не принадлежат себе и не хотят никуда отсюда уходить. Без Сирий их жизнь не имеет смысла.
- Не, нормально она устроилась, - хмыкнул Богдан. - Все слезы льет, а сама новых плясунов ищет, - он похлопал меня по плечу. - Может, ты зря отказался?
- Жаль, она тебя не выбрала. Шутил бы тогда!
- Это сад Сирий? - уточнила Мила. - А как понять, где он начинается, а где кончается?

Никаких дополнительных заборов и калиток не было, а деревья походили друг на друга, но Гамаюн ответила, что для обитателей Птичьих садов есть свои опознавательные знаки, например, на входе в ее сад ветки двух деревьев переплелись так, будто они обнимаются.

Мы побежали дальше за Гамаюн, и я увидел эти деревья. Одно было повыше и потолще, а второе совсем тонкое, изогнувшее ветки, как руки для танца. Я представил, что это мы со Златой. Стали деревьями, птица вылетела у нас на головах, и нам ни до чего нет дела.

В саду у Гамаюн на земле почти не было перьев: она же сказала, что не разбрасывается ими. Еще одна странность — там не пели птицы.

- Предпочитаю тишину, - Гамаюн зацепилась перьями за ветку и осталась на ней. - В тишине лучше думается. Поэтому я прогоняю птиц в другие сады.

- А сколько тут всего садов? - поинтересовался я.
- Шесть. Сад с качелями, как вы догадались, принадлежит Алконост. Есть еще сад Жар-птицы и два полузаброшенных сада — птица Стратим и птица Гагана редко тут бывают. Стратим обожает воду и своим криком может заставить любую реку выйти из берегов. Но рек ей мало, поэтому она улетает в большой мир, где есть кое-что побольше, чем реки и озера.
- Что?
- Неважно. Вам этого знать не требуется.

Я кивнул, но очень хотел поспорить. И боги, и светозары, и девы-птицы считают, что не нужно ничего рассказывать людям о мире великанов. Неужели не понимают, что нам все равно интересно?

- А Гагана тоже обычно там? - продолжил я свои расспросы.
- Нет, она охраняет камень Алатырь, на котором стоит Мировое Дерево. Упоминание Мирового Дерева вызвало у меня бурю разных чувств.
- А здесь она бывает? Она может отвести нас к Дереву? Если так, нам нужны вовсе не перья, нам нужна птица Гагана.

Гамаюн расхохоталась.

- Твое счастье, что Гагана это не слышит. Чтобы она сама отвела кого-то к священному камню! Да она скорей выклюет железным клювом твои глаза и раздерет твою грудь медными когтями.

Но я не спешил отказываться от этой идеи — почему бы не добраться до Дерева с помощью Гаганы? — и попробовал найти поддержку у Милы и Богдана.

- Перья! В ее саду наверняка полно перьев.
- Хочешь пойти в сад и взять какое-нибудь перо? - спросил Богдан.
- И как мы пойдем, какое? - нахурилась Мила.

- Так, мои хорошие, - подозрительно по-доброму улыбнулась Гамаюн. - Идите куда хотите, но моего пера вам тогда не видать.

Это меня остудило: если продолжу метаться между птицами, уйду отсюда ни с чем, Гамаюн ясно дает понять, что ее перо — единственно правильный выбор.

- Ладно. Что мы должны делать, чтобы получить перо?
- Вот это другой разговор. Выполнить мое задание. И не «вы», а «ты». Без помощи сестры и друга. Согласен?
- Конечно, - с готовностью кивнул я.

Гамаюн отвернулась от меня и приказала смотреть на ее хвост. Сколько же на нем узоров! Сколько красок! Когда мой дар вернется, нарисую новый узор — с хвостом Гамаюн. А пока я просто любовался им, запоминая каждый изгиб пера. Одно перо, золотое, с красно-черной каймой, упорно притягивало взгляд, у меня появилось дикое желание вырвать его и броситься наутек. Разумеется, я бы этого не сделал, но рука сама тянулась к перу. Оно? Наверное, это и есть оно! Вырывать его нельзя, Гамаюн не простит, но потрогать-то его я могу. Была не была!

Я коснулся пера, и мое тело пронзила острая боль, но через мгновение все прошло, я заметил, что стою не на земле, а прямо на хвосте Гамаюн, и этот хвост, отделившись от самой девы-птицы, висит в воздухе, каким-то образом удерживая меня на себе. А со всех сторон нас окружают точно такие хвосты, и они все время двигаются.

- Не пугайся! - услышал я голос Гамаюн, но ее нигде не было видно. - Это и есть мое задание.
- Эмм... Постоять на вашем хвосте?
- Поймать за хвост настоящее. Ты заметил? Те, которые только что были впереди, уходят назад. Будущее так быстро становится прошлым...

Только что ты его ждал, и вот оно наступило, оставив одни воспоминания. А как быть с настоящим? Где оно?

– Я стою сейчас на нем, - предположил я.

– Уже не стоишь, - хихикнула Гамаюн.

Хвост выскользнул из-под моих ног, и я думал, что рухну на землю, но под ногами уже был другой хвост, потом третий, четвертый, пятый...

– Настоящего нет, - сказал я. - Есть прошлое и будущее.

– Ты долго думал? - Гамаюн совсем развеселилась. - Оно есть, но не каждый умеет его почувствовать. Кто-то все время смотрит в прошлое, сожалея о нем, а кто-то в будущее, мечтая о лучшей жизни. Это мешает задержаться в настоящем. В твоих силах остановить движение ненужных тебе хвостов. Наведи порядок в своей голове, и все получится, ты сам заставляешь их двигаться.

– Я? Но как? Они летят и летят мне под ноги.

Гамаюн молчала.

Я смотрел на хвосты, начиная их ненавидеть. Трудно им замереть на пять минут? Они замрут, Гамаюн увидит, что я справился с задачей и даст перо. Все просто.

Стоило мне об этом подумать, как на меня хлынула целая лавина хвостов, я даже не успел посчитать, сколько их поменялось под моими ногами за несколько секунд. Стоп! В моей голове постоянно крутятся мысли, что будет, когда я получу перо. Вот почему такой поток хвостов из будущего!

А если что-нибудь вспомнить? Догадка была верной. Я вызвал в памяти недавний вечер, когда мы со Златой ехали на соревнования, и хвосты начали двигаться в обратном направлении. Но это опять не то, что мне нужно.

Я зажмурился, пытаюсь сосредоточиться. Открыл глаза, и солнце ослепило меня. Щурясь, я смотрел на медленно ползущие по небу облака, которые сбились в кучу и толкали друг друга. Небо почти полностью было

белым, облака оставили редкие синие просветы, казавшиеся дырами в простыне. Я взглянул под ноги, и понял, что движение прекратилось, а я спокойно стою на одном и том же хвосте.

- Что ты чувствовал, любуясь облаками? - спросила Гамаюн.
- Не знаю. Что-то хорошее.
- Может быть, счастье?

Теперь я не только слышал Гамаюн, но и видел ее. Я снова стоял на земле, а хвосты исчезли. Все, кроме того, что принадлежал деве-птице. Она плавно покачивала им, сидя на дереве и разговаривая со мной.

- Счастье? При чем тут оно? Я буду счастлив, когда выполню задание богов и когда ко мне вернется дар, и когда я стану опоясником, и когда... Чуть не ляпнул: когда Злата влюбится в меня, забыв про Яна.
- Многие люди так думают, - вздохнула Гамаюн. - Но они ошибаются. Счастье не живет ни в прошлом, ни в будущем, оно всегда в настоящем. Большое или маленькое — оно такое, каким ты его видишь, а если совсем не обращаешь на него внимания, становится невидимым и кажется, будто его нет.
- Но мне мало этого... - я снова взглянул на облака. - Облачного счастья.
- Хочешь заоблачного?

В глазах Гамаюн появился веселый блеск.

- Ладно, со своим счастьем ты сам разберешься. Я могу только дать тебе перо, как и обещала.

Она тряхнула хвостом, и ко мне в руки полетело серое перышко, наверное, самое неказистое из всех, что были в ее хвосте. Покрасивей дать не могла?

- Что? Не нравится? Ну, извини, такое выпало.
- А оно точно то самое?
- Другого я тебе все равно не дам.

Я спрятал перо в кошеле, а Гамаюн зевнула и устроилась на ветке поудобней.

- Что-то мне спать захотелось. Люди так утомляют! Иди к своим, заскучали небось без тебя.
- А где они? - встрепнулся я, сообразив, что оставил Милу и Богдана здесь перед тем, как оказаться среди хвостов прошлого, настоящего и будущего.

Хороший я брат и друг, ничего не скажешь! И не заметил сразу, что они пропали.

- Их забрала к себе Алконост, решила угостить ягодами. Беги к ней, и тебя угостит.
- Уже бегу. Спасибо вам! Правда, я еще спросить хотел...
- Ну так спрашивай.
- Вы же вещая птица? На любой вопрос можете ответить?
- Не на любой, но я многое вижу. А тебе, выходит, пера не хватило? Еще и ответы мои подавай.

Наверное, это и правда было наглостью, я уже собирался сказать, что она и так мне очень помогла, поэтому сейчас я просто уйду, но она меня опередила.

- Один вопрос, один ответ. Не прогадай. Спроси о том, что тебя больше всего волнует.

Я не поверил своим ушам. Однако, надо спешить, пока она добрая.

- Давай же! Я жду.

И тут у меня помутился рассудок. Вместо того, чтобы узнать, кто украл у дубравцев фибулу и поджег дома, я спросил совсем о другом.

- Мой дар вернется ко мне? - выпалил на одном дыхании и замер.

Что же я наделал? Как я мог потратить вопрос на себя?

- Тебе не повезло, - сказала она, и внутри у меня все похолодело. - Я не вижу, что будет с твоим даром. Тут все зависит от тебя.

Из моей груди вырвался вздох облегчения. Я не услышал «нет», это уже хорошо. И не получил ответ, поэтому задам другой вопрос — какой и должен был задать. Но Гамаюн еще раз зевнула, прикрыла глаза и пробормотала, засыпая:

- Больше никаких вопросов. Да, никаких... Не повезло, так не повезло...

Она даже не попрощалась со мной, просто уснула, словно меня и не было рядом. Я побежал в сад Алконост, ругая себя последними словами, из которых «недоумок» было самым мягким. Как я мог так оплошать?! Ни о ком не подумал, кроме себя. Дар, дар... Один дар у меня точно есть — совершать идиотские поступки.

Глава пятнадцатая. Опасный план и светящиеся круги

- Ма-а-ам! Кажется я совсем запуталась.

Злата отлепила от пальцев кусок теста и бросила его в чашку, возле которой сидела уже больше часа.

- Опять положила ржаной муки больше, чем льняной? - Бажена кружилась в танце со сковородкой. - Говорила же — клади одинаково.
- Да я не про ржалёнки... Про парней. Тебе когда-нибудь нравились сразу двое?

Бажена перестала танцевать и облокотилась на край стола.

- Посмотри, как я натерла сковородку березовыми листьями. Блестит!
- Мам!
- Что ты хочешь от меня услышать? Я знаю про твои проделки. Ты приехала с березанином на состязания светозаров. Хотела подразнить Яна?

- Нет! Я даже не думала об этом. Просто встретила Дима и пригласила. Дим такой... милый! У него ямочка на подбородке. А когда он улыбается, у меня сердце подпрыгивает. А еще я обожаю его оттопыренное ухо. Он стесняется, а я обожаю.
- Но косые глаза Яна тоже не оставили тебя равнодушной? - усмехнулась Бажена.
- Ян меня бесит! Ну то есть... бесил сначала. Но он оказался забавным. Ты бы видела, как он скачет на лошади! А как рисует в небе мечом! Не согласишься — я хочу, чтобы он снова написал мое имя.
- Он и так не будет возражать, если ты скажешь, что поторопилась отказать ему.
- Ничего такого я не скажу! - вскинулась Злата. - Я не стану его невестой, я же выбрала Дима.
- Но теперь Ян тебе нравится больше?
- Нет!

Злата нечаянно залезла рукой в муку и рассыпала ее на стол. А вообще, что мама имела в виду? Больше, чем нравился раньше или больше, чем Дим? В первом случае твердое «да», а во втором... Она не может однозначно ответить на этот вопрос.

- А ты сразу папу выбрала?

Злата взяла у мамы сковородку, повернула ее внутренней частью к столу, и рассыпанная мука сама собралась в кучу, а потом притянулась к сковородке.

- Раньше, чем он меня, - ответила Бажена. - Мне было десять лет, а ему четырнадцать, и он, конечно, не обращал на меня внимания. Я очень боялась, что пока вырасту, он выберет другую невесту, но он так и не выбрал за четыре года, сам не понимал, почему. Помнишь, я сказала тебе, что у берегинь огромная женская сила? - Бажена присела на

скамыю. - Если берегиня любит по-настоящему, ее любовь обязательно станет взаимной. Но берегиня способна и отвернуть от себя того, с кем она быть не хочет. Чтобы он не страдал и не надеялся напрасно.

- Я понимаю, к чему ты ведешь, но знать бы еще, кого отворачивать...
- Ясно кого — Дима. Зачем ты морочишь ему голову? Боги возложили на него важную миссию, а ты его отвлекаешь. К тому же, Ян — защитник Дима. Хочешь их поссорить?

Злата зачерпнула в ладонь муки и намазала себе ею нос и щеки.

- Почему все так сложно? А кстати, - вдруг оживилась она. - Как быть с берегинями, которых выбирают боги? Они сами этого хотят?
- Разумеется.
- Я бы не хотела. Боги ведь не живут с берегинями, некоторые и сыновей своих видеть не желают. Вот когда папа в последний раз общался с Хорсом? По-моему, очень давно. А когда я гостила у деда? Хорсу внучка не нужна!
- У богов другие заботы. Ты рассуждаешь, как человек. Твоя дружба с Димом не идет тебе на пользу.
- При чем тут Дим? Ян, между прочим, тоже обижается на отца.
- Пусть берет пример со своего друга Данко. Тому не надо все объяснять, как маленькому. И его мать, Славия, прекрасно понимала, что их союз с Посвистом недолговечен, но это был ее выбор, она о нем не жалеет.
- Славия сама тебе это говорила?
- Да. Почему тебя это удивляет?
- Сла-ви-я, - задумчиво повторила Злата, пытаюсь вспомнить, видела ли она ее среди маминых подруг. - Она тоже полудница?
- Нет, просто берегиня. Из тех, кто не относится ни к какому времени суток.
- А ты бываешь у нее в гостях?

- Не часто. А что?

В голове у Златы созрел план, как выяснить, кто из приятелей Яна сговорился с Мороком и убил Чеслава. Меч с записью голоса Ян проворонил. Точнее, проспал. Ох, как ей хотелось огреть Яна сковородкой! Мог бы догадаться, что его усыпят! Хотя она и сама не догадалась, но ничего... Рано этот светозар радуется. Она обыщет терема, где живут Данко и Глеб, и все узнает.

- А с мамой Глеба ты дружишь? Кто его мама и папа?
- Папа — всеми обожаемый бог любви Лель, а мама — заряница Пава. С ней мы тоже видимся. К чему эти вопросы?
- Да так... Хочу сходить к кому-нибудь в гости. Вместе с тобой.
- Злата! - Бажена взяла дочь за подбородок. - Ну-ка рассказывай давай. Но не сочиняй ничего, я не поверю, что ты случайно решила сходить к друзьям Яна.

Злата тяжело вздохнула, распыляя вокруг себя муку, и выложила маме все: о том, как нашла меч и как его украли у Яна, и о своем новом плане. Бажена слушала спокойно, не кричала и не пыталась образумить дочь, собравшуюся самолично разыскать убийцу. Она лишь немного раскачивалась, звеня височными кольцами.

- И что ты хочешь найти? Меч? Вряд ли убийца так глуп.
- Сонный порошок. Если из короба его недавно брали, он будет розовым, а если нет, желтым.
- Но Славия и Пава могут сами пользоваться порошком.
- А мы проверим. Расспросим. Мало кто им пользуется на самом деле. Вон у тебя он сколько лет уже лежит.
- Я и так хорошо сплю. Вернее, спала. До нашего сегодняшнего разговора. И Бажена крепче обняла дочь.

Богдан никак не мог утолить голод. В саду у Алконост он съел несколько груш, яблок и жменю ягод, но по дороге домой продолжал жевать ягоды: Алконост дала нам с собой целый короб.

- А кто говорил, ягоды — это не еда? - напомнил ему я.
- Конечно, не еда. Но еду мы не взяли, потому что ты сказал, мы быстро съездим.
- Да и не до еды было, - заметила Мила.

Все замолчали, задумались, что сейчас творится в родных землях. Сладкие голоса дев-птиц заставили нас обо всем забыть, но птицы остались в своих садах, а мы скоро поедem мимо сгоревшего хлева и мимо домов, в которых поселилось горе.

Конь Милы шел впереди, а лошадь Богдана отстала, решив пощипать траву.

- Твоя Чернушка обжора, как и ты, - крикнул я Богдану и догнал Милу.

Подходящий момент, чтобы признаться ей, как глупо я повел себя у Гамаюн. Мила, конечно, скажет: «Ничего страшного, Дим, ты раздобыл перо — это главное». Вот Богдан не будет щадить мои чувства. И правильно! Я упустил такую возможность! Знаю, как он разорется, поэтому и молчу. Трус несчастный!

- Дим! Дим! Что с тобой?

Я неопределенно пожал плечом. Со мной слишком много всего...

- Мне показалось или ты хотел посекретничать, пока Богдан нас не слышит?
- Да я подумал... Давно мы с тобой не болтали по душам.

О том, какой я идиот, я решил сказать при Богдане. Так честней. Поэтому заговорил о другом.

- Ты это... не обижайся, что я в твой тайник без разрешения лезу...
- Тайник? - улыбнулась Мила. - У меня их много. Ты в какой залез?

Она пыталась шутить, но глаза погрустнели.

- Я про Ярослава. Как я сразу не догадался, что ты страдаешь из-за него.
- Страдаю? Делать мне больше нечего!

В этом вся Мила — ее тайники всегда закрыты для всех, даже для самых близких. Наверное, если бы я был не старшим братом, а старшей сестрой, она доверилась бы мне, а так... стесняется. И я понятия не имею, как с девчонками говорить о парнях. А про этого ее дубравца тем более, он уже у всех поперек горла стоит. И Миле спокойно жить не дает, и до Велимудра добрался, еще и словом меня связал. Но я и сам не горю желанием рассказывать эту чушь.

- Темнеет, - прошептала Мила. - Надеюсь, дома нас не убьют.
- Выкрутимся. В крайнем слу...

Меня перебило ржание встревоженных коней. Добряк и Буян попятнулись, но вскоре застыли, словно окаменели.

- Какого лешего! - Богдан похлопал ногами Чернушку, но та даже не дернулась.
- Добряк вообще не шевелится, - я почувствовал, что по всему телу разбегаются противные мурашки.

Спрыгнул с коня: сидеть на нем и дальше не было смысла. Кто-то сделал так, чтобы кони не двигались, и этот кто-то пришел за мной.

- Приготовьте сережки, - сказал я Богдану и Миле, всматриваясь в непроглядную густоту деревьев.

Богда и Мила тоже спешили. Послышался тихий свист, больше похожий на шипение.

- Смотрите! - воскликнула Мила, показывая на землю.

Вокруг каждого из нас появились круги, светящиеся в темноте. Первым моим порывом было выйти из круга, но я не смог, наткнулся на невидимые стены, не выпускающие меня.

«Спокойно! - сказал я себе, доставая несколько сережек. - эти твари нас не одолеют».

Тварь была одна. Возникла словно из-под земли и мерзко захохотала. На старческом костлявом теле болталась длинная рубаха. Ноги покрыты язвами, на ногах рваные башмаки. Я никак не мог понять, кто передо мной — старик или старуха. Лицо закрывали слипшиеся зеленые патлы, а когда морщинистая рука убрала их с лица, я увидел один глаз на лбу. Там, где обычно бывают глаза, их не было: лоб переходил в щеки, между которыми торчал кривой нос.

— Лихо Одноглазое! - произнес я и задохнулся от ужаса.

Хохот. Визгливый, щекочущий нервы, которые оголились все разом.

Кинуть сережки. Оглушить и бежать, пока оно скалит зубы. Я поднял руку с сережками... Из моей ладони полилась вода! Я услышал, как ругается Богдан. Он тоже не успел — сережки стали водой.

Лихо забавлялось. Хохотало, сверкая одним глазом.

— Теперь вы мои! - утробным голосом провыло оно.

И кинуло в сторону:

— Выходите! Займитесь ими.

Они появились из ниоткуда, как и Лихо. Маленькие, покрытые зеленой шерстью существа с короткими руками и ногами. Шерсти не было только на лицах, точно таких, как у старшей твари.

— Хороши мои детки? Мои лиходелы!

Я насчитал шестерых. Они встали по двое возле каждого круга, и я увидел, что круги вовсе не нарисованы на земле. Это веревки, и лиходелы зачем-то тянут их в разные стороны.

Как только они начали это делать, я задержался туда-сюда одновременно с веревкой. Лиходелы не прикасались ко мне, но управляли мною, словно я был привязан. То же происходило с Милой и Богданом.

- Да я вас сейчас! Уроды! Сволочи! - кричал Богдан, пытаюсь дотянуться до лиходелов.

Никто из нас не мог ни выскочить из круга, ни перестать раскачиваться на забаву лиходелам.

- Довольно! - голос Лихо заставил их остановиться.

Один глаз смотрел на меня.

- Тебя избрали боги? - спросило Лихо, хотя, судя по всему, знало ответ. - Получше никого не нашли? И как это грызари не смогли тебя убить? Светозар помешал?

Я молча ждал, когда ему надоест задавать вопросы.

- Пусть попробует мне помешать, - Лихо зашло в приступе хохота. - И пусть поторопится, а то спасать будет некого. Но ты, герой, не волнуйся, я начну не с тебя. Сперва лиходелы убьют твоих спутников. Хочешь, расскажу, как это будет?

Во рту у меня пересохло, я с трудом смог заговорить не своим, осипшим голосом.

- Тебе же приказали убить меня, так? Меня, а не их!
- Но никто не говорил, что других нельзя трогать. Я и не трону, это сделают мои детки. Они очень любят обниматься и не виноваты, что объятия забирают у людей жизнь, особенно если одного человека обнимут по очереди шесть лиходелов. Но я не могу им запретить.

Я рванулся из круга, забыв, что он меня не выпустит. Рванулся и упал на землю.

Один из лиходелов вошел в круг к Миле. В глазах у Милы застыл ужас, она попятилась, но отступить было некуда. До ее круга всего несколько

шагов, я бы мигом перемахнул туда и выкинул паршивца, но светящаяся веревка следила за моими движениями. Лиходел издал странный звук — вроде радостного визга, и прыгнул на Милу, хватаясь за ее шею.

Она вскрикнула, стала отдирать его от себя, но безуспешно. Другой лиходел напал на Богдана, и там завязалась нешуточная борьба. Я был уверен, Богдан зашвырнет лиходела в ближайший куст, но, похоже, силы у лиходелов много — Богдан не мог с ним справиться, а Мила и подавно.

Выглядело это так, будто на Миле и Богдане висят неведомые зверьки. Когда они, наконец, отцепились, их жертвы едва держались на ногах.

— Теперь сопротивляться не будут! - обрадовалось Лихо. - Сил уже нет.

— Мила! - крикнул я. - Как ты?

Глупый вопрос. Но я надеялся хотя бы услышать ее голос. Не услышал. Мила ответила шепотом, а я не разобрал слов.

— Богдан?

— Я-то нормально, - отозвался он. - А вот она не очень...

Он с тревогой посмотрел на Милу и заорал прыгнувшему на него лиходелу:

— Ах ты, вонь одноглазая!

В Милу тоже вцепился лиходел. Она покачнулась и села на землю.

Я метался, врезаясь в невидимые стены, падал, грозился разорвать лиходелов на куски, но никто не обращал на меня внимания. Третий лиходел, четвертый... И Мила, и Богдан уже лежали на земле, не говоря ни слова.

— Не спешите помирать! - хохотнуло Лихо. - Мои детки расстроятся, если не успеют вас обнять. Еще двое.

Очередные лиходелы сидели на груди у Богдана и Милы, вытягивая из них жизнь.

— Ян! Я-а-а-н! - кричал я, призывая светозара.

Если он не придет, они умрут. Что же делать?! Если бы не веревка... Если бы не она... И тут меня осенило, что я ни разу не схватил её, чтобы просто убрать.

Я вцепился в веревку и тут же отдернул руки: ладони обожгло, словно я сунул их в огонь. Они покрылись волдырями, и я едва сдержал вопль, но, взглянув на Богдана и Милу, забыл о боли.

Я быстро скинул с себя рубаху, намотал на руки и снова потянул веревку, но она вырвалась и легла на место.

- Ничего не выходит? - захихикало Лихо.
- Останови их! Пусть обнимают меня, сколько влезет. Чего ты хочешь? Моей смерти? Но при чем тут они?
- Сказать правду? - Лихо сняло башмаки и почесало одну ногу об другую.
- Иначе мне тебя не убить.
- Но почему?

Я не понимал, о чем оно говорит. Разве шестеро лиходелов не смогли бы вытянуть из меня жизнь, как делают это сейчас с Милой и Богданом?

Вот они! Шестые! Подбираются к своей добыче.

- Смотри! - усмехнулось Лихо. - Больше ты не увидишь их живыми.

В горле застрял ком. Я переводил взгляд с Милы на Богдана, умоляя их не сдаваться, я кричал им, но вряд ли они меня слышали...

Внезапно все изменилось. Лиходелы бросились врассыпную, испугавшись чего-то.

Красный конь! Увидев его, я воспрянул духом. Все-таки Ян не оставил нас! Скорей, Ян! Скорей!

Он спрыгнул с коня раньше, чем тот подлетел к земле. От его меча шло такое же сияние, как от волос, но Ян успел взмахнуть им всего лишь раз. И лиходелы, и само Лихо исчезли. Светящиеся веревки тоже растворились в воздухе, словно их и не было.

Я кинулся к Миле. Она лежала с закрытыми глазами, сложив на животе руки. Рядом выругался Богдан. Жив! Но подняться на ноги он пока не мог. А Мила по-прежнему не открывала глаза, хотя я звал ее и тихонько тормозил, боясь вытряхнуть последние капли жизни.

- Отойди! - велел Ян.
- Почему ты так долго? - накинулся я на него.
- Потом объясню, не мешай.

В руках у Яна был золотой флакончик.

- Это нектар светозаров, - сказал Ян, поднося флакон к губам Милы. - Ей должно хватить. Но силы восстановятся не сразу, - он осторожно дотронулся до ее плеча. - Мила, сделай глоток, постарайся. Только глоток, и тебе станет легче. Потом сможешь выпить все. Одно усилие для одного глотка. У тебя получится.

Я боялся, что Мила его не слышит и захлебнется нектаром, но как только тонкая струйка нектара побежала по ее губам, она очнулась.

- Молодец! - похвалил Ян. - Пей еще. Немного оставим твоему другу.
- Я и так в порядке, - отмахнулся Богдан.

Но Ян напоил и его, пока я сидел возле Милы и слушал, как она шепчет, что ей уже лучше, и мы должны ехать домой.

- Поедем. Но пока лежи.

Я снова задал вопрос Яну:

- Ты раньше прийти не мог?
- Сигнала не было. Это же Лихо Одноглазое. Оно хитрое, понимало: если натравит лиходелов на тебя, я сразу примчусь и разгоню их. Поэтому взялось за Богдана и Милу.
- Как же ты вообще получил сигнал?

Еще не договорив до конца, я понял, как это могло быть, и Ян подтвердил мою догадку. Пока я просто метался внутри круга, моей жизни ничего не угрожало, но когда обжегся веревкой, у Яна зачесались пятки.

- Но Лиху ведь по-любому надо было меня убить. Как оно собиралось это сделать?
- Оно убило бы на твоих глазах сестру и друга и повергло тебя в отчаяние. К такому человеку Лихо легко присасывается и убивает его за несколько дней. Вытягивает из человека силы, даже не находясь с ним рядом, а когда полностью ломает его, приходит и пожирает его душу.
- В каком смысле?
- В прямом. А тело относит во владения Чернобога и бросает на съедение воронам.
- Понятно... Спасибо, что не дал нам всем умереть.
- Это не ради тебя.
- Знаю.
- Ну так и не благодари.
- Просто я думал, вдруг ты не захочешь прийти на помощь. Ну... из-за того, что мы со Златой приехали на соревнования...
- Про Злату ни слова! - взвился Ян. - И не заикайся на эту тему!

Сильно же его зацепило! Значит, он не подозревает, что на самом деле Злата только о нем и говорила на этих соревнованиях. Сказать ему? Наверное, так поступают благородные люди. А я... Ну как я ему об этом скажу? «Зря ты бесишься, Ян, она по тебе сохнет, а не по мне?» А если все не так? Я ведь очень хочу, чтобы это было не так. Нет, я ничего не буду ему говорить. Пусть Злата сама решает, кто из нас ей нужен.

Ян дал мне сушеную траву, чтобы я приложил ее к волдырям на ладонях. Травы ничем не пахла, но у меня защипало в глазах, и я потер их кулаками.

- Что это у тебя? - Ян уставился на меня почти с ужасом. Светозар никогда не видел фингалов?
- Да убери ты руки от глаз! - почти заорал он.
И начал нервно кусать ногти.
- Щиплет же, - возразил я. - От травы этой.
- Травы тут ни при чем! Что это у тебя?
Вот заладил.
- Подрался вчера, получил в глаз. Обычное дело.
- Я не про фингал! На твоих глазах пелена, оно успело тебя достать.
- Оно? Лихо?
- Да. Я думал, мне показалось. Но это пелена. Почти незаметная, людям ее сложно увидеть, а светозары видят. Когда Лихо присасывается к человеку, у того на глазах появляется что-то вроде серебристой пелены.
- Но как оно могло ко мне присосаться? Никто же не умер.
- Ты слишком испугался, что они умрут. Ты пережил это так, будто все уже случилось. Оно поймало тебя на твоём отчаянии.
- И что теперь? Эту пелену нельзя убрать?
- Нельзя.
- Выходит, что я...
- У тебя осталось несколько дней, а потом оно придет.

Глава шестнадцатая. Златогорный дворец и сундук светозара

Когда ты сильнее других, надо это скрывать. Пока не станешь сильным настолько, что никто не посмеет тебя остановить. Морок скрывал. Держался,

как мог, но однажды не устоял, не сумел отказать себе в удовольствии заморочить сразу несколько поселений.

Он хохотал, видя, как они укладывают детей на плоты и отправляют по течению реки. Самых маленьких, кому еще не исполнилось трех лет.

– Пусть плывут в лучшую жизнь! Туда, где они будут счастливы. Вы все умрете, а они нет, - убеждал Морок.

Многие хотели поплыть вместе с детьми, но он объяснил, что этот путь не для них.

Играть на чувствах людей просто, особенно если дело касается детей. Люди всегда думают, дети будут счастливей, смогут прожить вместо них новую жизнь, сделать то, что они не успели.

– Они доберутся? Не утонут? - спрашивали обеспокоенные родители.

Он лишь улыбался в ответ, и от его улыбки всем становилось спокойно. Ему верили, сила его внушения была безгранична.

Потом они очнулись бы и начали сомневаться. Побежали бы за плотами, бились бы в истерике... Но течение реки быстрое, а дети слишком малы, чтобы выплыть. Все шло по плану. По его плану! Пока одна из берегинь не увидела тонущих детей. Она кинулась вместе с другими берегинями спасать их, а потом доложила светлым богам.

Морока это не волновало — пусть светлые боги кидают в него копья. Поздно. Он, его отец Чернобог и мать Мара уже все приготовили, чтобы развлечься на полную катушку.

Как обычно, он почти не соврал людям, говоря, что отправить детей на плотях в новую жизнь — лучшая доля для их детей. Ведь он знал, какой кошмар начнется вскоре. Мара выпустит в мир все болезни, люди будут умирать один за другим, звери тоже погибнут или разбегутся, а земли, которые сейчас кормят людей, станут бесплодными — тут постарается Чернобог. Людям будет нечего есть, а в каждой семье и так немало детей. Да

он сделал им одолжение, пытаясь избавить от лишних ртов, а детей от мучительной смерти.

Морок был уверен, светлые боги ничего не сумеют противопоставить. Пока Род будет думать, что делать, Перун метать молнии, а солнечные боги спорить, кто из них дает людям больше света, мир изменится до неузнаваемости. Но он забыл про Сварога: никогда не угадаешь, что ждать от этого бога. Сварог пошел к Мировому Дереву и заручился его поддержкой. Ему оставалось только выполнить все, что оно сказала — заточить темных богов в другом мире, где они потеряют силу.

Сварог об этом пожалеет. Ему Морок отомстит отдельно, теперь он знает, чем небесный бог дорожит больше всего. Точнее, кем.

Думая о том, как он расквитается со Сварогом, Морок подъезжал к Златогорному дворцу. Когда-то он предложил родителям назвать так дворец, возведенный на вершине золотой горы. На горе ничего не растет, а сама она желто-коричневая, местами золотая. Мара хотела, чтобы дворец был полностью черным, и Чернобог порадовал жену. Стены из черного камня, черные колонны, сужающиеся книзу, на крыше, по краям, изваяния, высеченные из черного мрамора — четыре ворона с раскинутыми крыльями: каждый ворон смотрит в одну из сторон света. Два окна напоминают пустые глазницы, а дверь — огромную пасть чудовища, и подняться к ней можно только по серебряной лестнице, извивающейся, словно длинный язык. Забора вокруг дворца нет, дворец охраняют упыри, да и кто туда в здравом уме сунется.

Морок оставил коня упырям, вихрем пронесся к двери и дальше, по черным лестницам и коридорам внутри дворца, до просторного зала, где Чернобог и Мара сидели на своих тронах. Разумеется, тоже черных. На каждой стене висело два-три десятка черепов, которые принадлежали упырям. Упыря не так легко убить — он уже мертв и в одиночку без труда разделается с десятком здоровых мужиков. Раньше разделался бы, в другом

мире, а здесь их тоже лишили силы, а заодно естественного желания пить у людей кровь. Теперь они бесцельно бродят вокруг Златогорного дворца.

- В наших владениях слишком много мертвяков, - сказала однажды Мара.
- На меня это навевает тоску.

Она взяла серебряный серп и пошла сечь головы упырей.

- Ты хочешь украсить ими стены? - удивился Чернобог. - Разве тебе не станет от этого еще тоскливей?
- Я хочу видеть их на стенах! - заявила Мара, очаровательно улыбаясь Чернобогу, и он не стал возражать.

Морок обожал мать — от нее он унаследовал обаяние и способность влиять на людей, заставляя их поверить во что угодно. Кто мог подумать, что хрупкая женщина в лазурных одеждах — богиня, способная уничтожить тысячи людей?

Положив руку на один из черепов, Морок помахал другой рукой родителям, но не подошел — не хотел отвлекать их от наблюдения за битвой, происходящей в центре зала. Там сражались две лисогузки. Этих зверей когда-то создал Чернобог: гуси с лисьими головами получились злыми и задиристыми, они часто пожирали поверженных, а Чернобог с Марой каждый раз спорили, какая лисогузка победит.

- Морок, иди к нам! - позвал Чернобог. - Они только начали, это надолго. Расскажи, как наши дела.
- Великолепно! - Морок приблизился к трону отца, косясь на лисогузок. Обе лисогузки сильные и быстрые, отчаянно лупят крыльями по воздуху, готовятся вцепиться зубами в горло противника. Сразу не разберешь, на какую поставить. - Нет, правда. Дела идут великолепно! Лихо Одноглазое справилось с заданием, и дни героя сочтены.

- А если он успеет добраться до Древа? - Чернобог дернул себя за серебряные усы, а Морок намотал на палец косичку в своей бороде и усмехнулся: у них с отцом схожие привычки.
- Пусть попробует. У меня много способов его остановить. Но пока беспокоиться не о чем.

Послышалось рычание, щелканье зубов, по залу полетели перья. Лисогузка, которая оказалась проворней, вонзила зубы в крыло соперницы и безжалостно трепала его, а та пыталась укусить обидчицу за лапу, но не дотягивалась.

- Я выиграла! - воскликнула Мара, вскакивая с трона.
- Рано делать выводы, - с сомнением покачал головой Чернобог.
- Твоей лисогузке уже не вырваться, зря ты на нее поставил. - Мара широко улыбнулась и подошла к лисогузкам ближе. - Бейтесь сильнее! Больше ярости! Что вы как дохлые!

Лисогузка Чернобога, наконец, смогла дотянуться до желанной лапы, откусила ее, и тут же подмяла противницу под себя.

- Видишь, все может измениться, - сказал Чернобог Мороку. - Расслабляться нельзя. Я полностью положился на тебя и готов отказаться от правления нашим новым миром в твою пользу. Но не ошибись. Я бы на твоём месте подослал к нему и других убийц. Это надежней, чем ждать, пока Лихо разделается с ним окончательно.
- Полностью согласен. Есть у меня одна идея. Во-первых, надо кое-кого наказать за невыполнение моего приказа. Чтоб другим неповадно было. Во-вторых, уничтожить героя, хотя он и так уже не жилец. А в-третьих, его защитник мне очень не нравится. Чересчур мягкотелым оказался. У него невесту из-под носа уводят, а он строит из себя благородного светозара. Так что... сегодня или завтра — я еще не решил — будет у них веселая ночь.

- И не забудь нам потом все рассказать, - Мара обернулась к сыну. - А то мы тут изнываем от скуки.

Лисогузка, на которую ставила Мара, была уже мертвой. Рассерженная богиня схватила серп и снесла голову второй лисогузке.

Нам с Милой здорово досталось из-за позднего возвращения домой.

- Вам наплевать на меня и на отца! - кричала мама. - Уехали непонятно куда, а мы должны думать, где вы и что с вами. Да еще после всего, что произошло! Дубравцы дома наши жгут, людей убивают, а вы...

Она расплакалась, и по ее лицу пошли красные пятна. Я хотел обнять маму, успокоить, но не смог: представил, что с ней будет, когда она узнает всю правду, и мои ноги приросли к полу. Я так к ней и не подошел. Вспомнил взгляд, который был у матери Первака, и мне стало совсем жутко. Мама, папа, Мила... Если бы я мог все изменить...

Когда Ян сказал, что Лихо Одноглазое придет за мной, у меня начался приступ жалости к себе. Все это казалось жуткой несправедливостью: боги не позаботились обо мне, защитник не спас, я с детства был неудачливым, им и остался. А Ян небось втайне радуется, что скоро избавится от соперника.

Сгоряча я бросил ему это в лицо.

- Ду-рак! - процедил он. - Даже если бы я мечтал, чтоб ты сдох, меня это не порадовало бы. Никто не доберется до Мирового Дерева, только ты. И сейчас тебе не ныть нужно, не обвинять других и не жалеть себя, а идти к цели.

Его слова хлестали сильнее кнута, но привели меня в чувство.

- Я успею за несколько дней?
- Надеюсь, успеешь. Лихо не убьет сразу, оно будет питаться твоими слабостями. Стоит тебе раскиснуть, начнет жрать тебя, приближая день,

когда проглотит целиком. Чем ты сильнее, тем дольше продержишься. Возможно, неделю. Этого тебе хватит.

- А полностью победить Лихо нельзя?
- Нет, - Ян отвернулся. - Оно все равно явится за тобой. И я ничего не смогу сделать, потому что ты уже будешь принадлежать ему.

Я попросил Яна ничего не говорить Миле и Богдану. Ян довез нас почти до дома, побоявшись, что один я не справлюсь, а побывавшим в объятиях лиходелов станет хуже. Но Богдан сам взгромоздился на Чернушку и ехал, уверяя, что чувствует себя отлично, только зверски хочет есть. А Милу я посадил на Добряка. С одной стороны шел Буян, с другой красный конь, который вез Яна и недовольно фыркал из-за того, что приходится идти шагом, да еще и по земле, а не по небу.

Кто-то из мужиков доложил отцу, что видел нас в сопровождении светозара. Это было уже на следующий день, когда отец пошел в хлев.

- Ну-ка иди сюда, - позвал он меня, вернувшись. - Прогуляемся.

Дома, при матери, говорить не захотел.

Мы побрели вдоль соседских домов, глядя, как наливаются солнечным светом крыши, слушая кукареканье петухов, вдыхая запахи лепешек, меда и молока — утро разгоралось все сильнее, и каждая хозяйка спешила накормить семью.

- Вадим, - начал отец. - Я знаю, что не всегда и не все можно рассказать, особенно если ты связан данным словом. Но я вижу, ты изменился.

Неужели он заметил на моих глазах плену? Я сколько в зеркало не пялился, никакой плены не нашел, даже начал думать, что Яну она померещилась. Но Ян предупреждал, что ее могут увидеть только светозары.

- Взгляд у тебя другой. Ты смотришь внутрь себя и в то же время куда-то далеко. Такой взгляд бывает у людей, у которых появилась важная цель. Я не буду расспрашивать, просто хотел напомнить наш давний разговор.

Отец остановился, щурясь от солнца. Мне показалось, он тоже стал другим. Лицо у него осунулось, заострилось, а в золотой копне волос добавилось серебряных нитей.

- Я говорил, ты никогда не сможешь сделать ничего, где нужна хотя бы капелька удачи.
- Много раз говорил, - кивнул я.
- Забудь. Ни я, ни старейшины — никто не знает этого наверняка. Поэтому никого не слушай, иди к своей цели. А если будешь падать, все равно вставай и иди. И даже если тебе покажется, что ты никогда не дойдешь, продолжай идти. Другого способа пройти свой путь нет и никогда не было.

Я чуть не спросил: «Тебе всё рассказали? Про выбор богов, про Дерево, которое я должен найти, про Лихо Одноглазое...» Но кто мог рассказать?

Отец догадался, о чем я думаю.

- Светозары просто так с людьми не ездят. Если только у людей нет особых дел с богами.

Я вздохнул, и папа решил, я боюсь, что он заставит меня все выложить.

- Пытать не буду. Должен хранить тайну, храни. Я верю, что ты со всем справишься и горжусь тобой.

От этих слов мне сразу стало легко, куда-то делся весь тот груз мыслей, что не давал покоя.

- Но будь осторожен, - добавил отец. - Береги себя.
- Постараюсь.

Обещая это, я даже про Лихо забыл. Мне казалось, теперь я действительно смогу все.

День пролетел, словно его сдуло сквозняком. С Богданом я не виделся, прибежал к его дому, но на порог вышел Велимудр, нахмурил лоб и сказал, что у Богдана сегодня много дел, мешать ему не нужно. Значит, и Богдана не

погладили по голове за долгое отсутствие. Но это не страшно. Главное, он в порядке, иначе Велимудр не стал бы скрывать, что внуку не здоровится. Мила тоже быстро набиралась сил, хотя проснулась позже, чем обычно, - мы с отцом уже вернулись после нашего разговора, а она еще бродила по дому полусонная.

Я помог отцу починить дверь в хлеву, сплёл подстилку для домового — обычную, без стихов-заклинаний. Он давно ворчал, что старая подстилка неудобная, и никто не озаботится сделать новую.

Пока возился с подстилкой, раз двадцать откладывал ее, доставал берескор, надеясь, что он подаст мне знак. Времени у меня не так уж много, и хорошо бы получить следующее послание. Во дворец Стрибога и в Птичьи сады мы сходили, куда нас отправят дальше? Два раза я бегал в березовый лес, но послания не было, а берескор проявил себя только вечером, незадолго до ужина. Я почувствовал, что кошель внезапно стал тяжелей и вдавился в живот. Открыл его — черточки на берескоре светились.

Я бросился к двери и налетел на маму. Она сразу помрачнела.

- Опять дома не сидится? А возвращаться ночью будешь или под утро?
- Пусть идет, - вмешался отец. - Не маленький.
- Поел бы хоть, - всплеснула руками мама.
- Вернусь и все съем, - пообещал я.

В лесу я долго искал такое место, чтобы там не ходили люди: кто-то рвал листья для отвара, кто-то просто гулял. Голова у меня закружилась раньше, чем я отошел ото всех на приличное расстояние. Я испугался, что люди увидят, как пляшут деревья, но они не смотрели в мою сторону, и, скорей всего, не заметили бы пляску, даже если были бы совсем близко.

Послание меня обрадовало. Я понятия не имел, какое там скрыто слово, но это была потешка про Велеса:

У

Велеса
волосы
растут
до
земли,
а
ты
сено
собирай
да
языком
не
мели.

Я читал потешку и ощущал его присутствие, слышал, как он говорит: «Чем больше ты вспоминаешь о своей неудачливости, тем чаще она преследует тебя. Я хочу, чтобы ты оставил ее в пустоте, взяв себе взамен веру в свои силы». Любопытно, что бы он сказал мне сейчас? Верить, что дойду до Древа? Верить, что Лихо меня не одолеет? Верить вопреки всему...

Потешка еще красовалась на березе, а мне чудилось, как слова сплетаются в диковинный узор. Дар до сих пор не вернулся, а я все жду, что снова возьму берестяной лист и буду рисовать. Я чокнутый: горюю из-за потери дара, хотя никто и не верил, что он у меня есть. А через неделю я сам могу исчезнуть навсегда. Но я не должен так думать. Я оставляю неудачливость в пустоте и дойду до конца, и пусть Лихо самого себя сожрет от злости.

Берегини редко ходят друг к другу в гости, им гораздо интересней собраться на лугу или в поле и танцевать. А если и приходят, то должны

развлекать хозяев, раз уж оторвали от любимых занятий. У людей все наоборот. Злата удивлялась, наблюдая, как хозяева стараются угодить гостям, угощают всякими вкусностями, рассказывают смешные истории, даже если гости пришли без приглашения.

- А мы развлечем Славию нашим особенным танцем, - заявила Злата.
- Думаешь, это хороший предлог, чтобы заявиться к ней в терем? - Бажена с сомнением покачала головой.
- Нормальный. Ну удивится она немного, и ладно.
- А Данко?
- Он будет в это время висеть на дереве с другими светозарами.

Злата и Бажена надели похожие рубахи, на рукавах которых были вышиты цветки папоротника. Злата повесила на шею бусы из золотых монет, ей нравилось, танцуя, слушать, как они звенят.

- Как хорошо, что ты берегиня! - сказала она, любуясь распущенными волосами мамы. - А то пришлось бы тебе покрывать голову, как это делают простые женщины.
- Сейчас и они соблюдают этот обычай не всегда, - Бажена придирчиво оглядела себя в зеркале. - Сковородку берешь?
- А как же. Я придумала новое движение с ней. Очень изящное, не терпится тебе показать.
- Покажешь сразу и мне, и Славии.

Славия удивилась гораздо больше, чем ожидала Злата. Надула свои пухлые, как у Данко, щеки, быстро заморгала и даже стала немножко заикаться.

- Тан...танцы? А зачем?
- Знаю, что ты предпочитаешь выращивать цветы, - сказала Бажена, входя в сени. Злата проскочила вперед и разглядывала стоящие повсюду горшки с цветами. - Но танцы идут на пользу любой берегине, ты многое теряешь, отказываясь от них.

– Иногда я танцую, - возразила Славия, все еще не понимая, что от нее хотят.

– Ты делаешь это очень редко, и, кажется, я догадываюсь, почему. Ты просто не нашла свой танец. А моя дочь сегодня танцевала, я смотрела на нее и вдруг поняла, что тебе это понравится.

– Хорошо... Я согласна взглянуть, но вы же недолго будете танцевать?

Злата подкатила глаза. Какая же она зануда, эта Славия. И сынок недалеко от нее ушел.

– Идемте в светлицу, - сказала Славия.

В светлице было много окон с красными ставнями. Возле одного из них стояла прялка, возле других приоткрытые сундуки с нитками.

– Я и не знала, что ты любишь прясть, - удивилась Бажена.

– Еще как люблю! Жду не дожусь, когда Макошь сделает меня своей помощницей.

– Вот это новость! Разве Макоши мало Доли и Недоли?

– Недоля слишком много чернителей повсюду развешивает. А Доля спешит вплести золотую нить, даже если человек этого не заслуживает. Им не хватает того, кто умеет чередовать разные нити. Но пока я не смогла убедить Макошь.

– Ты убедишь, не сомневаюсь, - Бажена вышла на середину светлицы. - Давайте уже танцевать! Славия, повторяй за нами.

Не давая Славии опомниться, она закружилась в танце, Злата присоединилась к маме, довольная тем, что мама выбрала самый красивый танец — с высокими прыжками и прогибами назад. Иногда Бажена останавливалась, показывала движения повторно.

– Давай, Славия, пробуй! - подначивала Бажена. - Нет, не так. Руки танцовщицы — крылья жаворонка, на которых она несет людям счастье.

- И не только людям, - хихикнула Злата, думая, как ей отыскать сонный порошок.

В светлице его явно нет. Подняться на третий этаж, в сам терем?

Вряд ли Славия будет держать порошок там. Скорей всего он в спальнях покоях. Но как туда проскользнуть незаметно? Лучше всего пойти открыто, но для этого надо...

- Мам, ты же хотела кое-что попросить у Славии! - выпалила Злата.

Бажена и Славия застыли: одна, удивленно глядя на дочь, вторая недовольно скривив губы — мало того, что танцевать заставили, еще и просьбы какие-то.

- Сон-ный по-ро-шок! - пропела Злата. - Он же у тебя закончился.
- Точно! - подыграла Бажена. - А я и забыла.
- Тебе он нужен? - вскинула бровь Славия. - Я им не пользуюсь, у меня сон хороший. Сейчас принесу, подожди.

Славия вышла из светлицы, а Злата подпрыгнула от радости. Все решилось гораздо проще, чем она думала.

- Сейчас узнаем, Данко это или нет!

Но Славия вернулась с пустыми руками.

- Странно. Короб с порошком пропал. Я его на столике держала, и вроде вчера он там был.

Веселенький поворот! Злата многозначительно посмотрела на маму. Порошок исчез! Сперва у Яна украли меч, поняли, что он подозревает своих друзей и решили избавиться от порошка. Выходит, это Данко, и гадать тут нечего.

- Ладно, - сказала Бажена. - Попрошу у других берегинь. Продолжим наш танец? Злата, ты собиралась показать новое движение со сковородкой.
- Да, но я... - Злата сделала вид, будто она хочет чихнуть. - Я сейчас...
Закрыла лицо руками и сдавленно чихнула. - Сейчас вернусь!

Она выскочила из светлицы и заозиралась по сторонам. Где тут спальня? Только бы Славия не побежала следом! Но мама наверняка ее задержит.

Злата увидела две двери. Кинулась к ближайшей, за дверью были спальня Славии, она сразу это поняла по разбросанным на столике гребням и высоко взбитой перине. Славия неженка, любит спать на мягком. За другой дверью перина была попроще, а в углу, на сундуке, лежал аккуратно сложенный плащ светозара. Покои Данко! Отлично! Злата проскользнула туда, внимательно осмотрела плащ, но ничего интересного не нашла, заглянула под подушку и вернулась к сундуку. Он был деревянным, с узорами на крышке и по бокам в виде солнца с шестью лучами: три луча светлые, три темные, что означало — солнце охраняет доверенные ему вещи и днем, и ночью. В замке торчал ключ — видимо, Данко не предполагал, что к нему может зайти кто-то, кроме матери, и запирает сундук только из-за своей любви к порядку. Злата повернула ключ и не удержалась от возгласа:

— С ума сойти! У него рубахи уложены красивей, чем у многих девиц.

Сама Злата не могла похвастаться такой аккуратностью.

Она вынула из сундука несколько рубах, надеясь обнаружить под ними меч Чеслава или короб с порошком, и швырнула их обратно, испугавшись резкого окрика.

— Какого лешего ты роешься в моих вещах?

За ее спиной стоял разъяренный Данко.

Разошелся он не на шутку и никаких оправданий не слушал: рассказ Златы, будто сундук был открыт, и она случайно уронила туда кольцо, не вызвал у него доверия.

— Случайно зашла, случайно открыла, случайно уронила... Я не верю в случайности, - Данко схватил ее за локоть так, что Злата взвизгнула. - Что ты искала?

- Я же сказала, ни-че-го! - она вырвалась и побежала в светлицу.

Наверное, вид у нее был растрепанный: Бажена и Славия даже танцевать перестали, увидев Злату.

- Мам, пошли домой. Я хочу спать.
- Вот и хорошо, - обрадовалась Славия. - А то Бажена замучила меня танцами.

Злата надеялась, удастся уйти, не встречаясь больше с Данко, но он вошел в тот момент, когда Бажена прощалась со Славией, правда, не проронил ни слова — просто одарил Злату уничтожающим взглядом. Она ответила ему тем же. Пусть смотрит, сколько влезет, и мамочке пусть пожалуется. Все равно ему не отвертеться, если он — убийца.

Выйдя из терема, Злата затараторила, объясняя маме, что они должны как можно быстрее отправиться в терем заряницы Павы, узнать, что с ее сонным порошком, и если он окажется нетронутым, срочно собрать всех богов и светозаров.

- И вовсе не поздно! - убеждала она. - Нельзя ждать до утра. Мало ли, что Данко сделает за ночь.

В конце концов, Бажена сдалась, и они пошли к Паве, но заряницы рано ложатся спать — возникший на пороге Глеб сказал, что мама уже отдыхает. Злата пыталась прочитать на его лице хоть что-нибудь. Удивлен? Нервничает? Злится? Вроде нет, приветливо улыбается, глядя с некоторым любопытством, но не более того. Или Глеб ни при чем, или хорошо умеет скрывать, что у него на душе.

- Глебушка, кто там? - приход Бажены и Златы все-таки побеспокоил Паву, и она выскочила к ним.

Красноволосая, румяная, с такой же приветливой улыбкой, как у сына.

– Ой, Пава, мы забыли, что заряницы по вечерам не танцуют, - извиняющим тоном сказала Бажена. - Злата новый танец разучила, вот мы и помчались всем его показывать.

– А еще у мамы сонный порошок кончился, - добавила Злата, чтобы сразу перейти к делу. И покосилась на Глеба, но на его лице ни один мускул не дрогнул.

– Порошок? - соображала полусонная Пава. - Да, конечно.

Заряница скрылась в тереме, и тут же послышался вопрос:

– Глебушка, а где короб?

Глеб тоже нырнул в терем, а Злата и Бажена с нетерпением ждали, что будет. Вернувшаяся Пава сказала почти слово в слово то, что они недавно слышали от Славии:

– Странно. Порошок пропал.

– Страннее некуда, - пробормотала Злата.

Будто коробки спрятали специально. А как же иначе? Конечно, специально. И у нее по-прежнему нет ответа на вопрос, кто из друзей Яна предатель.

Глава семнадцатая. Мертвые деревья и похороны мух

В этот раз я сдержал слово — быстро вернулся домой и съел весь ужин, даже добавки попросил. Еще бы не съесть — мама напекла блинов и полила их моим любимым вишневым вареньем.

А Мила пристала с травами: приложи к глазу, да приложи. Я уже и думать забыл про тот глаз, как и про волдыри на ладонях.

– Сама-то как? - тихо спросил я у нее, чтоб не слышали отец с матерью.

– Нормально.

Она села рядом со мной и принялась расчесывать гребнем волосы. Мы шептались под треск лучины и казалось, провалились в детство, сидим и рассказываем друг другу страшные истории, которые произошли не с нами.

- Они такие мерзкие, эти лиходелы. Когда обнимают, будто залезают прямо в душу и ходят по ней грязными лапами.
- Все позади, они тебя больше не тронут.

Это я мог сказать с полной уверенностью. Лихо уже добилось, чего хотело, ему незачем опять подсылать лиходелов к Миле.

- Они снились мне ночью. Только обнимали не меня, а тебя. И само Лихо обнимало.
- Ян так его напугал, что оно к нам ни за что не сунется. А если кто еще посмеет обидеть мою сестру... - я повысил голос и схватил со стола ложку, запачканную вареньем. - Ложкой по лбу ка-ак врежу!

Я изобразил, будто бью воображаемого врага, и капли варенья полетели на занавеску.

- Ты что творишь! Ты же всё заляпал! - раскричалась мама. - И почему ложку не помыл?
- Сейчас помою, - виновато сказал я.
- Уже не надо, - она выхватила у меня ложку. - А занавеску завтра сам стирать будешь.

Она собрала оставшиеся блины в короб и добавила мягче:

- Хватит шептаться! Спать идите.

Я прилег на лавку, но спать не собирался — ждал, когда все уснут, чтобы в очередной раз проверить, не вернулся ли дар. Все повторилось: я не нарисовал ничего путного, хотя столько всего хотел отразить на берестяных листах! Но запретил себе отчаиваться. После разговора с отцом, после воспоминаний о встрече с Велесом, я твердо решил победить Лихо и остаться

в живых. А если я смогу это сделать, и дар свой верну. Лихо питается моими слабостями. Значит, я буду сильным, и пусть оно загнетса от голода.

Представлять загибающееся Лихо было весело, и я хихикал в подушку. Из-за печи тоже послышался смех — домовой что ли смеется? Чего это он? Я взял лучину, которую не успел погасить, и подошел к печи. Домовой спокойно спал, обернувшись ужом. Он часто так оборачивался, особенно по ночам, но спящий уж вряд ли мог смеяться. Тогда кто?

Я сделал еще несколько шагов, и меня прошиб холодный пот. На полу были ледяные следы — такие, как оставляла на траве Лана, и вели они к двери. Лана! Она говорила, мы больше не увидимся, но снова здесь. Может, хочет сказать что-то важное?

Дверь предательски скрипнула, и мама приподнялась с лавки, но не заметила меня, а я побыстрей выскочил из дома.

Следы... Множество следов, словно девушка топталась тут весь вечер. Я смотрел на них и никак не мог понять, что с ними не так. Но вдруг меня осенило — они меньше тех, которые я видел в прошлый раз, а значит, их оставила не Лана. В тот момент, когда я это понял, позади меня прозвучал тихий голос.

— Лана в опасности. Пожалуйста, спаси ее!

Голос принадлежал невысокой рыжеволосой девушке в белой рубахе. На вид ей нельзя было дать больше четырнадцати лет.

— Они хотят сжечь ее дерево. Сожгут и все! Душа Ланы тоже сгорит, она не сможет улететь, - зачастила девушка. - Я пыталась их остановить, но они не слушаются. Морок приказал им сжечь дерево, и они сожгут. Они такие, как я и Лана, куда им деваться. Он заставил. А я за тобой побежала, я могу тебя туда отвести. Лана сказала, ты спасешь ее.

Это было безумием — идти за незнакомой девушкой к мертвым деревьям, но я вспомнил глаза Ланы, полные тоски, и не стал раздумывать.

Рыжеволосая назвалась Агнешей, потянула меня за собой, вцепившись в мою руку ледяными пальцами.

- Я знаю короткий путь. Нам нужно дерево — просто дерево, но не сильно молодое. Стой! У твоего дома была мотыга, возьми ее. А лучину оставь тут.

Я вернулся за мотыгой, даже не спрашивая, для чего она. Агнеша тем временем присмотрела грушу, растущую у соседей.

- Старая груша. Очень хорошо! Пошли.

Вот тут я немного растерялся. Агнешу-то никто не увидит, Лану ведь баюн не видел. А как я объясню соседям, зачем приперся к ним ночью.

- Идем же! Они могли уже поджечь!

Мне стало стыдно: нашел, из-за чего волноваться, когда дорога каждая минута. Соседи спят наверняка, а не под окнами караулят.

Агнеша подбежала к дереву и быстро произнесла:

- Отвались, кора,
Появись дыра,
Дай нам, тьма древес,
Выйти в мертвый лес!

Дерево глухо затрещало, и ствол раскололся, как орех. Я нерешительно шагнул к нему, заглянул в расщелину — оттуда на меня таранилась темнота.

- Лезь! Скорее! - поторопила Агнеша.

Глубокий вдох, словно перед прыжком в воду. Моя голова оказалась внутри дерева раньше, чем ноги, и мне стало жутко — вдруг сейчас две части ствола соединятся и разрежут меня пополам. От страха ноги сами заскочили внутрь. Здравствуй, тьма древес! Агнеша прыгнула следом.

Снова треск. Мне почудилось, я сам раскалываюсь на мелкие кусочки. А еще я услышал жужжание. Громкое, назойливое.

Агнеша резко дернула меня за руку.

– Открой глаза!

Когда я успел их закрыть? Мне казалось, я все время смотрел в темноту, пытаюсь разглядеть хоть что-то. Да и сколько прошло того времени? Несколько минут? Или даже секунд.

Агнеша толкнула меня в спину.

– Выходи!

Куда выходить? Все та же тьма вокруг. Но стоило мне шагнуть, и я понял, что больше не стою внутри дерева, я в мертвом лесу.

Света было достаточно, чтобы увидеть трухлявые, сгорбленные деревья со скрюченными ветками, на которых висели сухие листья. Примерно так я и представлял мертвые деревья, только не ожидал, что каждый ствол будет облеплен мухами.

Это все, что я заметил в первую секунду, а во вторую пришло осознание, что света не просто достаточно, его слишком много, он идет не только от луны. Я спиной ощутил: сзади происходит что-то нехорошее. То, из-за чего я здесь. Развернулся, и мне стало трудно дышать — там горело дерево. Странно горело. Беззвучно. Огонь еще не полностью охватил его, но быстро пожирал тонкие ветки с листьями, а рядом с деревом стояли три девушки с горящими палками и пытались достать до высоких веток, чтобы поджечь их.

– А ну отойдите! - крикнул я им.

Девушки перепугано уставились на меня, а когда я рванулся к ним, бросились врассыпную. Вместе со мной к дереву подбежала Агнеша, сунула мне в руки непонятно откуда взявшуюся тряпку, прошептала «прости» и исчезла. Тряпку дала, чтобы я потушил огонь, это ясно. Тряпка намного нужней мотыги, которую она заставила взять. Но за что попросила прощения? Я тушил, думал о необъяснимом поведении Агнеши и пытался докричаться до Ланы.

– Ты там? Можешь выйти? Ответь хотя бы!

Напрасно я надеялся, что Лана отзовется. Мухи жужжали громко, но я бы услышал, если бы Лана заговорила со мной.

А если ее душа уже сгорела?

Огонь почти погас, я даже не представлял, что горящее дерево настолько легко спасти, и эта легкость настораживала. Тряпка что ли особенная? Чуть-чуть ею помахал, и огня как не бывало. Тряпку дала Агнеша. Но почему она сама не потушила, если знала, как это просто? Боялась подруг?

— Лана! Подай мне знак! - крикнул я, плохо представляя, что делать дальше. - Агнеша!

Ее я тоже звал напрасно. И других девушек не было.

Внезапно деревья озарились ярким светом, из дерева неподалеку от меня вышел Ян. Я так и не понял, как это произошло: само дерево осталось целым, не раскалывалось, как груша, в которую заходили мы с Агнешей. Он просто отделился от дерева и все. Кажется, у нас с Агнешей было так же, я не заметил расколотых деревьев. Получается, раскалываются только живые деревья, а эти нет, мы проходим сквозь них.

Ян хмуро оглядывался по сторонам.

— А я уже и сам справился, - гордо заявил я, хотя на самом деле безумно обрадовался его приходу.

С огнем справился. Но выбираться отсюда как? Подойти к любому дереву и сказать: «Кора отвались, дыра появись». Вряд ли дерево подчинится мне, как подчинилось Агнеше.

— Уходим, - коротко сказал Ян.

Метнулся к ближайшему дереву, воткнул в него острие меча и в сердцах стукнул кулаком по дереву.

— Не получилось? - спросил я, будто сам не видел. - Там еще слова есть, я их помню.

- Нам слова не помогут, это духи открывают словами, а я могу только так.

Ян метался между деревьями, дотрагиваясь мечом то до одного, то до другого, но безуспешно.

- Бегите! - слышался тихий голос из дерева.
- Лана? - обрадованно воскликнул я. - Ты не сгорела!
- Моя душа правда могла сгореть. Я так тебе благодарна! Но Морок специально это подстроил и заставил Агнешу привести тебя сюда.
- Морок... - хмыкнул я.

Вот к чему было «прости» Агнеша.

- Почему вы до сих пор здесь? - взволнованно спросила Лана. - Бегите, они скоро придут.
- Скорей, чем мы думаем, - поддакнул Ян. - Выходы закрылись, значит, муховоды вот-вот появятся.
- Муховоды... - повторил я и мне почудилось, что мухи жужжали еще громче. - Кто это?
- Стражи мертвого леса, - ответила Лана. - Они беспощадны... Но я не могу выбраться из дерева, чтобы помочь вам.
- А где остальные девушки?
- Вернулись в деревья. Никто из них не посмел бы послушаться Морока, а выпускает нас из деревьев только он.

Ян в очередной раз приложил меч к стволу.

- Ничего, - храбрился я. - У тебя меч, у меня мотыга. Сразимся с этими муховодами.

Теперь понятно, зачем Агнеша всучила мне мотыгу. Хоть и вела в ловушку, позаботилась, чтоб пришел не с голыми руками.

- Какое-то время продержимся, - грустно кивнул Ян. - Но не долго. Они сильные, мне с ними не справиться.

– Но мы вдвоем...

Ян отмахнулся.

– Не подпускай к себе мух.

– Что?

– Если на нас натравят мух, мотай головой, волосами, делай что хочешь, но они не должны забиться в уши и нос. Они забиваются, выпускают яд и все. Он смертелен для всех, даже для светозаров.

Ядовитые мухи? То-то мне от одного их жужжания становится нехорошо.

– Дим! - позвала из дерева Лана. - Ты должен выжить, Дим!

До этого момента я не испытывал сильного страха, находясь в мертвом лесу. Сперва боялся за Лану и спешил потушить огонь, потом появился Ян и вроде бояться стало нечего... Но я сейчас я словно услышал, как подо мной шевелится земля, как лес потягивается всеми своими деревьями, хрустит ими, точно старыми косточками, готовится к нападению.

Земля действительно шевелилась — по ней шли пятеро муховодов. Глядя на них, сложно было понять, при чем тут мухи. Стражи мертвого леса походили на деревья ростом с высокого человека, а еще больше на огородных пугал, сплетенных из веток. Черепа и туловища напоминали корзины, которые плела мама. На месте глаз, носа и рта — дыры, вместо волос — ветки, торчащие рогами, каждая нога имела свои корни, они заменяли муховодам пальцы, руки тоже были с корнями, в обеих руках муховоды держали по кнуту.

– Подойдут ближе, не жди, - предупредил Ян. - Старайся выбить кнут или перерубить его. Самих муховодов не бей, им твой удар что укус блохи. Следи за кнутами.

Кнут муховода, идущего впереди, со свистом разрезал ночное небо: мне казалось, он едва не зацепил звезду и не сбил ее на землю. Это было командой

для остальных муховодов — все они взмахнули кнутами, поочередно работая то правой, то левой рукой.

Я мелко задрожал, стиснул зубы и крепко вцепился в мотыгу. Они же забьют нас кнутами. Забьют до смерти...

Кнут пролетел над головой Яна, но светозар успел отскочить и ударил по кнуту мечом, рассекая его надвое.

— Дерись! - крикнул мне Ян, кидаясь на муховодов.

Кажется, я заорал, и, плохо понимая, что делаю, побежал навстречу кнутах, размахивая мотыгой. Кровь хлынула в голову. Я ударил муховода мотыгой по плечу, забыв слова Яна. Муховод полоснул кнутом по моей шее.

Я взвыл от боли, выплюнул в него ругательство и нанес новый удар, теперь по кнуту. Он вылетел из рук муховода, а надо мной уже свистел другой, его перерубил Ян. Меч Яна сиял, раздавая удары направо и налево, а муховоды окружали нас, сжимая кольцо. Я уворачивался от них, мне даже удалось столкнуть двоих между собой, но третий сбил меня с ног.

Я грохнулся на спину, а перед моим лицом зигзагом пролетел кнут. Прокатившись по земле, я вскочил и замахнулся мотыгой, но муховод накинул на меня кнут сзади и начал душить. Мотыга выпала из моих рук.

Собрав всю силу, я вцепился в кнут, но никак не мог оторвать его от себя. Наконец, мне это удалось. Я метнулся в сторону и почувствовал, что кнуты обвивают мои ноги и грудь. В тот же миг муховоды выбили меч у Яна, и светозар оказался их пленником.

Связав кнутах, они посадили нас под одно дерево. Четверо следили, чтобы мы не попытались сбежать, а трое подняли кнуты и рисовали ими в воздухе круги. Тут я понял, почему они муховоды, а не кнутодревы. Целый рой мух ринулся к нам, оглушая своим жужжанием.

Мухи норовили сесть на лицо, и я отчаянно замотал головой. Они не унимались, лезли даже в глаза. Пришлось зажмуриться. Мне чудилось, мухи

повсюду: и снаружи, и внутри — залетели в голову и толкутся там. Мне хотелось закричать и услышать что-нибудь от Яна, но я боялся, если открою рот, в него сразу набьются мухи. В носу защипало. Неужели муха забралась туда и выпустила яд? Или мне это мерещится? Я начал активно выдыхать, делая совсем короткие вдохи. Голова кружилась, в ушах гудело. Я не знал, сколько еще выдержу так...

Открыл глаза, когда жужжание стало тише. А рот у меня открылся сам по себе, потому что в лесу все изменилось. Мухи вернулись к деревьям, оставив нас с Яном в покое, а муховодам тоже стало не до нас — они дрались со светозарами, которых я насчитал около десятка. Среди них не было таких молодых, как Ян: скорее всего, эти светозары уже имели собственные семьи и воспитывали дочерей-берегинь.

Яна их появление удивило не меньше, чем меня. Мечи и кнуты врезались друг в друга, от волос светозаров исходил свет, раздражающий муховодов, а мертвые деревья тихо стонали, будто им было больно от ударов мечей по кнутах.

Еще один разрубленный пополам кнут, и муховоды не выдержали, начали отступать.

К нам подбежал светозар, разрезал опутывающие нас кнуты и сказал, что сейчас будет переброска.

- Как это? - спросил я.
- Увидишь. Через деревья не выйти, но у нас есть свои способы.

Светозары выстроились, образовав круг.

- А он переместится? - обеспокоился на мой счет Ян.
- Должен, - ответил светозар, и мне почудилось что-то знакомое в его движениях. В том, как он держит спину, поворачивает голову, задумчиво дотрагивается двумя пальцами до щеки.

Я все это уже увидел, но так делал не он, а...

– Пусть встанет между мной и тобой, - сказал он Яну.

Я подчинился, а светозары подбросили свои мечи, и те зависли в воздухе, острием вниз, висели, пока их владельцы произносили хором:

– Да сойдутся четыре солнца: зимнее, весеннее, летнее и осеннее! Да озарится земля огнем небесным! Да поможет нам Боже-Свароже! Да будем мы там, где тьма над светом не властна!

Они замолчали, и мечи медленно развернулись — теперь они были нацелены прямо в небо, и вскоре там появился золотой круг, а светозары продолжили:

– Круг на земле, круг на небе, круг замкнись.

С неба посыпалась золотая крупа, а затем упали мечи. Светозары подняли их, начертили на земле небольшие круги, и когда это сделал последний светозар, лес погрузился во мрак. А когда на небе вновь загорелись луна и звезды, мы были на поляне неподалеку от теремов светозаров.

– Папа, ты их вытащил! - встретили нас радостным возгласом.

На поляне ждала Злата. Она подбежала к светозару, чьи движения казались мне знакомыми, но недолго побыла возле него, бросилась к Яну, расспрашивая, все ли с ним в порядке.

К Яну, а не ко мне! Разве нужны еще доказательства? Я смотрел на смущенного Яна и счастливую Злату, а внутри все горело. Сильней, чем несколько минут назад, когда думал, что погибну. Злата и Ян. Берегиня и светозар. Так и должно быть. А я... герой, который и не герой совсем — неудачливый и никчемный. Да и жить мне осталось в лучшем случае неделю. Злата сделала правильный выбор, я ведь догадался обо всем на соревнованиях. Почему же сейчас так погано? Будто из меня выжгли последнюю надежду.

Я опустился на траву, хлопнул себя по оттопыренному уху. Никого там нет? Не заползла туда гадость жужжащая? Глупо, но я подумал — лучше бы

заползла, и светозары вынесли бы меня, умирающего, из леса, и тогда Злата... Глупо! Какое же я ничтожество, если хочу, чтобы меня любили из жалости! Я обещал богам дойти до Мирового Дерева, а сам разнюнился, как девка. И Лане я обещал помочь. Даже не попрощался с ней...

- Дим? - вот и про меня Злата вспомнила, подошла, села рядом. - Как ты?
- Сойдет, - буркнул я.
- Хорошо, что я позвала светозаров, - выдохнула она.
- Ты? - удивился я. - Но как ты узнала, что я в мертвом лесу?
- Я пошла к Яну... - она замялась. - Хотела сказать ему кое-что и увидела, как он входит в дерево около своего терема. А мне папа рассказывал, что так светозары открывают проход в мертвый лес, но ходить туда по одиночке им нельзя, не выберутся. Я поняла, что Ян получил сигнал, помчался за тобой. И еще поняла, если вам не помогут, вы оба погибнете.

Ее глаза только что были зелеными и вдруг стали фиолетовыми. Они притягивали меня, заставляя смотреть на них, не отрываясь.

Злата рядом. Она спасла меня. Но шла она к Яну. И здесь сперва к нему, а потом ко мне... Зачем я об этом думаю? Гамаюн говорила, чтоб я крепко держал за хвост настоящее, а я не могу. Хотя вот он, хвост, — мы сидим со Златой на траве, слегка влажной — моросит дождь, капли мягко касаются головы, словно кто-то щекочет подушечками пальцев, и сам я чувствую себя дождем. Именно таким, морозящим, едва заметным в судьбе других людей. И не только людей...

Кругом снуют светозары, переговариваются о том, что было, косясь на меня. Ян тоже поглядывает — кажется, он, как и я, не понимает Злату. Но мне все равно, я хочу сидеть с ней и дальше.

- А вообще, этот лес где? - спросил я, запуская руку в гущу прохладной травы. - Просто так до него нельзя дойти?

Лану отвела к мертвым деревьям лесавка. Выходит, есть тропы, ведущие туда.

- Можно дойти, но это долго. Он во владениях Чернобога.
- А мухи там откуда? Да еще столько!
- Они мертвые, как и деревья. Этих мух когда-то хоронили люди. Слышал про такой обряд?

Я припомнил, что рассказывали на уроках старейшины. Был такой обычай — осенью хоронить мух, тараканов и других насекомых. Для них даже гробики делали из дощечек или овощей. И устраивали настоящие похороны, думая, что насекомые связаны с душами умерших людей. Но потом обряд стал забываться. Богдан еще смеялся над этим на занятиях:

- Эх! Жаль, сейчас так не делают. Я бы своих тараканов похоронил.

А однажды он поймал муху и пел:

- Муха-жужжилка,
Перестань жужжать,
Пора тебе умирать.
- Вот где теперь все эти похороненные мухи. А что... - я хотел задать Злате еще пару-тройку вопросов, но вопросы улетучились — среди светозаров, пронесся легкий гул, они расступились, и я увидел, что ко мне идет Макошь. Строгая, с бледным лицом, кажущимся слегка зеленоватым из-за ее изумрудного платья. Волосы богини, прикрывал платок, а на плече у нее по обыкновению сидела ящерица, разбирала нитки — почему-то все они были тусклые, выцветшие, — и мотала светящимся хвостом.

Мы со Златой вскочили и замерли, не сводя глаз с Макоши.

- Притихли? - спросила Макошь, задержавшись возле отца Златы и его приятелей. - И кто же вас надоумил всей толпой отправиться в мертвый лес? Вы что, не знали — у героя может быть только один защитник. Мы

должны сделать все в точности, как говорило Мировое Дерево, иначе оно будет не в силах нам помочь, - Макошь сложила на груди руки и обвела всех долгим, тяжелым взглядом. - Не было бы ничего проще — приставить к герою охрану из дюжины светозаров, но даже один светозар не имеет права все время находиться с ним. Получил сигнал, тогда бежит к герою. Таковы правила. Но вы их нарушили.

— Это я уговорила папу созвать светозаров, - с вызовом ответила Злата. - Если бы не я, Дим и Ян не выбрались бы из мертвого леса. - Толку было бы от ваших правил.

— Да, пожалуй, они бы не спаслись, - К моему удивлению, Макошь не разозлилась на дерзкую полудницу. Она с любопытством посмотрела на Злату, и на губах богини заиграла легкая улыбка. - Оба обязаны тебе своей жизнью. А чья жизнь важнее для тебя? Героя или его защитника?

Такого вопроса Злата не ожидала, и ее решительность сменилась растерянностью.

— Не отвечай. Себе потом ответишь. Я рада, что они спасены, но чем для нас обернется нарушение... - Макошь задумчиво прищурилась. - Ну-ка, оставьте меня наедине с героем, - сказала она Злате и светозарам.

Поляна моментально опустела, а я стоял перед богиней, не зная, куда себя деть.

— Ян рассказал мне про твою встечу с Лихом.

— Я постараюсь дойти до Древа, несмотря ни на что, - поспешил я заверить Макошь. - У меня уже есть третье послание.

— Прекрасно. Третье — последнее, значит, ты близок к цели. Но третье путешествие будет самым опасным.

Об этом я и сам догадывался. Темные боги сделают все, чтобы помешать мне, и если Лихо не прикончит меня так быстро, как им надо, подошлют кого-нибудь еще.

- А с Лихом борись, пока хватит сил. Помнишь, что я говорила про мир в сердце?
- Конечно, помню.
- Мир в сердце — это не только отсутствие ненависти к людям. Это умение принять себя и все, что происходит. Принять, обдумать и спокойно действовать, если хочешь что-то изменить. Понимаешь, о чем я?
- А если я смогу сохранить мир, избавлюсь от пелены? Ян сказал, Лихо все равно меня одолеет. Раньше или позже.
- Нет такого человека, который не испытывал бы страха, боли, сомнений. Всем этим питается Лихо, поэтому если оно присосалось... Ян же тебе объяснил.
- В общем, я мертвяк. Хоть с миром в сердце, хоть без мира. Макошь хитро улыбнулась.
- Без мира уж точно. А с миром... Мало ли, как все сложится.

Последние слова наверняка были сказаны богиней, чтобы не лишать меня единственной надежды, и я не стал расспрашивать подробней, к тому же, в этот момент ящерица уронила в траву бледно-коричневую нитку, а Макошь не спешила ее поднимать.

- Не потеряется? - обеспокоенно спросил я.
- Если это нужная нить, найдется.

Нитку подхватил ветер, и я долго смотрел, как она скачет по траве, по цветам, цепляется за палки и снова скачет, будто знает, куда и зачем.

Глава восемнадцатая. Книгосад и ночная вылазка

- Мы обещали съездить к тополянам, - напомнил я Богдану на следующий день.

- Это ты обещал, - попробовал отмахнуться он.
- А сказать спасибо Раде? Про зерно тепла ты забыл?

Богдан скорчил недовольную рожу, но согласился. А я бы с удовольствием провел у тополян целый день, я уже соскучился по своим тополянским друзьям. Может, нам больше и не придется увидаться. Пропоеет белка свою песню, отправимся в дорогу, найдем Дерево, а там и Лихо за мной явится...

Я решил, мы поедем вдвоем, без Милы. Если Мила рядом, Богдан Раду не замечает, а мне хотелось, чтобы Рада вдоволь наговорила с ним, даже если они будут спорить по любому поводу.

- И вообще, никуда больше Милу не возьмем, - сказал я Богдану, когда мы приближались к землям тополян. - Слишком опасно. Не хочу, чтобы на нее опять напали какие-нибудь лиходелы.
- Я сразу говорил, - Для Богдана это было и так очевидно. - А ты пошел на поводу у сестры.
- В следующий раз вообще сам поеду.
- Не понял. И без меня?

Я кивнул.

- Еще чего! - завелся Богдан. - От меня не избавишься, и не мечтай. Попробуй только один уехать. Догоню и... будет у тебя второй фингал.

Он ворчал до тех пор, пока нас не заметили тополяне, начавшие подбрасывать пух со словами:

- Легкого вам пути!
- Легкого дня!
- Легких дум!

Богдан с ухмылкой смотрел на аккуратные бревенчатые избы, откуда выбегали хозяева поприветствовать гостей. Из окон махали дети, а я изучал узоры. Вроде знаки те же, что и у нас, но из-за их расположения чувствуется

легкость тополя — дом выглядит воздушным. Наверное, еще потому, что почти все узоры раскрашены белой краской. Особенно меня заинтересовало окно с четырьмя солнечными знаками. Два по бокам: солнце восточное и солнце западное, одно посередине наверху — это солнце полуденное, его везут по небу кони, а четвертое солнце внизу, с лебедями, везущими его по подземной реке.

- Они правда дома из тополей строят? - спросил Богдан. - И как у них до сих пор ничего не развалилось?
- Тут же полным-полно изобретателей. Наверное, придумали как.
- Глупость это. Для строительства есть более подходящие деревья. Залаяла собака, но не зло, а будто приглашая в дом своих хозяев.
- Слушай, у них тут и собаки легкого дня желают, - рассмеялся я. - Легкого гавканья тебе, псина!
- Ага, - поддакнул Богдан. - Легких косточек, чтоб не подавиться.

Рада, увидев, что мы приехали, выскочила к нам босиком, в короткой, не подпоясанной рубаше. Каштановая коса казалась зеленой из-за вплетенных в нее тополиных листьев, листья висели и на самодельных височных кольцах. Следом за Радой не спеша вышел Ждан — по-моему, еще больше растолстевший, вынес ей лапти.

- Я столько всего хочу вам показать! - Рада еле дождалась, когда Ждан заберет коней и потащила нас в дом. - Вы ведь еще не видели изобретения моей бабушки?
- Мы и бабушку твою не видели, - съязвил Богдан.
- У вас разве не семья философов? - удивился я.
- Да, у нас все философы. Но бабушка не только философ, еще и изобретатель.
- Гремучая смесь, - сказал Богдан себе под нос, но Рада все равно услышала, хоть и сделала вид, что не разобрала слов.

В доме было очень просторно. Сперва я подумал, внутри нет ничего, кроме печи и полотенец на окнах и стенах, но Рада быстро все показала. Лавки и столы, которые легко раскладываются, когда нужно, а все остальное время их не видно, они сливаются со стенами. Полки с посудой, что прячутся в глубине стен. Сундуки, выезжающие из-под половиц.

- Ну и толку от всего этого? - не оценил Богдан. - Кому мешают лавки и столы, если они просто стоят, как у нормальных людей.

Глаза у него, однако, блестели. Но Богдан ни за что бы не признался, что изобретения никчемных людишек, как он называл тополян, могли его заинтересовать.

- Это все твоя бабушка сделала? - недоверчиво спросил он.
- Нет, другие тополяне постарались. А бабушка изобрела вкусохран. Совсем недавно. Вот, смотрите!

Рада метнулась к одной из замаскированных полок и взяла оттуда небольшой короб. У Милы есть наподобие, она туда кладет свои браслеты и кольца.

- Сюда можно положить жареный кусок мяса, например, а через несколько дней достать и съесть. Мясо не испортится, и вкус будет такой, будто пожарили только что.
- Да ладно заливать! - не поверил Богдан.
- Я открыл короб, там и правда лежало мясо.
- Пахнет вкусно, - я втянул носом мясной аромат. - И на вид съедобно.
- Бери, угощайся, - предложила Рада. - И Богдану дай.
- Не хочу, - отказался Богдан, сглатывая слюну.

А я достал мясо из короба, удивляясь, что оно даже горячее, отломил кусок пожирней и с наслаждением прожевал, облизывая пальцы и дразня Богдана. Ему наверняка тоже хотелось, но он вытерпел эту пытку.

- А больше ничего интересного у вас нет? Кроме дурацких коробочек для протухшего мяса.
- Есть, конечно, - воодушевилась Рада. - Я же вас не ради вкусохрана звала. Хотя бабушка здорово придумала. Там что угодно хранить можно. И сейчас она работает над тем, чтобы создать большой вкусохран и держать в нем много всякой еды. Там будет и теплая еда, и холодная, кто какую любит.

В животе у Богдана заурчало, я был уверен, Рада предложит гостю поесть, найдет что-нибудь обычное, не из вкусохрана, но Раде, похоже, нравилось испытывать терпение Богдана.

- Пойдемте в наш книгосад. Это совсем рядом.

По дороге она, словно издеваясь над Богданом, рассказывала, как сложно делать вкусохраны, кору каких деревьев для этого используют, в каких травяных настоях вымачивают и какими маслами пропитывают. А главное, сколько всего вкусного она ела из такого чудо-короба.

- А ты спасибо за зерно тепла сказал? - шепнул я Богдану.
- Да скажу я, скажу. Тут же слово не вставишь, балаболит, как заведенная.

И добавил намеренно громко:

- И зачем мы сюда приперлись?
- Посмотрим на книгосад и пойдем, - пообещал я ему.

Я тоже не собирался долго гостить у тополян. Надо было идти в березовый лес, искать поющую белку. Утром я там был, но белка молчала.

Книгосад располагался между домами, и если бы я просто шел или ехал мимо, вряд ли обратил бы на него внимания. Не сад, а небольшой садик с обычными кустами и цветами — одни красивее, другие похуже, но в целом, ничего особенного, хотя ароматы от цветов исходили приятные.

- Ну что? Никто пока не догадался, где в нашем саду прячутся книги? - весело спросила Рада.
- Закопали вы их что ли? - предположил Богдан.

Рада рассмеялась, остановившись возле небольшого куста с гладкими овальными листьями.

- Наши книгодеи изобрели кустовые книги. Это не просто кусты, - пояснила она, заметив наши недоумевающие взгляды. - Это книги и есть.
- Правда? - я удивленно уставился на куст. - А как их читать?

С детства я видел только одни книги — сшитые из берестяных листов.

- Что за бред! Совсем за идиотов нас держишь? - Богдан развернулся, чтобы уйти, но Рада взяла его за руку.

И вдруг сказала абсолютно серьезно:

- Нет, не держу. Я знаю, что ты очень умный, просто не хочешь замечать некоторые вещи. Многие так делают. Так проще.

Что-то происходило между ними в этот момент. Взгляд Богдана потеплел, а Рада будто забыла, зачем привела нас в книгосад, но длилось это недолго: Богдан вырвал руку и поджал губы.

- Ну показывай, что вы тут нагородили.
- Для начала, расскажу, как эти кусты выращивают, - с готовностью ответила Рада. - Приходит сюда сказитель, приносит самые обычные семена. На первый взгляд, обычные. И сажает здесь. Но куст не начнет расти, сколько его не поливай, если сказитель не поведаст свою историю, - Рада мотнула косой, один тополиный лист вырвался из ее волос и закружился перед носом Богдана, прежде чем лечь на землю. - У сказителей много историй, книжные кусты разрастаются быстро, каждая новая история дает кусту новую ветку. А чтобы их послушать, нужно просто дотронуться до ветки. Выбираешь ветку, садишься под кустом и слушай, сколько хочешь. А если надоело, дотронься до ветки

еще раз, куст замолчит. Можно вернуться к нему позже, только ветку запомнить, и слушать с того места, где остановился.

Богдан потянулся к ближайшей ветке, но Рада легонько ударила его по пальцам.

- Подожди. Я закончу, тогда выберешь куст и ветку. Я еще про цветы не рассказала.
- Их выращивают немногословные сказители? - предположил Богдан.
- Цветы — это стихи. Их сажают поэты. Чем прекрасней стихотворение, тем красивей цветок.

Цветов в книгосаду было много, но я не смог найти двух одинаковых, они различались и стеблями, и листьями, и лепестками.

- Я таких сотню сейчас посажу, - загорелся Богдан.
- Ты не сможешь, - возразила Рада. - Ты не поэт, а стихоплет. Одно дело — написать стихоплетку для коня, а другое — вдохнуть в цветок жизнь, передать ему особенную мелодию, оставить в нем частичку своего сердца.
- Все это просто красивые слова. От наших стихоплетов хотя бы польза есть, а цветы эти... Сорвут, затопчут и все.
- Хорошие стихи нельзя затоптать, - улыбнулась Рада. - Они все равно поднимутся.

Богдан аж зубами закрипел.

- Не злись, не всем же быть поэтами, - примирительно сказала Рада. - У меня тоже не получилось вырастить цветок. А стихоплетки животным правда нужны.
- Я хочу попробовать.

Ну да, в этом весь Богдан, его никакие уговоры не остановят. Рада и не стала отговаривать.

- Ладно. Видишь дом с голубой крышей? Третий отсюда. Спроси там бабу Любаву, она даст тебе семена.

Богдан пошел за семенами, а я ходил от одного куста к другому, не решаясь к ним прикоснуться. Надо же: мы думали, у нас есть рассветная магия, у дубравцев — закатная, а у тополян ничего нет. Считали их обделенными, а они создают нечто невероятное.

- Почему мы до сих пор не знали об этом? - недоумевал я. - Живем в одном мире, а как будто в разных.

Рада разразилась очередной философской тирадой:

- Потому что, Дим, людям проще жить в своих границах. У каждого есть свой мир, привычный и уютный, и не каждый умеет видеть чужие миры.

Она заметила идущего к нам Ждана и закричала ему:

- У тебя в кошеле дождесух лежит?

Ждан нехотя открыл кошель, порылся там.

- Ну лежит, а что?
- Давай сюда. Удивлять так удивлять!

Она выхватила из рук Ждана небольшую мятую тряпку, свернутую комком, и протянула мне. Тряпка оказалась плотной на ощупь, как мешковина, да и цвета такого же.

- Подбрось как можно выше, - сказала Рада.

Тряпка взлетела и вдруг развернулась, став втрое больше, чем была, повисла надо мной колокольчиком, закрывая солнце.

- Это дождесух, - пояснила довольная Рада. - Очень удобная вещь во время дождя. Там особая пропитка, чтобы дождесух не намокал, и тот, кто идет под ним, остается сухим. Сделай пару шагов.
- Куда?
- Куда хочешь, просто шагни.

Я сдвинулся с места, и дождесух вместе со мной.

- Он летит над человеком всю дорогу, пока не кончится дождь. А сейчас просто вытяни руку вверх, он вернется к тебе.

Дождесух свернулся и упал в мою ладонь.

- Подарить? - прищурилась Рада.
- А тебе самой не нужен?
- У меня два таких, а скоро они будут у всех. Кстати, этот я давала вашему Велимудру, а он его потерял. Я потом случайно увидела дождесух у дубравской девочки, она его возле своего дома нашла и игралась с ним. Я забрала, хотела Велимудру вернуть, а девочке пообещала другой. Но Велимудр сказал, он к дубравцам давно не ездил и ничего потерять там не мог.

Меня словно молнией ударило. Велимудр потерял дождесух в землях дубравцев! И при этом сказал, будто его там не было...

- А ты ничего не перепутала? - взволнованно спросил я. - Вдруг это похожий дождесух.
- На нем пятно от варенья, а на других пятен нет.
- И не дарили мы их больше никому, - подхватил Ждан. - У наших мы спрашивали, никто не терял.

Земля уплывала из-под ног, в ушах шумело, мысли путались. Почему Велимудр соврал? Велимудр... Человек, который для меня был почти равен богам. Если соединить слова Ярослава с тем, что сейчас сказала Рада, выходит, он действительно мог поджечь дома дубравцев. У меня волосы встали дыбом от этой мысли. Я рассеянно смотрел, как вернувшийся с семенами Богдан сажает их в землю, бубня четверостишия. Как подтрунивает над ним Рада, как хлопает себя по животу Ждан, задумчиво глядя в небо.

- Ну все, Богдан, не мучайся, не вырастет у тебя цветок, я же говорила.
- А он сразу должен вырасти? Бах — и вырос? Я только семена посадил.

– Эти цветы вырастают сразу. Но если не веришь, приезжай через несколько дней, недель. И через месяц приезжай, мы гостям всегда рады.

– Делать мне больше нечего — ездить к вам из-за дурацкого цветка. Я сейчас послушаю, что тут ваши поэты вырастили.

Богдан облюбовал высокий цветок с сиреневыми лепестками и направился к нему.

– Кстати, - на ходу бросил он. - Спасибо за зерно тепла. Без тебя мы бы замерзли.

Лицо Рады расплылось в улыбке, она мотнула косой, роняя тополиные листья и подпрыгнула, окончательно вытряхивая их из волос.

– Да, зерно тепла нас спасло, - сказал я. - Ты будто знала, что оно нам понадобится. Правду говорят, что тополяне видят наперед, что будет?

– Далеко не всегда. У меня, например, просто появляются смутные чувства, и я могу догадаться, что происходит с человеком или произойдет. В тот день на торжище я почувствовала, что вам будет очень холодно, меня саму озноб пробрал.

– Ого! А сейчас что чувствуешь?

Рада прикрыла глаза, а потом внимательно посмотрела на меня.

– Ты страдаешь из-за любви.

Я не ожидал такого, и нервно заморгал.

– Но зря ты это, - продолжила она. - Любовь сама по себе не причиняет боли. Люди страдают не потому, что любят. Жажда быть любимыми — вот их главный мучитель.

– Ну... не знаю, - не согласился я. - Разве ты не хочешь, чтобы тебя любили?

– Хочу. Но я рада уже и тому, что сама люблю.

Слова легко сорвались с ее губ, меня это поразило — я в жизни не смог бы вот так запросто признаться в этом.

— А Богдан скоро встретится с тем, кто очень важен для него, - сказала Рада, наблюдая, как он бродит среди цветов.

Насчет встречи она не ошиблась. Мы вернулись в дом, где Рада накормила нас мясом, кашей и капустой. Богдан уплетал за обе щеки, при этом умудрялся спорить с Радой о стихах. Ему понравилось почти все из того, что он услышал, но специально искал, к чему бы придраться. Рада это поняла и стала еще сильнее разжигать огонь спора, они с Богданом друг друга стоили. А я пожалел о том, что сам не послушал стихи и до кустовых книг не добрался. Но узнав, что Велимудр ездил к дубравцам и скрыл это, я забыл обо всем. Неужели Велимудр и есть тот самый человек? Поверить в это почти невозможно. И если все правда, как сказать об этом Богдану?

Я решил поговорить с ним по дороге, но едва мы отъехали от дома тополянских друзей и поравнялись с баней, из которой валил пар, оттуда выбежал низкорослый старик. Из одежды на нем были только ветхие штаны, а впалую грудь прикрывали приклеившиеся к ней листья от веника.

— Здравствуй, сынок, - сказал он, виновато глядя на Богдана.

На месте Богдана я бы, наверное, свалился с лошади, но его самообладанию можно было позавидовать. Он остановил Чернушку и смерил банника презрительным взглядом.

Напрасно старик ждал ответа: Богдан молчал, но кулаки сжал так, что побелели костяшки пальцев. Я смотрел на них обоих и думал, что глаза, скулы, носы, губы — всё у них одинаковое. Ростом Богдан повыше отца, но не намного, да и то — он спину держит ровно, а банник сутулится, отчего кажется меньше.

— Давно хотел к тебе подойти, а нельзя было. А ты... сказали тебе уже все...

Старик шмыгал носом и теребил морщинистыми руками бороду. Он совсем не казался страшным, скорее, несчастным, мне стало его жалко, я надеялся, Богдан скажет хоть что-нибудь, но он ударил Чернушку по бокам и поскакал прочь, не оглядываясь.

Мчался так, что я догнал его лишь в березовом лесу.

- Ни слова! - предупредил он меня. - Я ничего не хочу о нем знать. Я не буду с ним разговаривать. И если ты начнешь мне втулять, что он мой отец, и я должен радоваться, что нашел его...
- Да не буду я. Сам решай, радоваться или плакать.
- Вот он где живет. Среди тополян! Не зря я их не люблю. Ноги моей больше там не будет! Никогда к ним не ездил и правильно делал!
- Тополяне-то причем? Бани у всех есть, и банники тоже.
- Но этот пригрелся именно там! Познакомиться подошел... хоть бы оделся для начала. Вот скажи, чего ему от меня надо? И где он раньше был?
- Может, он правда не мог к тебе подходить. Слушай! Получается, Макошь ему все рассказала? Ну, о том, что ты уже в курсе. А зачем?
- Чтобы окончательно испортить мне жизнь.
- Вряд ли ей это нужно... Тихо! Мне показалось, кто-то поет.

Мы оба затаили дыхание, Добряк с Чернушкой тоже замерли, и до наших ушей долетела знакомая песня:

Вот стоит березка,
На березке ветки,
А на ветках бруньки,
Маленькие бруньки...

Вскоре мы увидели и саму певунью, она прыгала по веткам с одного дерева на другое, а, приблизившись к нам, пропела:

На четвертой ветке четвертая брунька красивее всех, на шестой ветке — пятая, на девятой — третья, на одиннадцатой — вторая.

А другие ветки забудь, забудь.

А другие бруньки забудь! И в путь!

- На шестой ветке какая? - спросил я у Богдана. - Не успел запомнить.
- Третья вроде.
- Нет, третья на девятой.
- И там тоже. У белки спроси.

Белка повторила только последние строки:

А другие ветки забудь, забудь,

А другие бруньки забудь! И в путь!

- Ладно, разберемся, - я начал считать слова в потешке. - У Велеса волосы растут до земли, а ты сено собирай, да языком не мели. Четвертая ветка — слово «растут». И брунька там тоже четвертая. Буква «Т». Интересно, куда нас пошлют в этот раз...
- Топор какой-нибудь искать, - усмехнулся Бодан. - Он на букву «Т».
- А ничего, что белка назвала четыре ветки, а не пять? Слово из четырех букв.
- Может, одну потеряла.

Я продолжил считать:

- Шестое слово - «земли», и третья буква там «М». Что еще за «Тм»?
- Не знаю. Дальше восьмая ветка?
- Девятая.

Следующие буквы мы нашли без труда. «Н» и «А».

- Значит, в слове «земли» нужна не третья буква, а пятая, - заключил я. - Получится «Тина».

- Тина болотная? - насторожился Богдан. - Лучше бы топор. Болото есть только во владениях Чернобога. Они хотят, чтобы мы пошли напрямиком в лапы к Мороку?
- Нам придется пойти. То есть мне, я сам схожу.
- Я с тобой, мы это уже обсуждали. Вот Миле там делать нечего.

С этим я был абсолютно согласен. Вечером, рассказывая Миле о поездке к тополянам, про белку даже не обмолвился: пусть думает, что третью песню белка пока не спела.

Ночью я проснулся от пробившейся сквозь сон мысли — на первый взгляд, совершенно безумной. Забраться в дом к Велимудру, отыскать его камень, а потом пойти с камнем к Переглядному озеру, и тогда все станет ясно. Наверное, если бы такое пришло в мою голову днем, я бы сто раз подумал, прежде чем делать. Но тьма за окном словно шептала, призывая выйти из дома и обещая, что никто не узнает о моей ночной вылазке.

Дом Велимудра недалеко. Двери на ночь там отродясь никто не запирает, а собака принимает меня за своего и лаять не будет. В крайнем случае, скажу, что пришел к Богдану. Среди ночи, да... Неважно, выкручусь как-нибудь.

Тьма была не просто союзником, она позволила мне стать ее частью, втянула внутрь своей утробы, подарив ощущение свободы. Никто не разглядит меня в темноте. Никто не спросит, куда я иду. Никто не остановит. И вот уже выплывают очертания знакомой крыши с двумя лошадиными мордами, одна из которых выкрашена в красный цвет, другая — в зеленый. Когда-то Богдан их так разукрасил и огреб за это от деда. Сейчас обе морды черные, гордо смотрят в разные стороны. И крапива возле дома черная, слилась с темнотой, как и я, но жжется не хуже, чем днем. Зараза! Я отдернул руку. Зудеть теперь будет... Нырнул поскорей в дом, сделал несколько шагов, слушая дыхание спящего. Богдан или Велимудр? Богдан. Это он причмокивает во сне: когда ночевали в лесу, тоже такое было. Едва касаясь

пола, я двинулся дальше — туда, где из-под простыни торчали кривые ноги. Велимудр спал на спине, свесив руку с лавки, его лицо и во сне излучало силу и уверенность. Только оказавшись рядом с первым среди старейшин я понял, насколько безумна моя затея. На что я рассчитывал? Думал, получится шарить по дому, пока любимый учитель и лучший друг спят? Рыться в их вещах, открывать сундуки, отодвигать половицы?..

Я готов был уже выбежать из дома, но мой взгляд упал на скамейку возле окна. На ней я увидел пустую чашка и два камня рядом. Те самые камни, что раздают светозары для собирания ошибок! Какой из них чей, не угадать, но можно взять оба. У Богдана и так нет от меня секретов, ничего нового Переглядное озеро не покажет, а камень Велимудра способен многое прояснить. Я схватил один камень в правую руку, потянулся левой за вторым, но случайно смахнул его. Перевернувшаяся чашка с грохотом полетела на пол.

Я зажмурился, слыша, как с лавки вскакивает Велимудр, но тут же заставил себя открыть глаза и встретился с его ледяным взглядом.

Глава девятнадцатая. Алатырь-камень и деревянный кубарь

Тум, тум, ту-у-ум! Молотом по камню. Еще раз и еще! Сотни тысяч раз, пока не польется музыка, создающая новый мир.

— Ты сможешь, Сварог. Кроме тебя, никто этого не сделает.

Так говорило Мировое Дерево много столетий назад.

Смешать Правь, Явь и Навь. Эта идея показалась ему сперва настолько дикой, что он и слушать ничего не хотел, но Дерево сказал, нет другого способа спасти людей от Чернобога и его сына. После того, как по милости Морока, чуть не утонули дети из нескольких поселений, медлить было нельзя.

— Если ты нигде не ошибешься, у тебя будет новый мир. Не такой большой, как этот, но ты его тоже полюбишь. Люди будут жить рядом с

богами и нечистью, управляемой Чернобогом. Но темные боги лишатся силы, они не смогут вредить по-крупному. Ваш маленький мир станет защитой и спасением для большого. Назови его Светозарией, в честь сыновей богов. Пусть они следят, чтобы люди не выходили в большой мир.

- Но это невозможно. Как мы удержим людей? Им захочется знать, что там. Захочется пойти к другим людям, таким же, как они.
- Пусть думают, что других людей нет. Есть свирепые великаны, которые разорвут любого, кто им попадется.
- А если оставить людям свободу выбора?
- Сказать, что они заперты в Светозарии ради счастья всего человечества? Сварог, не будь наивным. Первый вопрос, который они зададут: почему именно мы? Ты уверен, что они захотят остаться?

Сварог много об этом думал. Более или менее уверенным он был только в тополянах. Им везде хорошо: и в большом мире, и в маленьком, они не станут роптать на судьбу. Но у них пытливый ум, они захотят увидеть все, что есть за пределами Светозарии, открыть для себя новые возможности. Вернутся ли потом, предсказать сложно. Даже если тополяне останутся добровольно, а березане и дубравцы уйдут, это мгновенно скажется на мире. Сварог взял три племени, все три нужно сохранить, и количество людей не должно сильно меняться, особенно в сторону уменьшения.

- А если Чернобог скажет людям? Или Морок? Или их слуги.
- Я позабочусь о том, чтобы не сказали. Люди не услышат темных богов, если те заговорят с ними об этом. Лишь одна картина мира будет истинной для людей. Делай, как я говорю, Сварог. Все в точности делай, про рассветную и закатную магию не забудь, иначе война все разрушит. Стучи молотом громче! Стучи по Алатырь-камню! И пусть родится новый мир! Светозария.

Тум, тум, ту-у-ум! Молотом по камню. Еще раз и еще! Сотни тысяч раз, пока не польется музыка, создающая новый мир...

— Па-а-ап, - протянул Ян. - Ты слышал, что сказала Злата?

Сварог усмехнулся, глядя на сидящую перед ним парочку. У сына хороший вкус: вон какую берегиню выбрал — бойкую, смелую, умную. Убийцу решила сама найти. Додумалась же! За это ее Сварог хвалить не собирался — могла бы с ним сперва посоветоваться, но про себя отметил, что лучшей невесты для сына он и представить не мог.

Ян рядом с ней преобразился. Степеннее стал, по залу не носится, ногти не грызет, и косоглазия своего не стесняется. А то вел себя, будто обычный мальчишка, а не светозар.

— Да я-то не глухой, - ответил Сварог, взбивая подушку, прежде чем положить на нее ноги. - И что вы от меня ждете? Одобрения? Лучше бы вы сразу принесли меч Чеслава мне. Теперь он наверняка на дне озера или реки. Думаю, Морок выбрал себе неглупого помощника.

— А знаете, что я думаю? - Злата громко хлопнула ладонью по белоснежной подушке. - Надо позвать Данко и Глеба на совет богов и допросить. Пусть расскажут, где были в день убийства Чеслава.

— Нам это ничего не даст, - покачал головой Сварог. - Мы не знаем точного времени, когда его убили, а в течение дня оба светозара могли быть где угодно. Да и вспомнят ли они...

— Тот, который убил, вспомнит. Могу поспорить, он давно сочинил историю, где бродил и что делал. А второй — невиновный, скорей всего, растеряется.

Злата Сварогу определенно нравилась. Просто так она от своего не отступится. А Ян забеспокоился — испугался, что Злата, доказывая свою правоту, начнет дерзить.

- Нет, мы поступим иначе, - твердо сказал Сварог. - Хватит уже ошибок, убийца и так ко всему готов после ваших с Яном выходок. Не зря он спрятал сонный порошок — догадывался, что будете искать в его тереме.
- Странно, что он избавился и от своего короба с порошком, и от чужого. Я бы на его месте просто поменяла их, себе взяла целенький, а другому светозару подсунула начатый. И сразу всем ясно, кто убийца.
- Тут можно просчитаться. Он ведь понял, вы не просто так придумали ловушку с мечом. У вас двое подозреваемых. Можно, конечно, свалить вину на второго. Но это очень предсказуемо, и тогда скорей заподозрят того, у кого короб с нетронутым порошком. Он пошел другим путем, предпочел, чтобы вы по-прежнему терялись в догадках, кто из них враг.
- Он умен, - согласилась Злата. - А значит, это Данко. Хотя... Глеб тоже не дурак, а его обаятельная улыбка кого угодно введет в заблуждение.
- Не могу! - воскликнул Ян, сдавливая голову руками. - Не могу это слушать про них. Один из моих друзей — предатель! Один из тех, с кем я менялся в детстве рубахами...
- Перестань ныть! - осадил его Злата. - Это больно, я понимаю, но нам сейчас надо его поймать, кем бы он ни оказался. И у твоего отца есть план, да?

Злата сверлила Сварога взглядом. Ох, и настойчивая она — берегиня со сковородкой.

- Я поручу надежным светозарам следить за Данко и Глебом, а вы больше в это не лезьте. Никакой самодеятельности, ясно?
- Ян кивнул, а Злата скривила губы.
- Интересно, как Морок мог привлечь светозара на свою сторону? - спросила она. - Чего не хватает Данко или Глебу? Если мы это поймем, вычислим, кого Морок посадил на крючок.

- Не слишком увлекайся вычислениями, - предупредил Сварог. - Я сам теперь этим займусь. А ты, Ян, поменьше проводи времени со своими друзьями. Герой получил третье послание, и теперь ты ему точно понадобишься, следи за пятками.
- У героя все плохо, его зацепило Лихо Одноглазое.
- Ты говорил. Но я надеюсь, он продержится и выполнит то, для чего избран.

Сварог заметил, как вздрогнула и побледнела Злата.

- А потом? - спросила она, и глаза ее потускнели.

Сварог вздохнул. Что ей сказать? Ему тоже жаль героя, но и боги могут не все. Макошь перережет его нить, когда придет срок, даже если ей очень не захочется это делать. Героя не спасти, но от него зависит, что станет со Светозарией. А если он не дойдет? Сварог рассматривал и этот вариант. Люди, убивающие друг друга, разгулявшаяся нечисть и всевластие темных богов, которые вырвутся в большой мир... Светлым богам все равно ничего не грозит. Они могут уйти обратно в Правь, а позже создать новый мир наподобие Светозарии и снова лишить Чернобога, Мару и Морока силы. Вероятно, Мировое Дерево это и посоветует. Но Светозария тогда исчезнет, а березане, дубравцы и тополяне погибнут. Разве можно предать мир, который ты сам создавал с такой любовью? И не важно, сколько миров способен создать еще, и будут ли они прекрасней этого. Нет, должно быть другое решение...

А в голове настойчиво звучало: Тум, тум, ту-у-ум! Молотом по камню...

Велимудр молчал долго. За время его молчания с лавки спрыгнул Богдан, зажег лучину и осоловело уставился на меня. Он не мог понять, что я делаю ночью в их доме, бормотал про медведя, который ему приснился, про

владения Чернобога, начал говорить о песне белки и запнулся на полуслове — увидел камень в моей руке.

- Твой друг пришел украсть наши ошибки, - сказал Велимудр таким тоном, что мне захотелось немедленно выпрыгнуть в окно.
- Зачем? - растерянно спросил Богдан, начиная что-то соображать. - Дим, ты чего? Залез к нам тайком, чтобы взять камни? А потом что? Посмотрел бы их в озере?
- Все не совсем так...
- А как? - взвился Богдан, окончательно стряхивая с себя сон. - Думаешь, это я стрелял в Сома? Правда, думаешь? Решил проверить, не готовится ли твой лучший друг воткнуть тебе нож в спину... Знаешь, кто ты? Богдан рванулся ко мне, но был перехвачен Велимудром.
- Драться я вам не позволю. Но я тоже жду, что скажет Вадим в свое оправдание.
- Правду сказать? - внезапно меня охватила злость. Из-за Богдана, сжимающего кулаки. Решил, я такая сволочь, не доверяю ему. А почему его дед всем врет, он не хочет спросить? - Я скажу. Но она тут не всем понравится. Оправдываться должен не я!
- Чего-чего? - даже при тусклом свете лучины было видно, как заходили на лице Богдана желваки.
- Спокойно, - предупредил Велимудр.

А я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо, произнес, глядя старейшине в глаза:

- В день, когда подожгли дома дубравцев, вы там были. Вас видели в их землях. И еще вы там потеряли подарок тополян.

Велимудр стоял неподвижно. Его веки, наплывающие на глаза, еще больше потяжелели, стали похожи на куски мокрой глины.

- Что ты несешь? - закричал Богдан. - Какой подарок? Тополяне? Опять они!
- Не горячись, - осадил внука Велимудр. - Он говорит правду: я был у дубравцев и действительно скрыл это.
- Скрыл... - прошептал Богдан, боясь озвучить остальные мысли.
- Присядем! - Велимудр сел на лавку, жестом приглашая нас сесть рядом.

Повисло неловкое молчание. Велимудр не спешил продолжать разговор, а мы с Богданом не решались спрашивать.

- У меня была причина, - после нескольких минут колебаний сказал Велимудр. - Была, есть и всегда будет. Я не хотел, чтобы все узнали о моем ужасном поступке.

Неприятный холодок побежал по моей спине. Значит, это сделал он?!

- Нет, я не поджигал дома.

Он произнес это, и мы с Богданом одновременно выдохнули. От сердца отлегло.

- Ужасное я совершил гораздо раньше, в вашем возрасте.

Он глухо кашлянул.

- Ее звали Горинка. Обычная девчонка из дубравских, неброская на вид, но веселая, среди подруг была заводилой. Мы познакомились с ней в наших землях, она поспорила с подружками, что прискачет в березовый лес, когда мы будем собирать сок, и утащит у кого-нибудь кувшин сока. Этим кем-то стал я, - Велимудр усмехнулся в бороду. - Погнался за ней, но так и не догнал. Потом она привезла мне желудевый квас в знак примирения, но я все равно решил ее проучить. Сделал вид, будто девчонка мне понравилась и сказал, буду ждать ее ночью в лесу. Не в березовом, не в дубовом, а в том, что между землями дубравцев и владениями Чернобога. И место обозначил — на самом высоком холме.

- Она согласилась? - удивился Богдан. - Там же ночью страшно, волки воют.
- Я был уверен, что она не придет, побоится. И будет мучиться — такого парня упустила. Но она пришла, а я нет: просто забыл про нее и лег спать. А утром узнал, что на Горинку напал в лесу волк и отгрыз ей ноги, - боль исказила лицо Велимудра. - Она чудом осталась жива. Ее выхаживали травники, и светозары помогали. Когда она пришла в себя, никому не рассказала, почему очутилась в лесу, а я струсил и тоже промолчал. Прошло время, предложил ей руку и сердце, - Велимудр тяжело вздохнул. - Она меня прогнала, сказала, никогда не станет женой человека, который ее не любит. Но заставила поклясться, что раз в неделю я буду приезжать к ней и смотреть, как она теперь живет, такая...
- И ты всю жизнь едешь к ней? - спросил ошеломленный Богдан. - Втайне от всех?
- Всю жизнь... Сколько я получил за это время камней для собирания ошибок! И с каждым камнем я говорил об одном и том же. А с людьми так и не смог... до сегодняшнего дня.

На глазах у Велимудра выступили слезы, и снова в доме воцарилось тягостное молчание. Велимудр смотрел в одну точку, Богдан все время порывался обнять деда, но так этого и не сделал, а я теребил ухо, думая о том, простила ли Горинка Велимудра и простил ли он сам себя.

Вернулся домой почти под утро, можно было и не ложиться спать, но я все же немного поспал — нам с Богданом предстояло непростое и наверняка опасное путешествие во владения Чернобога.

Мама с утра была странной: мне показалось, глаза у нее заплаканные. Накануне я сказал отцу, что должен буду уехать и что это очень важно для

всех. Похоже, он не выдержал, поделился с ней. Эх, папа! Увидев, что мама собирает мешок с едой, я больше не сомневался — она в курсе.

- Знаю, что вы с Богданом за травами едете, - она заворачивала в тряпку репу.

И, внезапно отложив мешок, кинулась ко мне, обняла, прижалась к моей груди. Когда-то было все наоборот: я прижимался к ней, утыкаясь носом в живот, а теперь выше мамы на голову.

- Осторожней там, - она всхлипнула.
- Мам, да чего ты. Травы нас не кусают.

Она взглянула на меня с укором: мол, не прикидывайся дурачком.

- Я на твоей новой рубахе вышила крест Сварога. Наденешь ее, понял?

Она метнулась к лавке, там лежала рубаха и нитки на ней.

- Держи!

Я залюбовался. На белой рубахе ярко горела красная восьмилепестковая звезда.

- Пусть сбережет тебя, - прошептала мама.

Подошла Мила, тронула меня за плечо.

- Может, я все-таки с вами?

Догадалась, что мы получили третье послание, но не хотим брать ее с собой. Возразить Миле я не успел, возразила мама.

- Еще чего не хватало! Мне помогать будешь. Ишь, разгулялись! Дома им не сидится.

Мама завела свою обычную песню, но умолкла, услышав чей-то плач.

- Что там? - встревожилась Мила.

И мы втроем выскочили из дома.

- Забрали! Славушку моего забрали! - рыдала в голос соседка.

Ее успокаивала рябая Желя — девчонка чуть старше меня, хотя ее лицо тоже было залито слезами. Из всех домов к ним бежали люди, и Желя,

захлебываясь соплями, рассказывала, что дети сидели у ручья, крутили вертушку, деревянный кубарь. Она тыкала этим кубарем то в одного, то в другого, будто он был самым важным в ее рассказе.

— Играли дети. Кубарь крутился, крутился... А тут дубравцы на лошадях. Подхватили детей и увезли. Я побежала за ними. Один крикнул мне... крикнул... - Желя разревелась.

— Да говори же! Что крикнул? - слышалось со всех сторон.

— Передай своим... - Желя вытерла лицо платком. - Если хотят увидеть детей, пусть выдадут нам преступника, мы не будем больше ждать.

Толпа загудела. Возмущенные возгласы, ругань, призывы бить дубравцев... Волна негодования захлестывала людей все больше и больше. Там их дети. Пятеро маленьких детей, которые до смерти напуганы, плачут, зовут маму и папу. И если толпа рванет к дубравцам, будет бойня. Я увидел отца, потом Велимудра, Богдана — они пытались образумить толпу. Я тоже попытался вырвать грабли у мужика, грозившего порешить ими всех дубравцев разом.

— Отцепись! - орал мужик. - А то и тебе достанется.

Но я упрямо тянул грабли на себя.

— Березане, одумайтесь! - голос Велимудра взлетел над всеми. - Светлые боги предупреждали, этого от нас и ждут Чернобог с Мороком. Я верну вам детей, обещаю, дубравцы ничего им не сделают. Мы решим все мирно, я лично поеду на переговоры и возьму с собой только тех, кто способен держать себя в руках.

Они слушали, и гул утихал, но на лицах читалось сомнение. Велимудр не сможет их долго сдерживать. Сегодня остановит, а завтра... В успех переговоров с дубравцами я не верил, их терпение лопнуло, а если дубравцы не вернут детей, в ход пойдут грабли, дубины, топоры. В этом месиве погибнут люди, как погиб Первак, и сила Морока утроится.

- Мы должны спешить, - сказал я Богдану и метнулся в дом, чтобы взять мешок.

Вскоре мы гнали коней к владениям Чернобога.

Глава двадцатая. Кикиморские дебри и песня Сирин

Березовый лес остался позади, затем и дубовый. Еще немного, и мы видели только дым, клубящийся над крышами домов дубравцев, а позже потеряли из виду и его. До вечера было далеко, но небо над нами потемнело, превратилось в грязно-серую скатерть, на которой разбросаны засохшие корки ржавого цвета.

- Ну и мерзкие тут облака, - поморщился Богдан. - И солнца нет.
- А что ты хотел от владений Чернобога? Скажи спасибо, камни с неба не падают.
- Кстати, о камнях. Мы еще не поговорили о том, как ты забрался в наш дом.
- Давай не сейчас, - я вглядывался в лес, простирающийся перед нами, и прикидывал, как поехать к болоту. Вдали виднелись зубчатые хребты гор, но я помнил, что к горам лучше не приближаться, а болото должно быть недалеко, за Кикиморскими дебрями.
- Нет, я пытаюсь представить. Все это время ты подозревал моего деда и ничего не сказал мне?!
- Я поклялся не говорить. Да и скажи я тебе, что бы ты устроил?
- То есть по-твоему я придурок бешеный?
- Ты сам себя так назвал.
- А ты и рад! - все больше выходил из себя Богдан. - Может, ты и меня подозреваешь? Я уже не удивлюсь.

- Нет, я не верю, что ты на это способен и вообще, не хочу больше искать виновного. Мы все время попадаем пальцем в небо. То с Владом, то с твоим дедом. Кого еще проверять? Коршуна? Только потому, что он был участником игры? Но выстрелить мог любой...
- Мне кажется, я знаю, кто это. Наш дубравский друг Ярослав! Специально все подстроил, чтобы думали на березан. И вертится возле Милы для отвода глаз, делает вид, будто она ему нравится.
- Ну ты насочинял! По-моему, он не меньше нас хочет докопаться до правды.
- То есть в нем ты не сомневаешься? - хмыкнул Богдан. - В моем деде засомневался, а в этом уроде нет? Он больше внушает доверие.
- Не передергивай. Насчет Велимудра... я сам жалею, что так вышло. Эх! Если бы я задал Гамаюн правильный вопрос, у нас был бы уже ответ!

Последняя фраза вырвалась случайно, пришлось рассказать Богдану, как глупо я себя повел, а он тут же зацепился за это и начал меня распекать, не стесняясь в выражениях.

- Порази тебя стрела Перуна! - не выдержал я. - Тут владения Чернобога. Владения. Чернобога. Ясно тебе? Что угодно может случиться в любой момент.

В подтверждение моих слов над нами пролетела черная птица и ляпнула грязью на лошадь Богдана. Грязь текла из птицы струей, капая на жухлую траву.

- Тьфу, гадость! - сплюнул Богдан. - Откуда в ней столько?

Птица врезалась в дерево, размазываясь по нему уродливым пятном грязи.

Следом прилетели другие птицы и тоже превратились в грязь на деревьях.

- Весело тут у них, - пробормотал я. - А к болоту, кажется, один путь — через Кикиморские дебри.
- Ну и ладно. Как говорится... Кикимор бояться — в болоте не купаться.
- Это где ты такое слышал? Про купание в болоте, - хохотнул я.
- Только что придумал. Поехали, поглядим на их страшные рожи.

На вид деревья в лесу были такими же, как в других землях. Сосны, ели, дубы, липы, клены отмахивались ветками от навязчивого ветра, шелестели листьями, но не пахли, даже липа. Точнее, запах был, но совсем не тот, что обычно бывает в лесу — свежий и бодрящий. Если бы мне завязали глаза и спросили, где я нахожусь, решил бы, что сижу в сарае среди ветхих тряпок и прочего старья.

- А мертвый лес тоже где-то здесь? - спросил Богдан.
- По словам Яна, нет. Он у подножия самой высокой горы.

Мы вытянули шеи, чтобы посмотреть, какая из гор выше остальных, и наши кони взволнованно заржали, становясь на дыбы.

- Добряк, ты чего?

Конь бил копытом, отказываясь ехать дальше. Чернушка тоже брыкалась, будто хотела сбросить с себя Богдана.

Ветер стих, деревья замерли, а ржавых пятен на небе стало вдвое больше.

- Ах ты! - пытался усмирить лошадь Богдан. - Упрямая кляча. Больше ни одной стихоплетки для тебя не сделаю!
- Они не поедут, не мучай ее. Смотри, какие заросли впереди, - я показал Богдану на сросшиеся деревья и высокую, опутывающую их траву. - Там нет нормальной дороги, конь не пройдет. Похоже, это и есть Кикиморские дебри.

Богдан выругался и прыгнул на землю.

- И что? Оставим их здесь?

– Если домой не убегут.

Эта мысль меня напугала. Вернутся кони без нас, все решат, мы погибли. А мама... Вдруг у нее разорвется сердце? Странно было так думать, я ведь по-любому ехал не на прогулку, и Лихо Одноглазое не дремлет — ждет, когда проявлю слабость. Но представил эту картину: Добряк возвращается домой, и мама, увидев его из окна, роняет тарелку с кашей... Обычной, не сварожей, которую так хотела поесть вместе со мной. Представил, и в груди все сжалось.

– Добряк, ты должен меня дожидаться, слышишь? Никуда не уходи, - повторил я коню раза три.

Мы продирались через заросли медленно, прислушиваясь к каждому звуку, боялись сделать лишнее движение и прикоснуться к листьям, будто они обожгут. Обычные листья: зеленые, сочные, красивые. И оттого страшнее. Почему они тут такие? В лицо лезут, по плечам хлопают по-дружески, хотят, чтобы мы поверили — опасности нет. А она есть, притаилась в кустах и выжидает, я это кожей почувствовал. Липкой от холодного пота.

Мешок с едой жутко мешал. Зачем потащили его с собой? Кому придет в голову устраивать тут обед? В этих дебрях кусок в горло точно не полезет, возле болота тем более. Надо быстро набрать тины и бежать, пока болотницы не выскочили. Или попробовать с ними договориться? Бред! Это земли Чернобога, никто с нами говорить не станет. Мешок можно и выбросить: все, что нужно, лежит в кошеле — кроме березовых сережек, в нем кубышка с ветром и перо. Раздобыть тину и тогда... Макошь не сказала, как это поможет попасть к Мировому Дереву. Но сперва раздобыть, а там будет видно. Еще неизвестно, подойдет ли нам перо Гамаюн.

Заросли немного расступились, мы пошли быстрее.

Кругом тишина. Нехорошая. Напряженная. Хоть бы очередная птица об дерево шмякнулась, брызгаясь грязью. Но и птиц нет. Только одна пронеслась в небе, окончательно съеденном ржавчиной.

Я наступил на что-то склизкое и схватился за ветку. Она хрустнула. А сзади еще хруст. И еще. Оборачиваясь, я ожидал увидеть крадущуюся за мной кикимору, но вместо нее из кустов выпрыгнул банник — тот, что назвался отцом Богдана. Правда, узнал я его не сразу: листьев у него на груди не было, вместо них рубаха, даже подпоясанная, как у человека, а волосы и борода гладко причесаны.

- Стойте! - встревоженно крикнул он. - Не ходите. Вам тут не пройти.
- Да неужели? - вскинулся Богдан. - Наверное, эта тропа специально для банников. Но что-то я бани не вижу, - он презрительно сощурился. - А-а-а! Понял. Ты сюда приперся веток для веников нарвать, тополиные ветки надоели.
- Богдан! Сынок, послушай меня...
- Я тебе не сын!

Богдан заскрежетал зубами.

- Не злись, прошу тебя! Макошь позволила мне пойти, подсобить вам. Я же нечисть, мне можно. Это светозарам нельзя. А сами вы не пройдете.
- Да что ты заладил! Не пройдем, не пройдем. Убирайся! Без помощников обойдемся.
- Не гони его, - вмешался я. - Тебе помощники не нужны, а мне нужны.

В глазах банника было столько благодарности, что мне стало неловко. А банник заулыбался наполовину беззубым ртом и назвал свое имя — Сбыня.

- Я боялся не успеть. Еще чуть-чуть, и вы бы напоролись.
- На что? На ветку-убивайку-за-шиворот-хватайку? - Богдан кипел от злости. - Худшее, что с нами могло здесь произойти, - это твое появление.

- Богдан, это уже слишком. Он тебе ничего плохого не сделал.
- А ты не лезь! Если бы я не пообещал самому себе, что пойду с тобой до конца, меня бы тут уже не было. Как только ты сказал, что берешь в помощники этого... Но я останусь. Он сдаст тебя Мороку, он же нечисть, ему нельзя доверять.
- Нет-нет, - замотал головой банник. - Я на вашей стороне.

Богдан скривил губы и всем своим видом показал, что больше это обсуждать не собирается. Он шагнул, намереваясь идти дальше, но банник в один прыжок оказался возле сына и вцепился в его руку.

- Нельзя! Сгинешь!

Богдан грубо оттолкнул его, но не успел сделать следующий шаг — мимо него пронесся заяц.

- О-о! Тут и зайцы водятся. И у них даже не три уха вместо...

Договорить он не смог, его оглушил грохот вырывающейся из-под земли воды. Вода пробила как раз в том месте, где бежал заяц, накрыла его целиком и вдруг из прозрачной превратилась в красную. Еще мгновение — и вода ушла обратно, земля впитала ее, а за деревьями послышалось противное хихиканье. И оборвалось.

- Что это было? - глухо спросил я.
- Ступайте за мной, - ответил банник. - След в след.

Теперь Богдан не сопротивлялся, молча пошел за отцом. Немного пройдя, мы увидели зайца, разорванного на части.

- Это его водой так? - не поверил я.
- Кикиморские родники, - пояснил банник. - Они и людей убивают. Неведающим тут не пройти.

Мы двигались осторожно, внимательно следя за движениями банника.

- Но многие ведь ходили на дворец Чернобога посмотреть, - сказал я.

- Через дебри обычно не ходят, если к болоту не надо и если кикимора не завлечет. Но к болоту в обход не выйдет. А просто так никто в дебри не сунется, зайцы, и те редко сюда забегают.
- А этот?
- Я его позвал, чтобы показать вам, пока сами на родник не нарвались. Мы, банники, не только веники вязать умеем. Зверушку какую приманить — это проще простого.
- А может, и родник — твоих рук дело? - с подозрением покосился на банника Богдан. - Нашел способ втереться к нам в доверие.
- Слушай, отстань от него! - прикрикнул я на Богдана. - Уже решили — идем втроем и не грыземся.

Из кустов послышалось хихиканье, и в этот раз я успел увидеть, кому так весело. У кикиморы было уродливое лицо зеленого цвета, на котором я не сразу разглядел нос и рот, испачканные грязью. На голове у нее торчало несколько волосин — как ни странно, русых, а не зеленых, на шее висело ожерелье из камней, а все, что ниже шеи, скрывали густые ветки. Что-то подсказывало мне, эта кикимора — еще ребенок. Выпученные глаза смотрели на меня с вызовом, а губы растянулись в улыбке.

- Сгинь, захухря! - банник погрозил ей кулаком.

Кикимора хихикнула и спряталась.

- Ты с ними не переглядывайся. Они тут злее, чем те, что в избах живут. Домашние кикиморы больше по части шалостей: сломают что-нибудь в доме, волосы у хозяев выстригут, поорут ночью. Но если дом чистый, они хозяев обижать не будут. А эти другие — любого заведут в болото и утопят.
- Нам к болоту и надо, - улыбнулся я.
- Я дорогу и без них знаю, а кикиморы быстро на дно спровадят. Не переглядывайся, говорю.

Я кивнул, но сам то и дело шарил глазами по кустам, правда, больше никого не заметил. Кикиморы не вызвали у меня сильного страха: мне казалось, они безобидны по сравнению с другой нечистью во владениях Чернобога. Я чувствовал, что впереди нас ждут встречи пострашнее.

«Матушка Сыра-Земля! Не оставь меня в трудный час, дай мне сил, дай мне твердости. И брату моему, и друзьям моим. И всем, кого носишь, кормишь и поишь. Не достанет нас враг, не прольет нашу кровь, не сломает нашу волю. Да будет так! Да будет так! Да будет так!»

Мила поднялась с земли. Отряхивать прилипшие к рубахе и штанам комья не стала, пусть будут. Лежать на земле было хорошо и спокойно, а теперь надо ехать во владения Чернобога. Страшно даже смотреть в ту сторону, и хочется повернуть назад, но она не повернет, она должна быть там, рядом с братом.

Немного проскакать от земель дубравцев в сторону гор, и начнется другой лес — темный, пугающий. Только бы хватило храбрости. Вместе с Димом и Богданом было бы не страшно, а одной... Хотя она не одна, с ней верный Буян.

Конь забеспокоился, он раньше Милы услышал, что к ним приближается всадник. Мила узнала его издали, едва увидев смутные очертания. И в сердце сразу тысячи барабанов, и голова удивительно легкая, свободная от всего, что ее тяготило. Но лицо серьезное: она ничем себя не выдаст и даже не улыбнется ему.

— Куда ты собралась? - спросил Ярослав, спрыгнув с коня. - Я увидел тебя, когда ты ехала мимо моего дома и глазам не поверил. Побежал за конем, а ты уже умчалась. Искал тебя в дубовом лесу, - в его голосе была тревога. - Зачем тебе к темным богам?

– Там мой брат, на болоте. С ним может случиться плохое.

Отчиталась... Нужно было процедить сквозь зубы: «Тебя это не касается» и отвернуться, а она... Больше всего она хочет, чтобы он поехал с ней! Это желание сильнее памяти, которая шепчет ехидно: «Забыла его слова? Он никогда не попросит у тебя прощения при всех. Потому что его гордость важнее, чем ты, сильнее, чем чувства».

«Вот и моя гордость важнее», - мысленно сказала Мила.

Взглянула украдкой на Ярослава, и дыхание перехватило. Лучше на него не смотреть.

– Я тоже поеду, - тихо произнес он.

Может быть, ей это послышалось? Нет, он ждет от нее ответа, думает, она завизжит от радости и бросится ему на шею.

– Я сама, - выдавила из себя Мила, обжигая словами губы. - Мне попутчики не нужны.

Ну вот, гордость в порядке. А он теперь психанет и уедет. Потому что она дура. Круглая.

– Я с тобой, - упрямо повторил Ярослав. - И знаешь что... - он открыл кошель, достал оттуда... Неужели? Тот самый гребень! - Я не шутил. Возьми его, пожалуйста.

Все повторяется. Она стоит перед ним, как на празднике дубовых веток, хочет поверить, что это правда, но боится. И столько всего мешает: белка, в которую он стрелял, его друзья, смеющиеся над ней, а больше всего он сам, не способный долгое время быть без маски.

– Не могу, - Мила попятилась, словно хотела отойти от гребня подальше, чтобы не было искушения взять его. - Не сейчас.

– Почему?

– Мне надо понять, кто ты.

- Да вроде не упырь, - усмехнулся Ярослав и серьезно посмотрел ей в глаза. - Хорошо, я подожду.

Гребень вернулся в кошель, а Мила вздохнула с облегчением. Она очень хотела бы провести гребнем по своим густым волосам, вдохнуть дубовый запах и думать о Ярославе только хорошее. Всегда. Не сомневаясь ни секунды. И даже не это главное. Люди не состоят из одних достоинств или недостатков, в каждом хватает всего, но не каждому можно дать руку, и, закрыв глаза, пойти за ним, даже если он поведет над пропастью.

«А он-то пошел, - подумалось ей. - Хоть пропасти впереди и нет, если в горы не лезть, но во владениях Чернобога много чего опасного найдется. Все равно пошел с ней».

Они мало разговаривали по дороге: и когда ехали, и когда коней пришлось оставить, чтобы продвинуться дальше. Кикиморские дебри жуткие. Грязное небо и птицы из грязи. Воздух такой, что лучше совсем не дышать. Деревья стоят плотно друг к другу, так и чудится — сдвинутся еще плотней и раздавят тебя, а трава обвивает ноги, ползет вверх, пытается захватить целиком. И Мила надеялась, что пройдет здесь одна? Наверное, давно бы уже кинулась бежать, куда глаза глядят или упала на траву и разревелась.

Дебри казались бесконечными, но за деревьями неожиданно открылась просторная поляна, усеянная цветами.

- Цветы не рви, - предупредил Ярослав. - Мало ли... Думаю, болото недалеко, вон за теми деревьями, - он показал вперед.

Приближаясь к деревьям, Ярослав настороженно оглядывался по сторонам.

- Если кто нападет, у меня полный кошель желудей, - заявил он.
- А у меня куча сережек.
- Не сомневался в этом, - хмыкнул он. - Стой! Там кто-то есть!

Ярослав схватил Милу за руку, но она увидела мелькающий среди деревьев светлый затылок брата и закричала:

– Дим! Дим!

Брат обернулся и бросился ей навстречу.

– Ты как сюда попала?

– Как и ты, через Кикиморские дебри.

Следом за Димом подбежал Богдан, а потом медленно подошел старик с острым носом и острыми, как у Богдана, скулами. Это же его отец, банник, — именно так его описывал Дим.

– Ты что, проболтался ей? - укорил Дима Богдан.

– Ничего я не болтал. Мила знала, что я получил третье послание и что мы куда-то поедem с тобой, но я и словом не обмолвился, куда.

– Мне папа сказал, - поспешила объяснить Мила.

– Папа?! Но ему я тоже ничего не говорил. Он о чем-то догадывался, понял, что меня охраняет светозар, и это не просто так, но он понятия не имел, что именно я должен сделать и куда отправиться.

Мила пожала плечами. Она сама удивилась, услышав от отца:

– Собирайся и езжай за братом, поможешь ему. Ищи болото за Кикиморскими дебрями.

Она пыталась расспросить отца, но он уклонился от разговора:

– Вопросы потом. Езжай, пока мать не видит.

– А как вы прошли через дебри? - спросил молчавший до этого банник.

– Просто прошли, а что? - не понял вопроса Ярослав.

– Ха! - хлопнул в ладоши Богдан. - Так я и думал — никаких кикиморских родников не существует. Все это пугалки для дурачков!

– Там есть родники, - возразил банник, сдвигая брови.

– О чем вообще речь? - Ярослав посмотрел на Дима. От Богдана, судя по всему, он не надеялся получить ответ.

- Сбыня сказал, если случайно наступить на подземный родник, он вырывается наружу и убивает. И мы сами видели, как родник убил зайца.
- Выходит, нам с Милой повезло.
- Или среди нас есть брехло, - Богдан со злостью взглянул на отца и двинулся к нему. - Убирайся отсюда! Убирайся! Вон! Иначе я...
- Остынь! - Дим схватил Богдана за грудки. - А что если им правда повезло?
- Да-а-а... Мы тут все везучие. Кстати, Мила, потащить с собой дубравца тебе тоже папа велел?
- Меня тащить не надо, я сам решаю, куда идти, - огрызнулся Ярослав. - И с кем.
- А ты у девушки спросил, хочет ли она видеть твою рожу?
- Представь себе, да.
- По-нят-но, - протянул Богдан.
- Давайте уже пойдем, - предложил Дим. - И не будем никого прогонять. Если что, Ярослав, забирай Милу и бегите.
- Папа сказал, я могу тебе помочь, - возразила Мила.
- Не представляю, чем.

Мила хотела напомнить, на что она способна, но все уставились на огромную птицу, летящую к ним. Сперва Мила подумала, это одна из грязевых птиц, и сейчас она врежется в дерево, но, птица опустилась ниже, и стало видно, что у нее человеческое лицо.

- Сирина! - воскликнул Дим.

Она кружилась над испуганными путниками, и слезы текли из ее глаз.

- Сирина, почему ты здесь? - пытался заговорить с ней Дим.

Дева-птица молчала. Ее страдальческий взгляд скользил от одного к другому, подолгу задерживаясь на каждом, и было ясно: она прилетела не просто так. Сирин — предвестница несчастий и бед.

— Скажи что-нибудь! - не унимался Дим.

Она прикрыла глаза и отчетливо произнесла одно слово:

— Смерть!

Мысли застыли. Сердце тоже. Мила не хотела больше ничего слышать. Ей привиделась эта птица. Конечно, привиделась — никакой птицы нет! Мила даже зажмурилась и тряхнула головой, посмотрела вверх... Наваждение не исчезло.

— Мы все умрем? - с показной веселостью спросил Богдан.

Вместо ответа Сирин запела. Это была странная песня: не птичья и не человеческая, слов не разобрать, какие-то звуки, но мелодия удивительно красивая, хотя и печальная. И пошевелиться невозможно, и хочется, чтобы она пела и пела...

— Сирин поет, когда кто-то должен умереть, - деревянным голосом сказал Ярослав, будто остальные этого еще не поняли.

Ноги у Милы подкосились, в животе заныло, язык прилип к нёбу. Они не уйдут отсюда живыми. А если уйдут, то не все. Слуги Морока уже готовятся к нападению, и никто не спасет тех, чья участь предрешена.

А над землей льется песня Сирин.

Глава двадцать первая. Огонь любви и веник банника

Данко или Глеб?

Глеб или Данко?

Злата перебрасывала сковородку из одной руки в другую. Иногда у нее вырывалось:

Дим или Ян?

Она приказала себе не думать об этом. Сейчас важнее найти того, кто сговорился с Мороком. Зачем светозару союз с темным богом? Что Морок ему пообещал?

За Данко и Глебом теперь следят, Сварог позаботился. Но она не хотела оставаться в стороне, эта загадка не давала ей покоя.

Данко или Глеб?

Данко умен и осторожен. Если это он, ясно, что просчитывает каждый шаг противника наперед, а она выдала себя с головой, роясь в его сундуке. Мать Данко мечтает стать помощницей Макоши. Может, Морок сказал, повлияет на Макошь, когда вернет себе силу? Но заморочить богиню ему не по плечу, хоть сколько силы у него будет. На чем же он мог подловить Данко? Непонятно...

С Глебом еще сложнее. Он весел и всем доволен, гуляет с берегинями, радуется жизни, у него и без Морока дела идут прекрасно. У мамы-заряницы тоже, у папы и подавно: бога любви обожает вся Светозария.

Злате надоело гадать, и она помчалась на луг, где собрались берегини, чтобы послушать рассказы тех, кто недавно выходил в большой мир. Скоро и ей разрешат, мама возьмет ее с собой, и там Злата узнает, каково это — быть невидимой для людей, ходить между ними, дотрагиваться до них, оставаясь незамеченной. Можно кого-нибудь пощекотать и посмотреть, правда ли человеку покажется, будто его коснулся ветер. Или крикнуть в ухо: «Доброго дня!», а он спросит у приятеля: «В каком ухе звенит?». И загадает желание. Каждая берегиня пробовала так делать, но ходят они туда не только ради забав.

Берегини должны беречь и спасать. Полудницы нужней всего людям летом, когда люди расслабляются и забывают, что могут пострадать от яркого солнца. Злата не раз представляла, как она закрывает солнце сковородкой, спасая от солнечного удара старушку или маленького ребенка. Она с

упоением слушала истории берегинь, надеялась и сейчас насладиться парой-тройкой историй, но берегини на лугу были не одни, к ним пожаловал Лель.

Вечно молодой бог танцующей походкой расхаживал среди берегинь и загадочно улыбался, похлопывая себя по бедру, на котором висела свирель: стоит ему поднести ее к губам, сердца берегинь начнут трепетать. Хотя многим берегиням достаточно просто увидеть Леля — красавца в белых одеждах, единственного из богов, чьи золотые кудри всегда украшает цветочный венок.

- Берегини должны знать о любви всё, - Лель говорил нарочито медленно, смакуя слова и явно любуясь собой. - Помните легенду, которую я рассказывал людям? Боги сотворили мужчину и женщину из двух палочек, и между ними разгорелся огонь. Пламя любви может согреть, может обжечь, а может превратить тебя в пепел, из которого ты или возродишься, или нет, но любовь — это всегда огонь.

Злата хмыкнула. Уж он-то знает — столько сердец воспламенил своим огнем! Однако, удачно он тут появился: расспросить его что ли о сыне? Но как?

Она пробралась через толпу берегинь и встала поближе к Лелю.

- А какой огонь сильней? Который сразу вспыхивает или который долго разгорается? Я слышала, что второй.

Лель окинул Злату внимательным взглядом. Таким внимательным, что она тут же пожалела о своей затее, но отступить было поздно.

- Мудрая берегиня со сковородкой, - задумчиво протянул он. - В этом что-то есть.

Злата прикусила язык, чтобы не нагрубить, но скользкий по ней взгляд раздражал все больше. Лель еще и подошел вплотную, взял прядь ее волос и намотал себе на палец. Злата чуть не задохнулась от возмущения.

- В быстром огне своя прелесть, - Лель дышал ей прямо в лицо. - Но рассуждать о нем бесполезно, его надо чувствовать. А чтобы ты это поняла, предлагаю прогуляться вдвоем.

Берегини зароптали, с недовольством глядя на Злату, многие хотели бы оказаться на ее месте. А Злата мечтала поскорей избавиться от Леля, и едва они отошли от берегинь, сказала:

- Мы с Глебом недавно про вас говорили.
- С Глебом? - переспросил он.
- С вашим сыном.
- Глеб... Глеб... - напрягал память Лель.
- Его мама — заряница Пава, - разозлилась Злата. - Вы что, своих сыновей не помните?
- Ах, этот... - Лель поморщился. - Не все мои сыновья заслуживают, чтобы я о них помнил. Глеб слишком много мнит о себе.

Злата подавилась смешком: Глебу есть в кого быть таким.

- А последняя наша с ним встреча была совсем неприятной, - разоткровенничался Лель. - Этот мальчишка заявил: «Я покажу тебе, на что способен! Такое устрою, обо мне все услышат, и ты будешь локти кусать». Глупец! Да что он вообще может?

Все-таки это Глеб... Связался с Мороком, чтобы отомстить отцу! И правда глупец... Злата кусала губы, думая, как ей поступить. Немедленно бежать к Сварогу или опять попытаться самой?

- Но что мы все о нем? - Лель обнял ее за плечи. - Так и огонь погаснет.
- Что-то с дровами не то, - Злата выскользнула из его объятий. - Он вообще не разгорается.

На всякий случай, Злата держала наготове сковородку: если Лель не поймет по-хорошему, треснет его по голове, не побоится. Но Лель соорудил

оскорбленную мину и всем своим видом показал, что после таких слов он в ее сторону больше не посмотрит.

Вот и чудесно! Не теряя больше времени на Леля, Злата помчалась к Яну, в тереме его не застала, кинулась к Данко. Тот открыл дверь и хотел ее сразу захлопнуть, но Злата успела выставить вперед ногу.

- А если бы я придавил? - закричал Данко. - Ты чего тут забыла? Не во всех сундуках порылась? Скажи спасибо, я тебя не ославил перед богами. И Яну не сказал.
- Где Ян? Он мне срочно нужен, дома его нет.
- Откуда я знаю? Носится где-нибудь, я за ним не слежу.

Злата убрала ногу.

- Плохо, что не следишь, - прошептала она, оглядываясь на светозара, гуляющего неподалеку от терема Данко. И чуть не добавила: «А за тобой следят».
- Хотя подожди, - надул щеки Данко. - Я его с Глебом видел. Кажется, они к Глебу шли.
- Давно? - всполошилась Злата.
- Не очень. А что?

Ничего не ответив, Злата побежала к терему Глеба. Когда была в двух шагах от него, в голове у нее мелькнула мысль: «Зря не сказала Данко, но ладно, где-то здесь должен быть светозар, наблюдающий за Глебом».

Странно. Светозара не было. Тоже не беда — она сама справится.

Злата решительно постучала в дверь.

На пороге вырос Глеб и улыбнулся шире, чем открылась дверь.

- Ян у тебя?
- Да, - Глеб слегка повернул голову, заглядывая в терем. - Ян, тут Злата пришла. Ты не против, если она к нам присоединится?

Но Злата уже оттолкнула Глеба и проскочила внутрь.

Прямо в сениях перед ней стояли два светозара, в одном из которых она узнала Яна. Вторым, судя по всему, был тот, кто следил за Глебом. Светозары были опутаны золотыми нитями и не могли пошевелиться: нити крепко обвивали их тела, оставив на свободе только головы, а на губах сияли тонкие, едва заметные нитки, вынуждающие пленников молчать.

Злата однажды видела, как светозары связывают пленников, используя для этого свой меч. Подбрасывают его так, чтобы он описал круг четко над головой жертвы, и тут же от рукояти меча отделяются золотые нити, будто всегда были там намотаны. Они обрушиваются на пленника и связывают его. Все происходит настолько быстро, что тот и ахнуть не успевает. Злата тоже не успела. Она с ужасом взглянула на летящий меч, а через секунду не могла ни двигаться, ни говорить.

— Извини, Злата, - изобразив тяжелый вздох, сказал Глеб. - Тебе не стоило сюда приходить. Убивать я никого не стану, но вам троим придется постоять тут, пока все не закончится, иначе Ян бросится спасать героя, и все сорвет. Я этого не допущу.

Сирин умолкла, взмахнула крыльями и полетела прочь, оставив нас в гнетущей тишине. Вскоре тишину нарушил хруст веток, и мы увидели темные фигуры, вынырнувшие из-за деревьев. Они были еще далеко, мы не могли рассмотреть лица, но рассматривать и не хотелось. Сколько их? Десять, двадцать, тридцать? Или больше? Считать я тоже не хотел.

— Бежим назад! Скорее! - крикнул банник, толкая разинувшего рот Богдана.

Не рассуждая и ни о чем не спрашивая, мы помчались на поляну. Ярослав и Мила первыми выскочили на середину поляны и замерли: со стороны Кикиморских дебрей к нам двигались такие же твари.

«Это дочери Морока, - услышал я слова банника. - Лезвоморы».

Дочери?! В их облике не было ничего женского. Грубые, перекошенные злобой лица, еще и покрытые отвратительными рубцами. Под черными плащами угадывались очертания мужских, а не женских тел. На головах капюшоны. Может, там и волос нет?

Лезвоморы остановились, будто не решались приблизиться к нам. Но нерешительность тут была ни при чем, через пару секунд я это понял — подходить ближе им не требовалось. Они разом открыли рты и захрипели, а в следующий момент банник крикнул, чтобы мы падали на землю. Мила, Ярослав и я рухнули в траву, а Богдана он сбил с ног, не дожидаясь, пока тот послушается.

Едва коснувшись травы подбородком, я услышал свист над своей головой.

– Не поднимайтесь! - предупредил банник.

Но я все же слегка приподнялся на локтях.

От увиденного у меня зашевелились волосы: изо рта каждой твари вылетали ножи, прошивая насквозь воздух. Они проносились над нами, угрожающе сверкая, лезвоморы извергали их из себя десятками. Ножевая атака шла с обеих сторон, и я поразился, как лезвоморы не боятся попасть друг в друга. Но, судя по всему, ножи им были не страшны.

Рядом со мной лежал банник, лихорадочно рвал цветы вперемешку с длинной травой, приговаривая:

– Еще чуть-чуть... Вот так... И эту травинку сюда... И будет веник.

Свихнулся. Что еще я мог подумать, услышав его бормотание? Мы лежим на поляне, усеянной ножами, в любой момент нож воткнется кому-нибудь между лопаток, а он веник вяжет.

Богдан тоже косился на банника с недоумением, но молчал.

Свист прекратился. Ножи кончились? Неужели?

– Через несколько минут в их животах зародятся новые, - скороговоркой сказал банник. - Но я успею сделать защиту, мы отгородимся от них камнями.

– А камни где возьмем? - недоверчиво спросил Богдан.

– Это мое дело. Вам лежать больше нельзя. Сбейтесь в кучу, присядьте и закройте руками головы.

Лезморы гладили себя по животам, слегка раскачиваясь взад-вперед.

– Вот гниды, - выругался Богдан. - Чтоб они захлебнулись ножами!

Я обнял Милу, она вся дрожала, по ее щекам текли слезы.

– Сбыня велел всем в кучу, - поторопил я Богдана и Ярослава. - Давайте быстро к нам!

Мы сели, прижавшись друг к другу, а банник встал, вытянул вверх руку с веником и закрутился волчком.

– Камни с гор! Камни древние! Камни мощные! Я призываю вас! Летите сюда, станьте нашей защитой!

Он повторил это раз пять. Ничего не происходило. Богдан начал злиться, убеждать всех, что лучше лечь, пока нас не закидали ножами, и тут в горах загудело. Земля содрогнулась, а в небе показались огромные камни.

– Кому тут камней с неба не хватало... - сипло прошептал Богдан.

– Они же нас раздавят, - взвизгнула Мила, зажмуриваясь. - Первый камень ударился о землю в нескольких метрах от нас.

Банник метнулся к нам, крича на бегу:

– Они лягут, как надо, не бойтесь!

Хотя мне показалось, он сам сомневается в этом.

Камни были разного размера. В основном большие, шумно врезающиеся в землю и друг в друга. Мелкие тоже летели, попадая, куда попало — вот почему банник говорил, чтоб закрыли головы.

Я думал, камнепад никогда не закончится, а мы за это время оглохнем и сойдем с ума от страха, если останемся живы. Про дочек Морока с их ножами никто не вспоминал, они вроде бросились врассыпную, а мы с ужасом следили, куда упадет очередной камень. Самым сложным было не рвануть с места, остаться там, где сказал банник.

Мила спрятала голову на моей груди и не смотрела на камни, у Ярослава вид был тоже испуганный, но он держался, с языка Богдана все время срывались крепкие словечки, а я, совладав с собой, понял, что камни и правда не причинят нам вреда. Они — наше спасение. Из камней вокруг нас за считанные минуты выросли высокие стены, и теперь лезморы могли метать ножи сколько угодно, мы были в надежном укрытии.

Последний камень упал поверх остальных. Стало тихо.

- Ничего так сработано! - улыбнулся баннику Богдан. - Ты это все веником?
- Банники кое-что умеют, - хитро прищурился Сбыня. - А ты не верил.
- Я и сейчас не особо верю, - Богдан окинул взглядом камни. - Но это впечатляет.
- Лезвоморы опомнятся и полезут по камням, - улыбка стерлась с лица банника. - Но здесь мы сможем обороняться.
- У меня желуди! - отозвался Ярослав.
- Сережки тоже есть, - поддакнула Мила.
- Будем кидать в них, чтоб не лезли, - согласился я. - Нам бы немного продержаться, до прихода Яна. Наверняка он уже получил сигнал.
- Светозар — это хорошо, - закивал банник. - Подмога нам нужна. Лезвоморы боятся меча светозара, вмиг разбегутся.
- Что-то его красный конь долго скачет, - нахмурился Богдан.
- Он вот-вот появится, я уверен.

Мне и самому не нравилось, что Яна до сих пор нет. Но он ринулся за мной в мертвый лес, где мог погибнуть сам. Сомневаться в нем после этого было бы глупо: он не оставит нас и наверняка уже мчится.

- Давайте заберемся на разные стены, чтобы не пропустить этих гадин, - сказал я. - Мила, а ты сиди внизу и не высовывайся.

Я забрал у нее сережки и быстро вскарабкался по камням.

Страх не было. Стены, которые соорудил банник, придали мне уверенности. Я помнил, что сильно высовываться нельзя. Швырнуть сережки и спрятаться, чтоб не получить ножом в лоб. Потом еще... Но добравшись до верхнего камня и увидев, что происходит снаружи, сам чуть не полетел вместо сережки.

Метательниц ножей стало в два или три раза больше: некоторые из них подошли совсем близко к стенам, другие следили за стенами на расстоянии. Заметив меня, они открыли рты, но прежде чем оттуда полетели ножи, я кинул сережки и пригнулся.

Небо разорвалось, захлебываясь кровью. Воздух стал багряным, и грохотало кругом так, что нельзя было услышать даже собственные мысли. Да их и не было. Мыслей... Я кидал сережки, не глядя вниз. То же самое делал Богдан, а Ярослав поделился желудями с банником, и желуди летели на дочерей Морока жменями. От желудей, кроме шума и красных всполохов, появлялся дым, глаза начинали слезиться, я тёр их кулаками, но это не помогало.

- У меня последние! - крикнул Богдан, бросая сережки.
- И у меня! - голос Ярослава прорвался сквозь гул.

У банника желуди закончились, а я нащупал только одну сережку — проку от нее мало, но все равно швырнул.

Теперь надо было посмотреть, что творится внизу. Несколько секунд мы все молча переглядывались, и я решился. Тишина пугала больше, чем

недавний грохот. Мне чудилось, стоит мне выглянуть, я столкнусь с лезвоморой лицом к лицу. Или в меня в тот же миг воткнутся ножи — целая сотня. Но я должен был увидеть, что там.

Увидел...

Повсюду лежали лезвоморы с разинутыми ртами. Сережки и желуди вырубili их на некоторое время — достаточное для того, чтобы сюда прискакал Ян. Но красный конь не появлялся, а из леса к нам уже шло новое полчище лезвомор. Дочери Морока не слишком церемонились со своими сестрами, шагали прямо по ним.

— Прячься! - заорал мне Богдан.

Я не понял, почему он запаниковал. Они еще далеко. Сперва остановятся, потом откроют рты, и только потом... Какой же я идиот! Не заметил лезвомору возле стены. То ли сережка на нее не подействовала, то ли тварь пришла в себя раньше других...

Острое лезвие вонзилось в плечо, и я взвыл от боли. В глазах потемнело. Я еле удержался, чтобы не рухнуть со стены: ноги поехали по скользкому камню, но я схватился за выступ другого камня и присел.

— Дим! - вскрикнула Мила. - Что случилось, Дим? Ты ранен?

А ко мне уже спешил Богдан, прыгая по камням.

Кровавое пятно на моем рукаве было такого же размера, как вышитый мамой крест Сварога. Только крест дальше — на груди. Если бы нож воткнулся в грудь или ниже, я бы уже лежал на земле. Мертвый. Мне повезло - лезвомора промазала.

Неужели мне могло повезти? Или крест меня уберег?

— Сейчас мы слезем отсюда, и я вытащу нож, - сказал Богдан. - У нас много трав, чтобы остановить кровь. Остановим.

— Нет! - возразил я. - Некогда с этим возиться. Лезвоморы близко, нужно что-то делать.

- Мы ничего не сделаем, сережек нет, а ты истекаешь кровью.
- Я могу драться правой рукой, а это просто царапина! - возмутился я, и, недолго думая, выдернул нож.

В ушах зазвенело. И нож, скачущий по камням, зазвенел. Кровь хлынула струей, а к горлу подкатила тошнота.

- Какого лешего? - Богдан сорвал с себя пояс и зажал им мою рану. - Дурак! - процедил он.
- Ты что? Пояс зачем?
- Да какая теперь разница!
- Богдан, я тут полежу, я не упаду. Не теряй времени, защити Милу.

Я знал, что эти слова действуют на него.

- Ладно, лежи, - буркнул он. - А эти что творят?

Я перевел взгляд на Ярослава и Сбыню, которые пытались столкнуть вниз камень.

- Давай-давай, еще чуть-чуть! - кричал банник.

Камень сдвинулся с места, заскрежетал и полетел навстречу лезвоморам.

- Ага! Получите, захухри!
- Теперь этот скинем! - Ярослав взялся за соседний камень.

Богдан мгновенно присоединился к Ярославу, а я воспрянул духом — битва не проиграна, мы можем задавить лезвомор камнями. Всех, конечно, не передавим, но задержим до прихода Яна.

Радостная мысль заглушила боль в плече и придала сил. Я встал, примерился к камню — смогу ли столкнуть его в одиночку? Был бы не ранен, точно бы столкнул. Ранен?.. Ерунда, о такой ране и думать смешно. Я напрягся изо всех сил, сцепил зубы и надавил здоровым плечом на камень. Только бы не полететь следом за ним!

Камень поддался не сразу, но я не собирался отступать. Толкнул еще раз, и увидел, что за этот камень с другой стороны держится взбирающаяся на стену лезвомора. Ее искаженное ненавистью лицо было совсем рядом, когда я наконец-то спихнул камень вниз. Вместе с ней.

Кровь не останавливалась, промочила насквозь пояс Богдана, ставший моей повязкой. Волосы слиплись на лбу, сердце билось, как бешеное, но я уже прикидывал, какой из камней сбросить следующим.

Мила читала заклинание, Ярослав и Богдан ворочали камни, а банник размахивал веником.

- Волки быстрые! Волки сильные! - призывал он. - Явитесь сюда всей стаей! Сразитесь с темными девами, грозными лезвоморами. У них ножи острые, но ваши зубы острее!
- Волков зовешь? - хмыкнул Богдан. - Чтоб они нас загрызли, если лезвоморы не справятся?
- Они лезвомор не жалуют, у них с дочками Морока свои счета. Ты не бойся, мы, банники, знаем, что делаем.
- Похоже, ты и правда знаешь, - кивнул Богдан, пряча улыбку.
- Камни больше не кидать! - предупредил банник.

Я услышал дыхание лезвоморы, и тут же она возникла передо мной — забралась таки на стену, гадина. Открыла рот, чтобы выплюнуть ножи, но я оказался проворней: боднул ее головой в грудь, и лезвомора сорвалась со стены. Еще две лезвоморы вынырнули из-за камней возле Ярослава, и он расправился с ними, столкнув их между собой.

Остальным лезвоморам стало не до штурма — как и обещал банник, на них напали волки. Зубы волков клацали, когти раздирали плащи лезвомор и кожу. Лезвоморы хрипели, осыпая волков ножами, вспарывая их шкуры. Землю трясло от этой битвы, но остановить ее было нельзя — и те, и другие бились на смерть.

– Волков мало, - чуть слышно прошептал банник. - Они отступают.

Озверевшие лезвоморы снова полезли на стены. С одной лезвоморой сцепился Богдан, и если бы не помощь банника, огревшего ее веником, она бы точно всадила в него все свои ножи. С другой дрался я, не чувствуя ни боли, ни ужаса. Что творилось у Ярослава, я не видел, но в тот момент, когда я избавился от лезвоморы и перевел дух, услышал его крик:

– Мила!

На стене, где не было никого из нас, стояла лезвомора, распахнув отвратительный рот, и смотрела на мою сестру. Мила тоже ее заметила, выставила вперед руки, словно надеялась остановить этим движением полет ножей.

– Мила, беги! - голос Ярослава сорвался.

Только куда бежать?

Лезвомора, разозлившись из-за его криков, внезапно развернулась к нему и выпустила первый нож. Второй не успела — веник, брошенный банником, ударил ее по лицу, и она рухнула, как подрубленная.

Ярослав медленно сползал по камням, держась за бок. Богдан рванул к нему, а на меня напала очередная тварь. Она сделала то, чего я совсем не ждал — вонзила пальцы в мою шею и начала душить. Ножи у нее кончились что ли?

Я никак не мог отцепить лезвомору от себя, пытался дотянуться до ее шеи, но безуспешно. Дышать становилось все труднее. Странно, что при этом я слышал все, что происходило с другими, словно мой слух обострился до предела. Слышал, как дрался с лезвоморами банник. Как Богдан потащил Ярослава вниз, а Мила захлебывалась слезами, пока не получила от Богдана ответ:

– Да жив он! Жив!

Пальцы лезвоморы внезапно разжались — на помощь пришел банник, оглушивший гадину булыжником.

- Спасибо, Сбыня! - выдохнул я.
- Попробую вызвать дождь, это последнее, что я могу. Из-за дождя им будет сложнее метать ножи. Веник мой улетел, но если встать на верхний камень, получится и без веника.

Я не сразу сообразил, о чем он. Как это — на верхний? Он ведь не будет защищен другими камнями и станет для лезвомор удобной мишенью.

Но банник уже забрался на камень и широко раскинул руки.

- Дождь проливной! Дождь затяжной! Я призываю тебя!

Он успел произнести это всего один раз. А еще успел поймать взгляд сына. И в его тело воткнулись десятки ножей.

Когда он упал ко мне на руки, он еще что-то шептал про дождь. А когда подбежал Богдан, шепот оборвался.

- Мы их вытащим, - в голосе Богдана смешались горечь и надежда. - Все ножи. До единого! И кровь остановим. У меня много трав. И у Милы. В мешке еще были. Где наш мешок?

Богдан сжал запястье банника, попробовал найти пульс. И там, и на шее.

- Так бывает, да? Не слышно, как стучит... Но это ничего не значит. Где наш мешок, Дим? Куда ты его дел? Ну что ты молчишь?
- Ему не помогут травы. Он умер.

Богдан смотрел мимо меня. Он все еще надеялся, и это было хуже всего.

- Нет... Он же банник, у него все по-другому, его так просто не убить. Да, Дим?

Я спрятал глаза. Я не мог ему врать, а правда была слишком жестокой. Банник — не светозар, банник уязвим, почти как человек.

Ножи в животе, ножи в груди. Прямо в сердце воткнут нож. Тут невозможно выжить.

Богдан положил трясущуюся руку на лоб отца.

- Не надо, банник, не шути так, пожалуйста. Я только нашел тебя, только поверил, а ты... Не надо, папа...

Со всех сторон на стены карабкались лезвоморы. Я слышал, как они приближаются и не представлял, что сейчас будет.

Не хотел представлять...

Но тут пошел дождь. А вместе с дождем в небе появился красный конь.

Глава двадцать вторая. Нож в спину и пояс мечты

- Я не мог прийти раньше! Я связан был! - кричал Ян в ответ на мои обвинения.

Словно в тумане, я слушал его рассказ. Мы сидели с Яном на траве, истоптанной лезвоморами и волками, и я не верил, что все закончилось.

- Глеб заявил, будто нашел кое-что про Данко и позвал в свой терем, чтобы показать. Я опомниться не успел, как он меня связал. А там уже был один светозар — его мой отец послал следить за Глебом, но Глеб догадался и захватил его. Потом Злата пришла.
- Злата? - встрепенулся я. - С ней все хорошо?
- Да. Но она тоже была пленницей Глеба. Она его вычислила.

Во мне боролись разные чувства. Страх за Злату — помощник Морока мог ведь ее убить. Восхищение — ну и девушка, ничего не боится! А еще ревность... Злата была рядом с Яном, помогала найти убийцу. Я понимал, что она это делала не только ради Яна: ради всех, и ради меня тоже, но в груди все равно кольнуло. А больше всего я хотел просто увидеть ее, хотя бы одну

минуту полюбоваться хрупкой фигуркой, такой трогательной и беззащитной. Злату хочется защитить, даже когда она замахивается сковородкой.

- Зачем это все Глебу? - спросил я.
- Ему надоел наш мир, - хмыкнул Ян. - Надоело, что тут все так устроено — боги используют своих сыновей как стражников, а сами знать их не желают.

Мне почудилась, Ян отчасти согласен с Глебом. По крайней мере, в том, что касалось богов.

- Вот и решил все разрушить вместе с Мороком. И сонный порошок он рассыпал, и Чеслава убил, потому что тот случайно услышал их разговор. И меня держал у себя в тереме, чтобы я тебе не помог. Я получил сигнал, пятки зудели, как никогда, но я был связан золотыми нитями, а их не разорвать, можно только разрубить мечом светозара. Хорошо, Данко прибежал и других привел.
- Что теперь сделают с Глебом?
- Его передали на суд богов, они вынесут приговор.

Жалости к Глебу я не почувствовал. Понять его и простить?.. Возможно, когда-нибудь, но не сейчас. Это трудно после всего, что случилось.

Я посмотрел на лежащего неподалеку от нас Ярослава. Возле него возилась с травами Мила. Ян сказал, рана неглубокая, все будет нормально, но Мила не отходила от Ярослава, боялась, ему станет хуже.

Отдельно от всех, глядя в одну точку, сидел Богдан. Он молчал с того момента, как понял, что отца не воскресить. Последние его надежды разбил Ян: прогнав лезвомор, он бросился к баннику с нектаром, но увидел, что тут ничего нельзя сделать.

- Не трогай его сейчас, - сказал Ян, проследив за моим взглядом.
- Чуть позже Богдан сам к нам подошел, произнес всего одну фразу:
- Надо его похоронить.

- Я тебе помогу, - кивнул Ян и обернулся ко мне. - Мы похороним. А ты иди к болоту, пока Морок не прислал кого-нибудь еще. Мне с тобой нельзя, ты почти у цели, теперь я никаких сигналов не получу и не побегу тебя спасать. Ты должен сам, иначе Дерево не откроется тебе.
- Возьму тину, а дальше?
- Берескор подскажет.

Болото было совсем близко: стоило мне пройти немного по лесу, меня окутал запах сырости, деревья поредели, сменились невысокими кустарниками, земля сделалась мягкой, ненадежной. Один неверный шаг — провалишься в бездонную трясину. А ведь только что я шел по другой земле и не заметил ее коварства.

Я остановился, прислушиваясь, не вылезает ли кто из болота. Вспомнил, как Богдан шутил:

- А я не отказался бы с болотницами поболтать. Они вроде хорошенькие, хотя вместо ног у красавиц гусиные лапы. И папаша-болотник у них мерзкий. Как думаешь, правда у него изо рта все время болотная жижа течет?

Встречаться с болотником мне совершенно не хотелось. Вряд ли он даст тину просто так, а после сражения с лезвоморами у меня не было сил для новых испытаний, еще и плечо разболелось.

Не знаю, сколько я так стоял, пока не поверил: никто не собирается на меня нападать, я просто наберу немного тины в короб, который дал мне Ян, и уйду. Поколебавшись, я осторожно продвинулся туда, где было больше водорослей, зачерпнул и сразу отступил, не сводя глаз с ядовито-зеленой воды.

Ни болотника, ни болотниц...

Мне и в голову не пришло, что удар ждет меня с другой стороны. Знакомый свист и знакомая боль — мое левое плечо снова разрезали ножом, только теперь сзади, и нож не застрял в плече, царапнул и пролетел мимо.

Пока я поворачивался, представил, что за моей спиной столпились сотни лезвомор. И мысль пронеслась: «Вот и все, сейчас они меня прикончат, как банника».

Лезвомор не было, но когда я увидел, кто это... Лучше бы лезвоморы...

— Мила?!

Она сжимала в руке еще один нож, а ее лицо... Я не мог понять, что случилось с лицом сестры. Черты вроде те же: большие серые глаза, чуть вздернутый нос, красиво очерченные губы... Но мне казалось, кто-то чужой надел маску, чтобы стать похожим на Милу. Это не моя сестра, она никогда не была такой. Не смотрела на меня так! Глаза пугали больше всего — вместо тепла, которое они излучали раньше, в них была стужа.

Мила шевельнулась, подняла руку с ножом. Странно подняла: будто не сама, будто ею руководили, направляя каждое движение.

— Мила, ты чего? Это же я! Мила!

Она прицеливалась, чтобы метнуть нож.

— Это шутка? Ты же не собираешься меня убивать. Убери нож. Пожалуйста!

Мои слова разбивались об ледяную стену. Я понял, что Мила меня не слышит и вряд ли понимает, что делает. Ее рука напряглась. Еще секунда — и блеснуло лезвие ножа. Я успел отпрыгнуть, чуть не рухнув в болото.

Выражение лица Милы не изменилось: равнодушие и холод, больше ничего. Есть ли у нее еще ножи, или этот был последним? Неважно. Я все равно подойду к ней, обниму, встряхну, и она очнется, станет прежней.

Я шагнул к ней, и в глазах потемнело — на несколько секунд мир застыл, а все, что в нем есть, превратилось в сплошное черное пятно. Когда

зрение вернулось ко мне, я увидел Морока рядом с Милой, узнал его по серебряной косе в бороде и плащу, тоже серебряному. Именно так мне описывали бога лжи и обмана.

— Досадно, - насмешливо сказал Морок, обращаясь к Миле. - Ты промахнулась. А как было бы красиво, если бы он погиб от твоей руки. Герой почти у цели, и тут его убивает сестра! Неплохо я придумал, да? Жаль, с меткостью у тебя не очень. Ну ничего, я дам тебе другое задание. Ты ведь будешь стараться?

— Я сделаю все, что вы скажете, - глухо произнесла Мила.

— Что ты говоришь? - не выдержал я, кидаясь к Миле. - Приди в себя!

Но Морок выставил вперед руку.

— Не приближайся к ней, если хочешь, чтобы она осталась жива. Стой, где стоишь и слушай — я расскажу тебе, что с ней случилось и что случится с тобой. Тебе же интересно это узнать?

Заметив мое смятение, Морок рассмеялся.

— Люди... У вас так много слабостей, вы опутаны ими словно веревками. Можно схватиться за любую и затянуть на шее. Порой мне даже скучно затевать всю эту возню с вами, но я развлекаюсь, как могу. Узнав, что боги выбрали героя, я стал искать себе помощника, и твоя сестра подошла для этого как нельзя лучше. Это же забавно — сделать твоим противником близкого тебе человека. Я бы еще парочку заморочил, но моей силы хватало только на одного. К тому же замороченный не должен был понять, что с ним происходит, иначе его раскусили бы, - Морок погладил косичку в бороде. А ногти у него тоже серебряные, но не блестят. Так выглядит потускневшее от давности серебро. - Я замораживал твою сестру осторожно, чтобы после выполнения каждого задания она обо всем забывала. Сперва поручил ей подстрелить дубравца во время игры. Она заранее спрятала в лесу лук, потом

поскакала за вами, подкараулила парня и пустила стрелу. Правда, стрелок из нее никудышный, всего лишь ранила.

Мила стояла, не шевелясь, словно ее это все не касалось, а Морок продолжал свой рассказ.

- Затем я приказал ей украсть у дубравцев фибулу. Тут она все выполнила безукоризненно. Пробралась ночью в дом, в котором дубравцы ее хранили, взяла и отдала мне, я ждал в лесу. А утром ни о чем не вспомнила и удивлялась вместе с остальными.
- И дома дубравцев подожгла она? - не мог поверить я.
- Нет, я ей не доверил, поджег сам. Она всего лишь принесла мне березовые факелы. Никто ведь не может воспользоваться ими, если березане сами не отдадут, - Морок хитро прищурился. - А мы с тобой встречались в тот вечер, перед поджогом. Помнишь? - Ответить он не дал, сразу пояснил. - В лесу, когда твой конь чуть с ума не сошел от страха. Я как раз направлялся к Миле за факелами, а тут ты... До чего же мне хотелось заморочить тебя вместо нее! Но я не стал: у тебя берескор, он не позволил бы мне это сделать. Я вообще частенько гулял недалеко от вас, а вы и не замечали. В ночь, когда паршивка Лана должна была тебя убить, это я случайно спугнул Милу, спящую у костра.
- Идти сюда за мной тоже ты ее заставил? - я сжал кулаки, чувствуя, как закипает злость, переполняет меня и вот-вот выплеснется наружу.
- Разумеется. Предстал перед ней в облике вашего отца и сказал, чтобы шла за братом. Между прочим, я помог ей дойти — велел кикиморам, чтобы они утомили свои родники в дебрях.

Так вот почему, Мила и Ярослав спокойно прошли через дебри, банник был прав — это не просто так.

- А последнее внушение я сделал сейчас, - с довольной улыбкой признался Морок. - Надоело наблюдать, как она сидит без дела и вздыхает возле своего раненого приятеля. Я ее сюда не за этим отправлял.

Я снова попытался подойти к Миле, но Морок преградил путь.

- Неужели ты думаешь, я тебе разрешу? Она полностью в моей власти, и теперь я не верну ее в прежнее состояние, это уже ни к чему. Я заберу ее с собой.
- Что? - я очень хотел, чтобы мне это послышалось. - Зачем вам Мила? Вы же добрались до меня, я стою перед вами! Она-то вам зачем?!
- Не надо так кричать, не люблю шумных. Ты моих дочерей видел? Не отвечай — знаю, что видел. Увы, они не красавицы, а я всегда хотел, чтобы у меня была красивая дочь. Люди доверяют красоте, тянутся к ней, становятся беззащитными. Вместе с красивой дочкой мы можем натворить много чего такого, что не под силу лезвоморам.
- Но у вас ее нет.
- Теперь есть. Не бойся, я буду относиться к Миле, как к родной дочери. Лучшей из дочерей.
- Я ее не отдам! - я кинулся на Морока с кулаками, но он внезапно исчез, и возник с другой стороны.
- Без глупостей! - прогремел голос Морока. - В последний раз предупреждаю: еще одна такая выходка, и я убью твою сестру, хотя очень не хочу этого. Не вынуждай!

Горло сдавило: не вдохнуть, не выдохнуть. Чувство бессилия навалилось на меня, и мысли, которые только что метались в поиске выхода, замерли. Я ничего не могу сделать. Ничего! Должен просто стоять и смотреть, иначе...

– Присмирел? Вот и хорошо. Сейчас мы с Милой уйдем, и больше ты ее никогда не увидишь. Впрочем... Ты вообще никого не увидишь, - Морок расправил складки плаща. - За тобой уже идут, жди.

И снова темнота. Я не успел даже взглянуть на Милу — она исчезла вместе с ним, а меня будто разорвало на куски. Он правда забрал ее, это случилось: я не уберег сестру, не остановил его...

Небо черное. Но чернота не в моих глазах, просто наступила ночь. Не знаю, когда она заползла в лес, когда разлила здесь слабый лунный свет. И сколько я стоял неподвижно после того, что произошло, не знаю. Запах болота становился все острее. Запах гнили, безысходности и чего-то еще.

Ко мне приближалось нечто ужасное, и я понимал — оно пришло, чтобы сожрать меня.

Я не увидел его. Услышал. Мерзкий хохот Одноглазого Лиха ни с чем не перепутаешь. Грудь обожгло острой болью, и мне почудилось, что костлявые пальцы подбираются к моему сердцу. Сейчас они сожмут его и раздавят одним движением. А я и так раздавлен, от меня ничего больше не осталось.

Лихо выросло передо мной, тряся зелеными патлами. Один глаз на уродливом лице горел ненавистью, рот искривился в подобии улыбки, руки дрожали от нетерпения.

– Наконец, это свершится! Ты долго противился, мне это начало надоедать, но теперь ты мой, - Лихо потянуло носом, будто нюхало свой ужин. Так и есть, я для него еда.

Как это будет? Больно? Мучительно? Что чувствует человек, когда Лихо пожирает его душу? Может, я умру сразу, ничего не успев понять? Если бы я был удачливым, мог бы рассчитывать на легкую смерть, но в моем случае и мечтать об этом глупо.

«Слабак! Ты все-таки сдался!»

Голос прозвучал в моей голове. Знакомый голос. Это же Велес! Но как? Откуда?

– Я думал, ты будешь бороться до конца, а ты распустил нюни. Ты так и не смог оставить страхи и сомнения пустоте, а себе взять уверенность.

– Морок увел мою сестру! - крикнул я. - Она никогда не вернется!

Неужели Велесу непонятно, каково мне сейчас?

– Кто сказал «никогда»? Бог лжи и обмана? И ты поверил ему. Глупец!

– Значит Милу можно спасти?

– Спаси для начала себя! Борись!

Боль пронзила мое тело. До слез. До жуткого крика, сорвавшегося с губ. Что-то происходило у меня внутри, и я не хотел знать, что. Пусть все плохое уйдет в пустоту! Пусть провалится туда Лихо, отцепившись от меня раз и навсегда! Я заполню себя только хорошим, новые силы вырастут во мне, как всходит весной трава. До Мирового Дерева остался один шаг: в моем кошельке перо и ветер, а короб с тиной валяется в траве, я обронил его, когда появился Морок. Нужно лишь наклониться за ним. Я дойду до Дерева, а потом разыщу Милу.

«Сохрани мир в своем сердце, и ты справишься с чем угодно».

Этот голос принадлежал Макоши. Я ощутил ее присутствие, мне даже померещился свет, исходящий от хвоста ящерицы, хотя, кроме Лиха, около болота никого не было.

– Сохраню! - твердо произнес я, и Лихо попятилось.

Выходит, оно правда знает, какие чувства я испытываю, и стоило мне заглушить отчаяние и боль, я стал ему не по зубам.

«Мы тебя любим, сын! Что бы ни случилось, помни об этом и иди вперед. И даже если тебе покажется, что ты никогда не дойдешь, продолжай идти».

Папа... А он-то как сумел заговорить со мной? Он же далеко. Боги и не на такое способны, но папа...

«Я горжусь тобой! Но будь осторожен, пожалуйста. Без тебя мне никакая сварожья каша не нужна».

И мама здесь! Кажется, ее руки коснулись моих волос. Мама!

«Прогони ты уже это Лихо! Пни его пару раз, чтоб укатилось, куда подальше».

Богдан? Вот он и правда мог сюда прибежать, он совсем рядом. Я повертел головой в надежде увидеть Богдана. Нет. Только его голос в моей голове. И вдруг еще один голосок, заставивший сердце биться чаще.

«Возвращайся живым. Я ржалёнками угощу, у меня уже получается. И у тебя все получится».

Голоса смолкли, но теперь я слышал стук сердец, это были любящие сердца, и мое собственное сердце перестукивалось с ними, говоря на особом, сердечном языке.

Потом наступила тишина. Я огляделся по сторонам, и понял, что Лихо исчезло, его изгнали чувства, которые я испытывал к тем, кто сейчас говорил со мной.

Свободен! Насовсем или временно, пока Лихо не найдет новый повод напасть, - неважно. Я не должен заглядывать в будущее, когда в моих руках хвост настоящего. Я держу его крепко, и в этом настоящем нет того, кто способен сбить меня с пути.

Я поднял короб с земли, повесил его на плечо и открыл кошель, чтобы достать берескор.

— Одноглазое Лихо не справилось? Занятно!

От этого голоса я вздрогнул, и тут же увидел серебряный плащ Морока. Темный бог буравил меня взглядом.

- К сожалению, я не могу убить тебя сам: это лишит меня силы, доставшейся не так уж легко. И отобрать перо, ветер или тину тоже не могу. Все, что ты получил, разгадывая послания берез, принадлежит тебе. Но ты можешь отдать их добровольно.
- Ни за что! - выкрикнул я, прижимая к себе кошель.
- Уверен? - усмехнулся Морок. - А я думал, ты хочешь освободить сестру.

Это был удар под дых.

- Какое тебе дело до всего мира, если речь идет о твоей сестре? Неужели выполнить задание богов так важно для тебя? Ради этого ты пожертвуешь сестрой?

Морок говорил тихо, вкрадчиво, словно пытался усыпить, и с каждым его словом я сомневался все больше. Если отдам ему перо и остальное, он отпустит Милу. Вдруг это единственная возможность, а я не воспользуюсь ею?

- Решайся. Игры богов не стоят жизни твоей сестры. Мало ли, как будет. Затоскует в Замороченном дворце и не выдержит...

Голова стала тяжелой, я не мог соображать, а рука потянулась в кошель — за пером и кубышкой с ветром.

Я уже готов был расстаться с ними, но внезапная мысль остановила меня.

- Вы обманете! Даже если я все отдам, не отпустите Милу.
- Откуда такая убежденность? - хмыкнул Морок. - Впрочем, это твой выбор. Я не буду предлагать дважды. Как я уже сказал, убить тебя я не могу, но это могут сделать мои паучиные деревья. Хотя сами они тоже не убьют, но заберут все, что не позволило Одноглазому расправиться с тобой.
- Паучиные деревья? - удивленно повторил я.

Всего один миг — и я увидел их. Не знаю, как Морок это сделал, но мы оба больше не стояли на земле, и болото исчезло. Мы качались на мосту, под которым бурлила река, а перед нами возвышалась гора, усыпанная серебряными деревьями. Вскоре я понял, почему деревья так выглядят — их ветви были опутаны паутиной.

Мост тоже был странным: я никогда не видел тряпичных мостов. Словно кто-то поленился построить его из дерева и растянул над рекой бледно-серое полотно.

— Спасать сестру ты не желаешь, - ехидно сказал Морок. - Ну так спаси хотя бы себя. Условия игры проще некуда. Я даю тебе рисовальные палочки, и ты изобразишь на мосту узор. Представь, будто это не мост, а огромный пояс. Ты ведь мечтал стать опоясником? - Морок рассмеялся. - Да, я слышал, что ты потерял свой дар. Печально, очень печально... И все же я даю тебе шанс выжить. Нарисуешь узор, мост станет поясом, и ты окажешься там, где мы недавно с тобой беседовали. Не нарисуешь, мост забросит тебя на гору, а дальше деревья сделают свое дело.

— А Мила? Она будет свободна, если нарисую?

— Ну уж нет. О Миле сейчас речь не идет. Ты ничего не отдал мне, но у меня есть другой способ помешать тебе дойти. Заметь, я не отправил тебя сразу к деревьям, а мог бы. Иногда и мне хочется сыграть честно.

В честность Морока я не верил, а его желание поиграть настораживало, он в любом случае не оставит меня в живых. Но рисовальные палочки Морок мне кинул. Пытаясь поймать их, я чуть не свалился с моста — он ходил ходуном.

— Изобрази хоть какие-нибудь закорючки, большего я от тебя не жду.

Морок откровенно издевался, но после голосов, которые я слышал, его издевки меня не трогали. Я думал, как превратить кусок ткани в пояс и для

кого я буду это делать — чтобы начать работу, я должен был представить хозяина пояса.

Для человека он слишком велик. Но для кого тогда? Для дерева? Для горы? Им пояса ни к чему. Хотя... Сейчас весь мир нуждается в защите от Морока, вся Светозария. И даже эта его часть, самая темная, которую Морок и его отец превратили в свой отдельный мир, могла бы выглядеть по-другому...

Я вывел на полотне первый круг и понял, для кого этот пояс. Он для всего мира.

— Один кружок? - усмехнулся Морок. - Да, невелики твои умения.

Я не слушал его.

«Если дар настоящий, он вернется».

Это слова Стрибога были важней, и я почувствовал, что дар снова со мной. А может быть, он никогда и не уходил, просто решил вздремнуть немного, а сейчас проснулся. Я рисовал, забыв про Морока и паучьи деревья. Рисовал, бегая по мосту и рискуя упасть с него в любой момент. Узоры выводились легко, будто передо мной был берестяной лист. Солнце! Главный защитный знак. Его я поместил в центре, а вокруг деревья, животных, людей — я придумал новые знаки для всех.

Когда я закончил рисовать, обнаружил, что Морока на мосту нет. Я не успел задуматься, к добру это или нет: меня тряхнуло с такой силой, что удержаться на ногах было невозможно. Я покатился по мосту, смирившись с тем, что сорвусь в реку, но тут на ночном небе вспыхнуло солнце. Всего на секунду. И скрылось. Перемещение произошло так же незаметно, как в прошлый раз — с Мороком. Только что я цеплялся за полотно, чтобы не оказаться в воде, и вот уже лежу на траве, рядом со мной валяются выпавшие из кошелька перо и кубышка с ветром, а чуть дальше кораб с тиной.

Выходит, все получилось, и дар опоясника у меня есть. Но радоваться было рано. Я решил, надо спешить, пока снова не появился Морок или кто-нибудь еще. Берескор сиял, и едва я взял его в руки, открылась кубышка.

Напрасно мы с Богданом смеялись, что ветра в ней не хватит, чтобы остудить ложку каши. Ветер поднялся не хуже, чем был во дворце Стрибога, он подхватил перо, заставив его кружиться над моей головой, сорвал крышку с короба и вытащил оттуда тину. Пока летало одно перо, это выглядело вполне нормально, но когда к нему присоединилась тина, я оторопел. И мысль появилась глупая — вдруг какая-нибудь водоросль зацепится за мое ухо. Но больше всего меня волновало, как это странное кружение поможет мне добраться до Мирового Дерева? Вот полетят сейчас перо с тиной дальше, и я должен буду бежать за ними. А если не догоню?..

Словно подслушав мои мысли, перо и тина замерли: перо висело четко перед моим носом, а тина возле оттопыренного уха — как в насмешку. Вскоре мне стало не до них. Мои ноги оторвались от земли, и ветер с силой швырнул меня в темноту. Это была необычная темнота, слишком густая, напомнившая мне, как летающий волк нес меня по коридорам Подземного дворца. Я сразу понял, что нахожусь не в лесу: исчезли все запахи и звуки, и я не мог разглядеть ничего, даже очертания собственных рук.

Через несколько минут стало светло, как днем, я зажмурился, а, открыв глаза, увидел Мировое Дерево.

Глава двадцать третья. Большой мир и ветка надежды

Это была береза, растущая ветвями вниз, а корнями вверх. Она стояла на огромном камне, окруженном со всех сторон водой. Ее ветви упирались в камень, некоторые уходили вглубь него, а корни тянулись к солнцу.

Вода ударялась о камень — единственную сушу здесь, на которой я очутился, вынырнув из темноты. Я смотрел на перевернутое дерево и не мог поверить — неужели это оно и есть? Неужели я справился с заданием богов?

Из-за дерева с шипением выползла серая змея, с другой стороны появилась птица — тоже серая, с железным клювом и медными когтями, а береза заговорила голосом Макоши:

- Не шипи, Гарафена! Спрячь когти, Гагана! От него защищаться не нужно, я ждала, когда он придет.
- Макошь? - поразился я. - Вы и есть Мировое Дерево?
- Нет, я всего лишь позаимствовала ее голос. Это ведь она прислала тебя. Я могу говорить любым голосом, ты разве не заметил?
- Значит там, когда на меня напало Лихо, это были вы?

Ну, конечно! Вот почему я слышал голоса тех, кто мне дорог. Дерево знало, что это вернет мне силы.

- Я не могла допустить, чтобы ты сдался, после того, как раздобыл перо, ветер и тину.

Корни березы слегка покачивались, а когда Дерево замолкало, они замирали.

- Спасибо вам! Я думал, уже все... Не дойду, - Мне хотелось потрогать Дерево руками — правда оно настоящее? Но я не решился. - Надо же. Мировое Дерево — береза! Дубравцы обзавидовались бы.
- Ошибаешься. Мой облик меняется, как и голос. Если бы сюда пришел дубравец, он увидел бы дуб, а тополянин встретился бы с тополем. У каждого свое дерево, каждый живет в своем мире, но мир всегда больше, чем кажется: и тот, что мы видим, и тот, что скрывается внутри тебя.

После недолгого молчания береза продолжила:

- Знаю, ты давно хотел узнать, что находится за пределами Светозарии. Я покажу тебе, пришла пора открыть правду. Ты любишь молоко?

Вопрос был неожиданным. Какая связь между молоком и правдой о мире?

- Ну... так себе.
- Могу поспорить, птичье молоко ты не пил никогда. Гагана — единственная птица, которая его дает. Подставь ладони к ее клюву, не стесняйся.

Стесняться я и не думал, но железный клюв птицы не внушал доверия.

- Смелей, - догадалась о моих сомнениях береза. - Она не причинит тебе вреда.

Птица смотрела на меня сердито, и я поежился. Ладно... После всего, что со мной произошло, глупо бояться, что тебя клюнут в руку.

Я сложил ладони лодочкой, Гагана широко открыла клюв, и оттуда тонкой струйкой потекло молоко.

- Сделай один глоток, но побольше. Остальным молоком умойся и закрой глаза.

Молоко было терпким на вкус и пахло крапивой.

- Не размыкай веки, пока я не скажу. Сейчас ты все увидишь, будто во сне, но этот сон и есть та реальность, которая была скрыта от тебя.

Терема светозаров первыми возникли в моем видении. И сами светозары, снующие между деревьями. Один из них шагнул в заросли широкого кустарника, а вышел... Сперва я не понял, куда — меня оглушил шум. А потом я смог рассмотреть это место. Там были люди. Много людей, таких же, как и мы, только странно одетых. Они шли мимо высоких дворцов, похожих друг друга, но мало напоминающих дворцы богов. Удивительно: многочисленные окна не имели никакой защиты, я не нашел ни одного узора. Кто же там живет, если они не нуждаются в защите? Еще я увидел

разноцветные телеги без лошадей — закрытые со всех сторон, но тоже с окнами, и мчались они очень быстро.

- Довольно для начала, - сказала береза. - Мир слишком большой, чтобы рассмотреть его за пару минут. - У тебя еще будет время познакомиться с ним поближе.
- Но там... там... - запинаясь я. - Там нет кровожадных великанов.
- Конечно, нет. Боги вынуждены были скрывать от людей правду. Светозария создавалась с единственной целью — спасти большой мир от темных богов, лишив их силы.

Береза рассказывала, а я не мог пошевелиться. Выходит, рассветная и закатная магия были не единственной ложью богов. Мы не знали ничего о нашем мире и о том, что он — всего лишь часть другого, огромного мира, для которого наша Светозария невидима.

- Ты все поймешь, не торопись.
- А дети? Младенцы, которых приносили светозары. Кто они?
- Их бросили родители. Оставили умирать в лесу, на помойке или в разрушенном доме. Светозары забирают только таких детей, обреченных на гибель.

Бросили... Как? Почему? Береза сказала, ответы будут позже.

- Ты здесь, чтобы получить от меня помощь. Иначе Светозария станет добычей Морока, а потом он пойдет дальше и разрушит все. Мне ничего не стоило бы вам помочь, ведь ты разгадал все послания, но твой путь ко мне не был гладким, и некоторые условия были нарушены.

Вот оно — то, о чем предупреждала Макошь: светозары примчались всей толпой в мертвый лес, чтобы спасти меня и Яна от муховодов.

- И теперь ничего нельзя сделать? Светозария погибнет?

Мой взгляд бегал по дереву, пытаюсь уловить ответ в шевелении листьев и корней.

- Кое-что можно. Отломишь от меня две ветки. Одна так и будет березовой, вторая станет дубовой, как только ты выйдешь отсюда. Посадишь их среди берез и дубов.
 - Березовую в березовом лесу, дубовую — в дубовом? - уточнил я.
 - Да. Наоборот было бы слишком заметно для чужих глаз, а нам не нужно, чтобы об этих деревьях знали. Они вырастут быстро, за три дня, и остановят вражду между людьми, но лишь на некоторое время. Впитав в себя всю ненависть, что люди испытывают друг у друга, деревья засохнут и больше не смогут сдерживать людей.
 - И тогда... - я боялся продолжить.
 - Ты должен правильно воспользоваться временем, которое у тебя будет, и найти индрика.
 - Индрик? Что это?
 - Не что, а кто. Конь с необычным хвостом и рогом на лбу, иногда и двумя рогами. Когда Сварог смешивал явь, правь и навь, он хотел взять индриков в Светозарию, но не смог.
 - Они остались в большом мире?
 - Нет, там про них вообще мало кто помнит. Они застряли между мирами, и попасть к ним можно только через пещеры большого мира. Боги все об этом знают, они расскажут тебе.
 - Хорошо, я пойду за индриком, - кивнул я, хотя береза не спрашивала моего согласия. - Но сперва освобожу сестру, Морок хочет сделать из нее чудовище.
 - Мне это известно. Как и то, что освободить ее ты не сможешь.
- Кровь хлынула к лицу. Я захлебнулся возмущением, и не сразу смог ответить, а когда заговорил, мой голос дрожал.
- Неправда! Мила не останется с Мороком, я вырву ее из его лап, чего бы мне это не стоило!

- Это не твоя битва, не твоя задача. Твоя — идти за индриком.
- Да почему я должен вас слушать? - вскинулся я, и на меня зашипела змея Гарафена.
- Потому что иначе ты погубишь всех: и сестру, и себя, и всю Светозарию... Выпей еще молока! Ну, что ты стоишь? Пей, говорю, пока Гагана не передумала.

Птица ждала с открытым клювом, и я подчинился. Набрал еще молока, проглотил, в этот раз не чувствуя вкуса, и закрыл глаза.

Я снова увидел людей, но не из большого мира. Это были березане и дубравцы, вооруженные дубинами, топорами, граблями. Выкрикивая ругательства, они бежали навстречу друг другу. Подобное уже было: в день, когда погиб Первак, но теперь люди дрались ожесточенней и жаждали крови. Я не смог долго смотреть, глаза распахнулись сами.

- Это уже произошло, - сказала береза. - Велимудр с твоим отцом пытались остановить их, но березане не послушались, они хотели вернуть своих детей.
- Что с детьми?
- Они уже дома. Но с обеих сторон есть погибшие, их немало. И есть семьи, жаждущие мщения. За несколько часов мир изменился, а сила Морока выросла втрое.
- Но Мороку не хватило сил, чтобы помешать мне.
- Морок знал: если в твоих руках перо, ветер и тина, и если Лихо не смогло тебя убить, никто и ничто не встанет на твоём пути ко мне, ты дойдешь. Но он знал и о переменах в его пользу, поэтому не сильно беспокоился, а игру с поясом затеял скорей для того, чтобы посмотреть, чего ты стоишь как противник. Он ведь понимает, что светлые боги будут бороться за Светозарию, и ты по-прежнему — их

единственная надежда. Нарисовав узоры на поясе, ты показал Мороку, что напрасно он тебя недооценивал.

Я не почувствовал ни радости, ни гордости. Я думал, дойти до Мирового Дерева — главная цель, и если дойду, все будет хорошо, а выяснилось, это лишь первый шаг, и сколько еще предстоит сделать шагов, никто не скажет наверняка.

— А пелена? Ее больше нет на моих глазах? - спросил я. - Я полностью победил Лихо?

— Увы, человек не может его победить.

У меня вырвался нервный смешок. Чудесно! В любой день Лихо снова явится за мной.

— А светозар может, - береза взмахнула корнями. - Чтобы избавиться от Лиха, тебе придется стать светозаром. И не только для этого. Если ты получишь способности светозара, противостоять Мороку будет намного легче.

— Но я не сын бога и не хочу им быть.

— Никто не предлагает тебе поменять отца, - береза рассмеялась. Совсем как Макошь, когда ее веселила сказанная мною глупость. - Боги могут сделать из тебя светозара, наделив нужной силой, но твоими родителями все так же будут Белава и Мирон.

— Тогда я, наверное, соглашусь, - пробормотал я.

— Согласится он! - береза заглушила хохотом плескание волн. - Ты передашь богам мою волю: и ты, и твой друг Богдан станете светозарами, вы оба этого достойны.

— А если Богдан не захочет? - испугался я.

— Неужели ты не понимаешь — он пойдет с тобой до конца. И не из-за того, что берескор предназначался ему, и если бы он его взял, я бы

сейчас говорила с ним, а не с тобой. Ваша дружба придает сил вам обоим, но сила светозара не помешает и ему.

- Надеюсь, он не откажется.

В памяти всплыло лицо Богдана, сидящего возле мертвого отца. Почему все так? Почему на долю Богдана выпало такое испытание? Найти отца, чтобы сразу потерять... У него и так не было родных людей, кроме деда. Судьба дала ему целых три дара, но разве они могли заменить материнскую и отцовскую любовь?..

- Отломи две любые ветки и подойди к Гарафене, - вклинилась в мои мысли береза. - Она укусит тебя, но не бойся: ее укус не ядовит, он возвращает моих гостей домой.
- Подождите! Я обещал одной девушке попросить за нее.
- Ты про Лану, убившую жениха и подругу? - наверное, если бы дерево умело морщиться, оно поморщилось бы всей своей корой.
- Лана раскаялась. Она хотела бы все изменить, да поздно...
- Люди часто повторяют эту фразу, они думают, будто живут понарошку, будто потом перепишут свою жизнь набело, но все, что они делают, оставляет узлы на нитях судьбы, иногда такие, что их не развязать и не разрубить.
- Она уже за все заплатила. Пожалуйста, освободите ее душу!
- Освободить, - хмыкнула береза. - Думаешь, все так просто? Ее освобождение лишит тебя чего-то нужного, потому что просишь за нее ты и жертвовать придется тебе.
- У меня опять отберут дар?
- Дар опоясника? Нет, он останется с тобой. А вот за твои новые дары, которые ты получишь, став светозаром, я не поручусь.
- То есть я их получу, но не все?

– Именно так. И я понятия не имею, что ты потеряешь из-за Ланы. Это может быть владение мечом, умение управлять небесными лошадьми, подкреплять свои силы нектаром или что-нибудь еще.

– Всего-то? - обрадовался я.

Мне это казалось совсем не значительными. Жил же я без этого.

– Ты потом осознаешь важность потери, - не унималась береза.

– Я готов принести в жертву одно из умений светозаров, - решительно сказал я. - Ради свободы Ланы.

– Это твое последнее слово?

– Да.

Волна накатила на камень, и брызги посыпались на меня мелким градом.

– Да будет так! - голос березы-Макоши прозвенел над водой.

– Спасибо! - прошептала Лана.

Я решил, мне почудилось: кроме птицы и змеи возле дерева никого не было. Но тут невидимая рука коснулась моей щеки, а потом ямочки на подбородке.

– Как же ты на него похож! Жаль, мы никогда больше не встретимся, а я не могу тебя даже поцеловать. Спасибо, что освободил меня! Будь счастлив, Дим!

– Счастья она ему пожелала... - вздохнула береза. - Если бы желания сбывались так же легко, как порхает сейчас ее душа... Пусть летит, а ты давай, подставляй Гарафене плечо. Хотя нет, стой. Забыла сказать. Отсюда ты попадешь прямиком в березовый лес, там тебя ждет последнее послание. Надеюсь, берескор ты не потерял?

– Нет, он при мне.

– Вот и хорошо. Я решила подарить тебе кое-что: разгадаешь написанное на березе — поймешь.

– А мои друзья? Они сидят недалеко от болота. На них могут напасть!

– Уже не сидят, не переживай, Ян понял, что ты добрался, куда надо, и переправил их домой. Ваши кони тоже давно дома.

Я сорвал ветки и дотронулся украдкой до ствола: не знаю, почему мне так хотелось прикоснуться к нему. Гагана следила за каждым моим движением, а Гарафена высунула язык, и как только я приблизился к ней, резко выпрямилась и прыгнула на меня. Острая боль обожгла плечо — опять левое! Удачливое оно, однако... Это была единственная мысль, которая шевельнулась в моей голове, прежде чем я лишился чувств.

В последний раз я смотрел, как с березы исчезают черточки. Наверное, я должен был радоваться: дошел до Мирового Древа вопреки всему, а теперь стану светозаром и выйду в большой мир. Я ведь хотел этого, мечтал побывать там, куда вряд ли попал бы, если бы жил, как раньше... Но что станет с нашим миром, неизвестно, и домой я сейчас вернусь без Милы... Пусть боги говорят, что угодно, но я должен придумать, как ей помочь, и я придумаю.

На стволе проступили буквы. Еще одна потешка, знакомая с детства:

Берегини

берегут

и

деревья,

и

цветы.

По

траве

легко

идут -

там,

где
часто
ходишь
ты.
Будь
таким
же,
как
они -
год
за
годом
мир
храни.

Кажется, я догадался, чем одарило меня Мировое Дерево, остается проверить, правда ли в потешке скрыто слово, которое я всегда произносил с грустью и затаенной надеждой.

По березе побежала белка, ударив хвостом по нескольким словам. Может быть, она показала мне их вместо того, чтобы спеть? Но нет, она уселась на верхней ветке и запела:

Вот стоит березка,
На березке ветки,
А на ветках бруньки,
Маленькие бруньки...

— Да говори уже сразу, где какая! - крикнул я ей.

Белка смирила меня удивленным взглядом и повторила:

А на ветках бруньки,
Маленькие бруньки.

А дальше совсем быстро:

На второй ветке шестая брунька красивее всех, на четвертой — первая, на восьмой — третья, на тринадцатой — первая, на семнадцатой — вторая.

А другие ветки забудь, забудь.

А другие бруньки забудь! И в путь!

Я не стал считать буквы: для этого еще будет время. Сперва надо было посадить березовую ветку, полученную от Мирового Дерева, потом пойти в дубовый лес, а потом... Слишком много всего предстояло сделать потом.

Ветка утонула в мягкой земле — через три дня тут вырастет дерево. Я выпрямился во весь рост и долго стоял, глядя, как по небу расползаются тучи. В ушах звенел голос белки:

— А другие бруньки забудь! И в путь!

Продолжение следует